

ISSN 2409-336X

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (46)
2015

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Днепрадзяржынск, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

*Научно-методический журнал “Вестник Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова” включен в РИИЦ
(Российский индекс научного цитирования),
лицензионный договор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

БОНДАРЕНКО К. М. Количество и численность правомонархических образований в России и Беларуси в 1907–1916 гг.	4
СТРЕЛЕЦ М. В., ОБУХОВСКАЯ О. А. Отношение коммунистического режима в ГДР к государству Израиль (1949–1990 гг.): внутренние и внешние детерминанты, концептуальные подходы, тенденции, проблемы	14
ДАНІЛОВІЧ В. В. Уплыў асацыяльных з’яў на моладзь Савецкай Беларусі і барацьба з ім (1921–1939 гг.)	23
МОТОРОВА Н. С. Участие органов местного самоуправления в реализации планов всеобщего начального обучения на территории белорусско-литовских губерний в начале XX в.	35
СМОЛОВСКИЙ А. С. Создание двухпартийного блока большевиков и левых эсеров	43
ВАСИЛЕНКО В. В. Производственная и ремонтно-строительная деятельность всероссийского земского союза и всероссийского союза городов на фронте и в тылу (1915–1917 гг.)	53
ШИШКИНА Е. К. Источниковедческая критика бумажных бон как теоретическая и методологическая проблема бонистики	62
ВИШНЕВСКИЙ М. И. Интегративный потенциал философского образования	68
СУРКОВ В. В. Гибрис в контексте современного мироотношения	76
ВІРЬУК І. What a language Student should know about the english Article	83
ЧЕРНОВА М. С. Романтические устремления А.Ф. Рыпинского и идея народности Г.И. Гердера	89
БОЖКО Е. П. Усвоение учащимися текстообразующих возможностей сложных предложений на уроках украинского языка	95
РЭЦЭНЗІІ	
РІЕР Я. Г. О ментальности историка: размышления на полях одной статьи	102

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(47+57)“1907/1916”

КОЛИЧЕСТВО И ЧИСЛЕННОСТЬ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ В 1907–1916 гг.

К. М. Бондаренко

кандидат исторических наук, доцент,
ректор МГУ имени А. А. Кулешова

В предлагаемой статье, на основе документов архивов Российской Федерации, отечественных архивов, а также опубликованных источников исследуются количественные и качественные характеристики как отдельных правомонархических организаций, возникших и действующих в начале XX в. в Беларуси, так и движения в целом. Автор вносит дополнения и уточнения по численному составу правых образований в ранее опубликованные материалы.

Ключевые слова: монархия, монархизм, правомонархические партии и союзы, их отделы и подотделы.

Введение

После поражения русской революции 1905–1907 гг., в результате раскола единого общероссийского Союза Русского Народа (СРН) образовались три фактически самостоятельные партии – Русский Народный Союз имени Михаила Архангела (СМА), Союз Русского Народа – обновленческий (СРН – обновленческий) и Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа (ВДСРН). Кроме названных правых организаций, на территории Российской империи накануне и в ходе Первой мировой войны действовали Русское Собрание (РС), Русский монархический союз (РМС), Всероссийский национальный союз (ВНС), Русское Окраинное Общество (РОО) и возникший в 1915 г. Отечественный патриотический союз (ОПС). В современной историографии монархического движения России и Беларуси наиболее спорным и недостаточно изученным остается вопрос о количестве и численности правых партий и союзов, особенно в годы, предшествующие Февральской революции.

Основная часть

Наиболее достоверные сведения о количестве и численности правых образований в империи удалось получить Департаменту полиции (ДП) Министерства внутренних дел (МВД) в 1907–1908 и 1915–1916 гг. от губернаторов, градоначальников и губернских жандармских управлений. Этот материал впоследствии использовали в своих трудах практически все исследователи истории монархического движения. Одним из первых данные ДП МВД за 1907–1908 гг. привел в одной из своих статей С.А. Степанов. По его подсчетам “к концу 1907 г. черносотенные организации были созданы в 66 губерниях и

областях России. В 2208 населенных пунктах действовало 2229 отделов монархических организаций, 2124 отдела принадлежали СРН, 105 – другим монархическим союзам. Общая численность черносотенцев достигала примерно 410 тыс. человек” [1, с. 199]. В приложении № 1 к своей работе, С.А. Степанов, наряду с территориальным размещением монархических организаций и указанием о времени возникновения некоторых из них, включил в таблицу сведения о численности отделов и подотделов СРН, других правых партий и союзов, действовавших в губерниях России в 1905–1907 гг. Таблица содержит также и материал о численности монархических образований в пяти белорусских губерниях. Проведенные нами подсчеты дали следующие показатели. Всего на территории тогдашней Беларуси в означенный выше период времени существовало 3 губернских отдела, 1 городской отдел, 14 уездных отделов, 29 сельских подотделов СРН и 1 отдел РС общей численностью 27648 чел. По регионам эти данные распределились следующим образом: в Виленской губернии действовали отдел РС (100 чел.) и городской (так он именуется в анализируемой таблице) отдел СРН (900 чел.); Витебской – 1 губернский, 5 уездных отделов и 3 сельских подотдела (10071 чел.); Гродненской – 1 уездный отдел и 1 сельский подотдел (505 чел.); Минской – 1 губернский, 3 уездных отдела, 11 сельских подотделов (4420 чел.); Могилевской – 1 губернский, 5 уездных отделов и 14 сельских подотделов (11652 чел.). Кроме этого, С.А. Степанов включил в списки монархических организаций Общество старообрядцев и правых в г. Витебске и Православное Софийское братство в г. Гродно (395 чел.) [1, с. 209–210, 213, 220–221].

Несколько иные, по сравнению с вышеозначенными, сведения о численности монархических организаций в белорусских губерниях содержатся в публикациях Ю.И. Кирьянова. В статье “Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг.”, появившейся в 1996 г., автор на основе многолетнего изучения архивных документов и других источников оценивает общую численность всех монархических образований, действующих в России в 1907 – начале 1908 гг., в 399,5 тыс. чел. [2, с. 221]. На территории тогдашней Беларуси, по его данным, в конце 1907 – начале 1908 гг. насчитывалось 42198 членов правых партий и союзов. По губерниям численность членов отделов и подотделов СРН и РОС распределялась следующим образом: Виленская губерния – 1000 чел.; Витебская – 11049 чел.; Гродненская – 520 чел.; Минская – 3770 чел. (СРН) и 12716 чел. (РОС); Могилевская – 13143 чел. [2, с. 219]. В более поздних исследованиях Ю.И. Кирьянова (статье “Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений” [3] и монографии “Правые партии в России. 1911–1917 гг.” [4]) приводятся другие данные. Исходя из них, общая численность монархистов в Беларуси составляла 42180 чел. Разница в 18 человек появилась в результате сокращения Ю.И. Кирьяновым членов СРН Гродненской губернии с 520 (по данным в статье за 1996 г.) до 502 (по вышеупомянутым работам). При этом, подавляющее большинство участников монархического движения (29464 чел.) принадлежали к белорусским организациям СРН [3, с. 32; 4, с. 79–80].

Принимая предложенные Ю.И. Кирьяновым сведения о численности членов СРН и РОС в белорусских губерниях за вполне соответствующие действительному положению дел, следует заметить, что они не учитывают количества участников других монархических образований, возникших и действующих в Беларуси в годы первой русской революции и, в частности, таких, как Виленский отдел РС, общество “Крестьянин”. Следовательно, общая численность правых

сил в белорусских губерниях, с учетом названных организаций, была гораздо внушительнее. Отметим также, что численность членов СРН в этот период, в отличие от многих других, постоянно росла и составляла соответственно 17251 чел. в 1906 г. и 22038 чел. в первой половине 1907 г., хотя такое количество его членов никогда не существовало одновременно.

Привлекая различные источники и прежде всего документы, хранящиеся в фондах ГАРФ, нам удалось обнаружить новые сведения, позволяющие дополнить и уточнить итоговые данные о численности отделов и подотделов СРН и других монархических организаций в белорусских губерниях на конец 1907 г., в 1908–1914 гг. и в 1915–1917 гг. Для начала приведем сведения, поступившие в ДП МВД от губернаторов, начальников губернских жандармских управлений и других официальных лиц на запрос МВД от 7 и 13.09.1907 г. Так, гродненский губернатор 9.10.1907 г. ставит в известность ДП МВД о том, что в губернии имеются 2 отдела СРН – в селе Красносток Сокольского уезда численностью в 41 человек и посаде Старосельцы Белостокского уезда – 464 чел. [5, л. 49-49 об.]. Могилевский губернатор в донесении от 8.11.1907 г. приводит данные по 12 отделам и 5 подотделам СРН, действующим в это время в губернии: Могилевский губернский отдел – 942 чел.; Быховский уездный отдел – 432 чел.; Глухский (с. Глухи) – 230 чел.; Ново-Быховский (м. Н.-Быхов) – 230 чел.; Журавичский (м. Журавичи) – 140 чел. (все названные отделы находились в Быховском уезде. – *К.Б.*); Гомельский (г. Гомель вместе с окрестным населением) – 9157 чел.; Ветковский (м. Ветка, Гомельского уезда) – 140 чел.; Оршанский (г. Орша) – до 700 чел.; Рогачевский (г. Рогачев) – 7 чел.; Стрешенский (м. Стрешин, Рогачевского уезда) – 287 чел.; Сенненский (г. Сенно) – 183 чел.; Чаусский (г. Чаусы) – 450 чел.; в четырех подотделах Гомельского уезда – Светиловичском Столбуновской волости, Шелуховском Покотской волости, Рудне – Споницкой Ветковской волости, Поколюбичском Поколюбичской волости общая численность членов союза составила 187 чел.; в Аленовичском подотделе Оршанского уезда насчитывалось около 100 чел. [5, л. 102]. Кроме того, в дополнительном донесении от 4.03.1908 г. могилевский губернатор уведомлял ДП МВД о том, что других, “кроме «Союза русского народа», действующих монархических организаций в Могилевской губернии не имеется”, а СРН 28.01.1908 г. пополнился отделом в г. Копысь Горецкого уезда с количеством членов в 89 чел. [6, л. 258–258 об.]. Вместе с тем, документы Российского государственного исторического архива (РГИА) содержат некоторые расхождения в данных о численности ряда отделов СРН по Могилевской губернии и в частности в м.м. Журавичи (129 чел. вместо 140), Ветка (356 чел. вместо 140) и м. Стрешин (273 чел. вместо 287) [7, л. 493об., 498 об., 526]. Минский губернатор 15.11.1907 г. извещал Департамент полиции о численности 5 отделов и 11 подотделов СРН, находящихся на подведомственной ему территории: Минский губернский отдел – 295 чел.; Пинский уездный отдел – 300 чел.; Речицкий – 370 чел.; Бобруйский – 350 чел.; Игуменский – 16 чел.; Лунинецкий подотдел (м. Лунинец) – 240 чел.; Любешовский (м. Лубешов) – 2 чел.; Локшицкий (с. Локшицы) – 7 чел.; Боровоевский (с. Боровое) – 2 чел. (все четверо Пинского уезда. – *К.М.*); Казазаевский (д. Казазаевка) – 60 чел.; Лоевский (м. Лоев) – 1000 чел.; Холмечский (м. Холмеч) – 120 чел.; Деражичский (с. Деражичи) – 100 чел.; Наровлянский (м. Наровля) – 400 чел.; Дерновичский (с. Дерновичи) – 443 чел.; Жердноевский (д. Жердное) – 65 чел. (все 7 подотделов находились в Речицком уезде) [5, л. 110–111]. 19 декабря 1907 г. минский губернатор в дополнение к донесению от 15.11.1907 г.

писал: “За № 4706 уведомляю Департамент полиции, что в городе Минске существует монархическая партия под названием «Русский Окраинный Союз», в котором насчитывается ныне 12716 членов, из коих в городе Минске 1443, а остальные в разных местностях губернии и, что состав этого союза постепенно увеличивается. При этом считаю необходимым присовокупить, что в Минском отделе Союза Русского Народа, о коем сообщены мною Департаменту сведения 15 ноября за № 4706, число членов в настоящее время возросло с 295-ти до 450 человек” [5, л. 191–191 об.].

Сведения об отделах и подотделах СРН и других монархических организациях в Витебской губернии поступили в Департамент полиции 1 марта 1908 г. Витебский вице-губернатор привел следующие данные: Витебский губернский отдел СРН – 600 чел.; Велижский отдел (г. Велиж) – 400 чел.; Городокский (г. Городок) – 105 чел.; Двинский (г. Двинск) – 395 чел.; Тяпинский (м. Тяпино, Тяпинской волости) и Городчевичский (м. Городчевичи, Городчевичской волости) отделы Лепельского уезда общей численностью 1700 чел.; Люцинский отдел (г. Люцин) – 35 чел.; Режицкий (г. Режица) – 233 чел.; Себежский (г. Себеж) – 130 чел.; Телятниковский подотдел (с. Телятники, Щербинской волости) Витебского уезда – 90 чел.; Креславльский (м. Креславль) отдел Двинского уезда – 106 чел.; Малиновский волостной отдел Двинского уезда – 7000 чел. [6, л. 252–254]. Кроме организаций СРН, в г. Витебске существовало общество под названием “Союз старообрядцев и православных” с отделом в г. Полоцке численностью в 210 чел. [6, л. 253]. К сказанному выше необходимо добавить информацию начальника Виленского охранного отделения от 12.12.1907 г. (в документе 12.12.1906 г. – К.Б.) о том, что в г. Вильна открыт отдел СРН численностью в 1000 чел. [5, л. 1].

Дополнительные сведения о численности некоторых отделов СРН, не вошедших в отчеты губернских властей ДП МВД за 1907 – начало 1908 гг., мы находим на страницах газеты “Наша Ніва”. Так, в отделе СРН м. Н. Снов Новогрудского уезда Минской губернии на 22 мая 1907 г. числилось 16 чел. [8, с. 6–7], а в отделе м. Городок Белостокского уезда Гродненской губернии на 29 февраля 1908 г. – 50 чел. [9, с. 7–8]. Напомним также, что в это время в Беларуси продолжали действовать Виленский отдел Русского Собрания в количестве 51 члена и общество “Крестьянин” численностью около 1 тысячи человек. Возникшая в декабре 1905 г. монархическая партия “Северо-Западное Русское Вече” и насчитывающая в своих рядах к февралю 1906 г. около 500 членов, к концу мая 1906 г. перестала существовать [10, с. 70]. На этом сведения о численности монархических организаций, действующих на территории белорусских губерний в конце 1907 г., к сожалению, исчерпываются.

Численность белорусских отделений других монархических партий, союзов и обществ, таких как СМА, СРН – обновленческий, ВДСРН, ВНС, РОО и т.п. определить еще сложнее, чем СРН, так как они организовались в ходе раскола монархического движения в 1908–1911 гг., поэтому данные об их численности в документах ДП МВД практически отсутствуют. Восполнить этот пробел, в определенной мере, позволили сведения, обнаруженные в частично сохранившихся материалах фондов СРН и СМА, однако и они носят крайне отрывочный, а в большинстве случаев эпизодический характер. В частности, в документах канцелярии Главного Совета СРН, содержащих его переписку с Виленским губерньским отделом, имеются данные на 16.07.1911 г. о губерньском отделе СРН – обновленческого в количестве 7 человек, а также о собрании членов-учредителей и членов Совета Виленского губерньского отдела ВДСРН 26.09.1912 г. общей

численностью 53 человека [11, л. 30–31, 39–40]. Здесь же говорится о том, что численность названного отдела ВДСРН на 30.08.1913 г. составила менее 50 членов [11, л. 83]. На железной дороге в г. Вильна на 25.01.1912 г. действовало два отдела – ВДСРН численностью в 11 человек и СРН – обновленческого в количестве 5 членов [12, л. 6 об., 9]. Запрудский отдел ВДСРН Ошмянского уезда Виленской губернии на 19.11.1912 г. состоял из 9 чел. [13, л. 9]. По Витебской губернии в предвоенный период удалось выяснить численность лишь двух отделов ВДСРН – Витебского губернского и Себежского уездного. В ноябре 1912 г. Витебский губернский отдел ВДСРН насчитывал 33 члена [14, л. 13–13 об.]. При этом количество сторонников А.И. Дубровина в г. Витебске в эти годы, вопреки общей тенденции к падению численности СРН, продолжало расти и уже к концу 1914 г. в отделе состояло 93 человека [14, л. 138]. В Себежском уездном отделе ВДСРН в 1913 г. числился 21 человек [15, л. 1–1 об.]. Среди выявленных отделов ВДСРН в Гродненской губернии – Белостокский уездный численностью 63 чел. на 28.11.1912 г. [16, л. 10–11] и губернский отдел – 24 чел. на 10.02.1913 г. [17, л. 16–16 об.].

Кроме перечисленных, имеются сведения о количественном составе Барановичского железнодорожного отдела ВДСРН Минской губернии, численность которого выросла с 27 членов в начале 1912 г. до 35 человек к 24.11.1913 г. [18, л. 2, 25]. В Гомельском уездном отделе ВДСРН Могилевской губернии по данным на 21.10.1912 г. насчитывалось 30 членов-учредителей и членов Совета [19, л. 41]. Хотимский уездный отдел ВДСРН этой же губернии в конце 1913 – начале 1914 гг. имел в своем составе 28 человек [20, л. 16–16 об.].

Численность Русского Народного Союза имени Михаила Архангела была значительно ниже, чем СРН, и на различных этапах его существования никогда не была постоянной. В современной исторической литературе приводится цифра 20 тыс. членов, но на какой год она приходится и как получена – неизвестно. Сведения о местных отделах СМА, как правило, немногочисленны и случайны. В Беларуси, начиная с первой половины 1908 г. и до начала Первой мировой войны, было создано порядка 17 отделов СМА, в 6-ти из которых нам удалось установить их численность. Так, Жировичский отдел СМА Гродненской губернии на 12.08.1914 г. насчитывал 99 членов [21, л. 4–8]. Брестский отдел на 7.01.1912 г. – 114 человек [22, л. 21–23 об.] и был самым крупным не только в Гродненской губернии, но и на всей территории тогдашней Беларуси. 8 ноября 1912 г. отдел СМА был создан при станции Минск Александровской железной дороги, и на 12.04.1915 г. в нем числилось 43 человека [23, л. 13–13 об.]. В состав Барановичского отдела СМА Минской губернии на 20.06.1911 г. входило 16 человек, а уже в январе 1913 г. отдел вырос до 20 членов [24, л. 19 об.]. К перечисленным выше данным следует добавить 20 членов созданного 25.01.1909 г. Гомельского отдела СМА Могилевской губернии [25, л. 6] и 15 членов Словенского отдела Виленской губернии, сведения о котором приводятся на 17.11.1914 г. [26, л. 2].

Подводя некоторые итоги изучения сохранившихся архивных документов СРН, необходимо отметить прежде всего то обстоятельство, что большинство организаций, численность которых удалось выяснить, принадлежит к ВДСРН (10 из 12) и датируются все они 1912–1914 гг. Общая численность 10-ти отделов ВДСРН составляла 364 члена, в среднем 36 человек на отдел. Суммарное количество членов 6-ти выявленных отделов СМА равнялось 311 чел. Заметим, что после весны 1915 г. конкретные данные об отделах этого союза, их численности

и практической деятельности исчезают из официальных документов. Сведения о СРН – обновленческом, в силу известных причин, практически эпизодичны, а два установленных отдела оказались крайне малочисленными – от 5 до 7 членов, и неудивительно, что известия о них в последующие годы вообще отсутствуют.

Дополняют общую картину численности белорусских монархистов в предвоенный период данные ВНС, местные отделы которого, со времени его возникновения в 1908 г. и по 1 января 1911 г., были зарегистрированы в следующих населенных пунктах Беларуси с соответствующим количеством членов: г. Брест – 128, Быхов – 30, Волковыск – 40, Гомель – 68, Горки – 33, Кобрин – 48, Могилев-губернский – 27, Орша – 32 [27, с. 756], д. Граничи Красносельской волости Виленского уезда – 41 человек (примерно к весне 1913 г. – К.Б.) [11, л. 78]. Обнаружить документальные свидетельства о численности Виленского и Минского отделов Русского Крайнего Общества, пришедших в 1908 г. на смену соответствующим отделам РОС к сожалению не удалось.

В целях определения возможностей правых сил и особенно их политических партий в предстоящей избирательной кампании в Государственную думу пятого созыва ДП МВД 22 декабря 1915 г. направил начальникам ГЖУ циркуляр № 81744 “О современном положении монархических организаций”. Информация из белорусских губерний стала поступать уже в начале 1916 г. Так, 29 февраля 1916 г. начальник Виленского ГЖУ доносил, что в “г. Вильна самостоятельных монархических партий нет”, а существует лишь два отдела: “1) Союз Михаила Архангела под председательством ректора Литовской духовной семинарии архимандрита Лаврентия и 2) СРН – под председательством преподавателя Виленской 2-ой мужской гимназии Ефимия Михайловича Хорошкевича...” Однако далее шла констатация малоутешительного факта о том, что собрать сведения о численности этих отделов не представляется возможным [28, л. 134]. Несколько ранее, 12 февраля 1916 г., подобное донесение, но уже товарищу Министра внутренних дел сенатору С.П. Белецкому, поступило от начальника Минского ГЖУ, в котором говорилось об отсутствии в губернии правых партий вообще [29, л. 128]. Более полные сведения были получены ДП МВД от исполняющего обязанности начальника Могилевского ГЖУ. В обстоятельном отчете от 19 апреля 1916 г., наряду со всесторонним анализом положения дел в когда-то активно действующих отделах СРН Могилевской губернии, приводятся некоторые данные о численности еще сохранившего видимость существования Гомельского отдела ВДСРН. В частности, документ содержит список 12-ти членов Совета отдела, а также 12 кандидатов, которых предполагалось “избрать в члены Союза после получения резолюций съезда монархических организаций в Петрограде, который состоялся в ноябре 1915 г.” (ноябрьское совещание 1915 г.) [30, л. 184]. Среди прочих организаций правых упоминается бывший отдел СМА на железнодорожной станции г. Орша, в котором, на время поступления донесения, сохранилось всего 2 члена [30, л. 185]. В документах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства нам удалось обнаружить ранее неизвестный документ “Донесение помощника Могилевского Губернского Жандармского Управления от 1 мая 1916 г. начальнику Управления”, в котором содержится интересующая нас информация по Хотимскому отделу ВДСРН. В донесении говорится: “Хотимский отдел Дубровинского СРН основан в 1912 г. крестьянином Василием Стахивичем Комаровским. Большинство членов его в настоящее время находится в действующей армии. Нынешний его состав определяется в 33 человека...” [31, л. 13]. Начальник Витебского ГЖУ,

после неоднократных напоминаний со стороны ДП, докладывал 5 мая 1916 г. о том, что в губернии функционируют 2 монархические организации: 1) Отдел СРН “председательствуемый учителем приготовительного класса Александровской гимназии С.М. Рафановичем насчитывает около 60 человек”; 2) отдел Отечественного патриотического союза, открытый в 1916 г. и в настоящее время насчитывающий около 70 членов, под председательством уполномоченного по устройству беженцев, камер-юнкера Двора Его Величества, статского советника Юрия Андреевича Марковича [32, л. 199]. Эти данные подтверждаются и другими источниками [33, л. 67; 27, с. 655]. Сведения о состоянии монархических организаций в Гродненской губернии по причине ее оккупации к этому времени немцами (осень 1915 г.) в документах ДП МВД естественно отсутствуют.

Таким образом, начиная с первой русской революции и заканчивая февралем 1917 г., в Беларуси была создана и действовала 151 монархическая организация, среди которых 71 отдел и подотдел представляли СРН, 19 – СМА, 9 – СРН – обновленческий, 24 – ВДСРН, 13 – ВНС, 1 – ОПС и 14 – другие правомонархические образования. Общая численность монархистов, прошедших членство в этих организациях, составила в 1905–1906 гг. 30004 чел., из них 17251 членов СРН, а в конце 1907 г. – соответственно 36754 и 22038 чел. С 1908 по 1914 гг. включительно общая численность правых сократилась, по известным причинам, до 14942 чел. Вызывает определенные сомнения достоверность численных показателей некоторых отделов СРН, созданных и действующих на уездном и местечковом уровнях. К таковым можно отнести Гомельский уездный отдел (9157 чел. вместе с окрестным населением, 1907 г.), Лоевский подотдел (1000 чел., 1907 г.), Городчевичский отдел Лепельского уезда (1446 чел., 1908 г.), Малиновский волостной отдел Двинского уезда (7000 чел., 1908 г.) и некоторые другие. Однако следует отметить, что специфической особенностью членства в периферийных образованиях монархических союзов, на начальном этапе их организационного становления, была практика записи в состав организаций целых деревень, приходов, а то и волостей, включая стариков и даже детей [10, с. 43–44]. Поэтому вполне допустимо отнести к предлагаемым итоговым цифрам с определенным пониманием, сохраняя при этом известную долю сомнения в их достоверности.

Как бы там ни было, нам не кажется чрезвычайной численность монархических организаций белорусских губерний в конце 1907 и 1908–1914 гг. Наоборот, мы склонны считать ее вполне реальной, если даже не заниженной, в связи с тем, что цифры 36754 и 22038 человек учитывают количественный состав только 93-х правых образований из 151-го, выявленных в Беларуси к концу 1916 г. Численность остальных 58 отделов остается пока неизвестной, и мы вправе говорить о возможном дополнительном количестве членов белорусских монархических организаций, так как, согласно уставам СРН, СМА, ВДСРН, ОПС и ВНС, их отделы избирали Совет (Палату) (обязательный атрибут отдела. – *К.Б.*) и получали право на официальную регистрацию при наличии не менее 12 членов-учредителей [34, с. 363–364].

Чтобы ответить на вопрос, много это или мало, заметим, что в годы первой русской революции на территории всей Российской империи насчитывалось около 60 тыс. большевиков и 45 тыс. меньшевиков [35, с. 229, 251], от 50 до 60 тыс. кадетов [35, с. 152] и около 75–77 тыс. октябристов [35, с. 110]. При этом подавляющее их большинство находилось в центральных регионах страны. На общем фоне партийной системы окраин России белорусские правые представляли собой заметную политическую силу. В 5-ти белорусских губерниях размещалось

более 6,8 % всех учтенных в империи монархических организаций, а входившие в них члены составляли около 19% монархистов, состоящих в правых партиях. Члены выявленных черносотенных организаций, в которых удалось установить численность, представляли 0,43% всего населения Беларуси, в то время как в целом по России этот показатель едва превышал 0,3% [36, с. 195]. Напомним, что все это было характерно для конца 1907 г. – времени наивысшего подъема монархического движения, находящегося на пике своего политического триумфа после поражения первой русской революции.

Однако победная эйфория правых сил оказалась недолгой и, как известно, завершилась развалом общероссийского СРН и созданием на его руинах трех самостоятельных политических партий, в одинаковой мере претендующих на лидерство в монархическом движении в масштабах всей страны. Внутривнутрипартийные распри на почве тактических расхождений и личных амбиций руководителей вновь создаваемых союзов были мало понятны и интересны рядовым союзникам и не способствовали сохранению авторитета движения в целом. Не случайно, начиная со второй половины 1908 г., наблюдается резкое сокращение количества и численности монархических организаций. Подобная тенденция была характерна и для белорусских правых сил.

Сохранившиеся документы архивов и другие источники позволяют нам утверждать, что количество монархических организаций, существующих в Беларуси в предвоенные годы (начиная с 1910 г.), не превышало 60-ти, т.е. по сравнению с революционным периодом сократилось в 2,5 раза, а их численность упала более чем в 9,5 раз. Обыденным явлением стало для правых партий сокращение количественных показателей в годы войны. По данным Департамента полиции и ГЖУ в 1915–1916 гг. на территории Беларуси существовало лишь 8 отделов монархических организаций (Виленский, Гомельский, Хотимский и Витебский отделы ВДСРН, Виленский, Минский и Оршанский отделы СМА и отдел ОПС в Витебске [37, л. 184–185]), что составляло менее чем 1/19 части от общего количества монархических организаций Беларуси, сведения о которых сохранились в выявленных нами источниках, а их численность по сравнению с предвоенным периодом сократилась более чем в 61 раз. Ю.И. Кирьянов в составленной им таблице численности монархических организаций в 1915–1916 гг. приводит несколько иные данные по белорусским губерниям: Витебская – 60 членов ВДСРН и 70 – ОПС; Минская – 450 членов ВДСРН и СРН – обновленческого; Могилевская – 60 членов ВДСРН [4, с. 79–80]. Сведения по Виленской и Гродненской губерниях в его таблице не приводятся.

Заключение

Анализ выявленных архивных документов и опубликованных источников позволяет с уверенностью утверждать, что белорусские правые организации, возникшие и действовавшие в годы первой Российской революции, и даже в предвоенный период, являлись для тогдашней Беларуси довольно многочисленными партийными формированиями. Их стремительный численный рост пришелся на 1907 – первую половину 1908 г. – период доминирующего положения в монархическом движении России СРН. Не случайно на тот период времени наиболее многочисленными организациями монархистов на территории белорусских губерний были его отделы и подотделы. Как уже отмечалось выше, положение изменилось после поражения революции и распада СРН, а затем и монархического движения в целом. Накануне и особенно в годы Первой мировой войны численность правых партий, их отделов и подотделов на местах катастрофически падает.

Негативные явления в существовании белорусских монархических образований усугублялись и тем, что западные губернии в ходе войны оказались в зоне боевых действий и были полностью или частично оккупированы противником, или же находились в прифронтовой полосе, что вело к свертыванию всякой партийной работы, самороспуску и закрытию местных филиалов правых организаций. О том, что деятельность правых организаций на территории Беларуси в годы войны практически прекращается, свидетельствует сохранившаяся переписка руководящих органов СРН-обновленческого, СМА и ВДСРН со своими отделами и подотделами, которая, в подавляющем большинстве случаев, датируется 1914–1915 гг. и крайне редко – 1916 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Степанов, С. А.** Численность и состав черносотенных союзов и организаций / С. А. Степанов // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ : сб. ст. – Москва : Ин-т истор. СССР АН СССР, 1987. – С. 184–242.
2. **Кирьянов, Ю. И.** Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов // Вопр. истории. – 1996. – № 4. – С. 216–229.
3. **Кирьянов, Ю. И.** Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений / Ю. И. Кирьянов // Отечеств. история. – 1999. – № 5. – С. 29–43.
4. **Кирьянов, Ю. И.** Правые партии в России. 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 464 с. : ил.
5. О легальных политических партиях (1907 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 99. Д. 164. Ч. 1.
6. О легальных политических партиях (1907 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 99. Д. 164. Ч. 2.
7. По циркуляру № 26 о доставлении сведений о политических партиях и союзах (1906 г. – 1913 г.) // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157.
8. З Беларусі і Літвы // Наша Ніва. – 1907. – 8 чэрв. – С. 6–7.
9. З Беларусі і Літвы // Наша Ніва. – 1908. – 29 лют. – С. 6–8.
10. **Бондаренко, К. М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : УО “МГУ им. А. А. Кулешова”, 2003. – 212 с.
11. Переписка с Виленским губернским отделом Союза русского народа (1907 г. – 1915 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 80.
12. Переписка с Виленским железнодорожным отделом Союза русского народа (1911 г. – 1912 г.) // ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 81.
13. Переписка с Запрудьевским отделом Союза русского народа Виленской губернии (1912 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 83.
14. Переписка Главного Совета Союза русского народа с Витебским губернским отделом (1907 г. – 1917 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 84.
15. Переписка с Себежским отделом Союза русского народа Витебской губернии (1913 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 87.
16. Переписка с Белостокским отделом Союза русского народа Гродненской губернии (1908 г. – 1914 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 118.
17. Переписка с Гродненским губернским отделом Союза русского народа (1910 г. – 1913 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 119.
18. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. [вступит. ст. Ю. И. Кирьянова] // Вопр. истории. – 1996. – № 8. – С. 78–100.
19. Переписка с Гомельским отделом Союза русского народа Могилевской губернии. Список членов Гомельского отдела Союза русского народа, участвовавших на Полтавских торжествах 26–27 июня 1909 г. (1907 г. – 1914 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 291.
20. Переписка с Хотимским отделом Союза русского народа Могилевской губернии (1912 г. – 1916 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 294.

21. Переписка с Жировичским отделом русского народного союза имени Михаила Архангела (1914 г.) // ГАРФ. – Ф. 117. Оп. 1. Д. 270.
22. Переписка с Брест-Литовским отделом русского народного союза имени Михаила Архангела (1911 г. – 1914 г.) // ГАРФ. – Ф. 117. Оп. 1. Д. 217.
23. Переписка с Минским отделом русского народного союза имени Михаила Архангела (1913 г.) // ГАРФ. – Ф. 117. Оп. 1. Д. 260.
24. Переписка с Барановичским отделом Союза русского народа Минской губернии (1912 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 284.
25. Переписка об открытии отделов русского народного союза имени Михаила Архангела в Могилевской губернии (1908 г. – 1909 г.) // ГАРФ. – Ф. 117. Оп. 1. Д. 33.
26. Переписка с Словенским отделом русского народного союза имени Михаила Архангела (1914 г. – 1915 г.) // ГАРФ. – Ф. 117. Оп. 1. Д. 279.
27. Правые партии. 1905 – 1917 гг. Документы и материалы : в 2 т. / сост. Ю. И. Кирьянов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – Т. 2 : 1911–1917 гг. – 816 с.
28. Дело Департамента полиции о правых партиях и монархических организациях. Донесение начальника Виленского губернского жандармского управления от 29 февр. 1916 г. (1916 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Д. 151. Ч. 1.
29. Дело Департамента полиции о правых партиях и монархических организациях. Донесение начальника Минского губернского жандармского управления от 12 февраля 1916 г. (1916 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Д. 151. Ч. 1.
30. Дело Департамента полиции о правых партиях и монархических организациях. Донесение и. об. Могилевского начальника губернского жандармского управления от 19 апреля 1916 г. (1916 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Д. 151. Ч. 2.
31. Дело о союзах русского народа и других монархических организациях (характеристика деятельности союза) (1917 г.) // ГАРФ. – Ф. 1467. Оп. 1. Д. 848.
32. Дело Департамента полиции о правых партиях и монархических организациях. Донесение начальника Минского губернского жандармского управления от 5 мая 1916 г. (1916 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Д. 151. Ч. 2.
33. Дело о союзах русского народа и других монархических организациях (история возникновения) (1917 г.) // ГАРФ. – Ф. 1467. Оп. 1. Д. 847.
34. Правые партии. 1905 – 1917 гг. Документы и материалы : в 2 т. / сост. Ю. И. Кирьянов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – Т. 1 : 1905–1910 гг. – 720 с.
35. Политические партии России: история и современность : учеб. для вузов / под ред. А. И. Зевелева [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 631 с.
36. **Степанов, С. А.** Численность и состав черносотенных союзов и организаций / С. А. Степанов // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ : сб. ст. – Москва : Ин-т истор. СССР АН СССР, 1987. – С. 184–242.
37. Донесение и.о. Могилевского начальника губернского жандармского управления от 19 апреля 1916 г. (1916 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Д. 151. Ч. 2.

Поступила в редакцию 29.04.2015 г.

Контакты: (+375 222) 28-40-70 (Бондаренко Константин Михайлович)

Bondarenko K.M. THE NUMBER AND NUMERICAL STRENGTH OF THE RIGHT MONARCHIST ORGANIZATIONS IN RUSSIA AND BELARUS IN 1907–1916.

In the article quantitative and qualitative characteristics of separate Belarusian right monarchist organizations as well as of the movement in general are investigated on the basis of the documents from the archives of the Russian Federation, national archives and published sources. The author enlarges on the numerical strength of the right monarchist organizations of the early twentieth century and clarifies the data provided in the previously published materials.

Key words: Monarchy, monarchism, monarchists' right-wing parties and unions, their divisions and subdivisions.

УДК 326.07

ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ГДР К ГОСУДАРСТВУ ИЗРАИЛЬ (1949–1990 гг.): ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ

М. В. Стрелец

доктор исторических наук, профессор
Брестский государственный технический университет

О. А. Обуховская

доцент, Брестский государственный технический университет

В статье впервые в белорусской исторической германистике освещается политика Германской Демократической Республики по отношению к Государству Израиль. Авторы показывают, что поначалу эта политика целиком и полностью детерминировалась СССР, затем советский контроль над Восточным Берлином ослабевал. Они доказывают, что ГДР использовала становившееся всё большим пространство для маневра в ущерб еврейскому государству. Из содержания статьи вытекает, что национал-социалистическое прошлое не влияло на израильскую политику второго германского государства. Авторы особо выделяют неготовность ГДР производить компенсации за преступления гитлеровской Германии. Тема, совпадающая с названием статьи, ни разу не освещалась в отечественной научной литературе. Предлагаемая статья представляет собой первый опыт такого рода в белорусской исторической германистике. Тема статьи актуальна для понимания процессов новейшей истории Европы, где есть место и ксенофобии, и антисемитизму.

Ключевые слова: ГДР, евреи, Израиль, коммунистическая диктатура, политика, социализм, Социалистическая единая партия Германии, тоталитаризм.

Эпоха Вальтера Ульбрихта в истории ГДР: израильский вектор во внешней политике. Между ГДР и Израилем никогда не существовало дипломатических отношений. В отличие от Федеративной Республики Германии государство Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) отказалось взять на себя часть ответственности за преступления национал-социалистической Германии. Поворотным пунктом и центром тяжести в положении отсутствия отношений были выдвигаемые Израилем и постоянно отвергаемые восточногерманской стороной требования о возмещении ущерба. Тем не менее, было бы неправильным характеризовать отсутствие отношений между ГДР и Израилем как улицу с односторонним движением [1, с. 23].

Хорошо известен следующий факт: в советской оккупационной зоне определенно приветствовалось создание еврейского государства. Тогдашний председатель СЕПГ Вильгельм Пик поддержал решение Организации Объединенных Наций разделить бывшую подмандатную территорию Палестину на одно арабское и одно еврейское государство.

ГДР предложила коммунистам еврейского происхождения одноразовый шанс. В советской зоне господства они в первый раз в своей жизни смогли формировать политику. “Я половину своей жизни был диссидентом – в Веймарской

© Стрелец М.В., 2015

© Обуховская О.А., 2015

Германии и в нацистском рейхе. Я смог себя конструктивно проявить и делал это с накопившейся за многие годы страстью”, – вспоминал бывший государственный секретарь по церковным вопросам ГДР Клаус Гизи после указанного поворота [Erinnerungen der DDR-Diplomaten // PolArchiv AA, MfAA, A 1196].

Социалистические утопии олицетворяли в 1945 г. для многих евреев и неевреев надежду на лучшее будущее без войны и антисемитизма. Коммунистические идеи “были после Второй мировой войны чрезвычайно привлекательными”, – полагал Марсель Райх-Раницкий в своей автобиографии, – “да, они имели для меня, подобно как для многих интеллектуалов не только в Польше, но и во Франции, в Италии и других западноевропейских странах, нечто подкупающее” [Marcel Reich-Ranicki. Mein Leben // SAPMO-BA ZPA J IV/221].

Подобным образом выразился восточногерманский художник и сын еврейской матери, Гюнтер Кунерт, через полтора года после падения Берлинской стены в газетном интервью: “После Гитлера социализм был также для многих безупречных людей само собой разумеющимся, новое общество должно было стать отправной точкой [G. Kunert: “Mein Schicksal nach Hitler” // SAPMO-BA ZPA J IV/211].

К тому же имелись функционеры КПГ и более поздние функционеры СЕПГ, которые во время Второй мировой войны выступали за компенсации, возмещение ущерба еврейским жертвам нацистов. Наиболее известным в этой связи был, конечно, Пауль Меркер. Старый коммунист Пауль Меркер пережил военные годы во французской и затем мексиканской эмиграции. В статье для эмигрантского журнала “Свободная Германия” (“*Freies Deutschland*”) Пауль Меркер в октябре 1942 г. высказался за форму возмещения ущерба [2, с. 55].

Как коммунист Меркер в духе коммунистических представлений отверг реституцию так называемых еврейских монополистов и капиталистов. Решающим все же было следующее: Меркер предложил учитывать требования лишенных собственности и прав простых людей еврейского происхождения. Из этой идеи в конце 1940-х гг. в Израиле развилось неверное утверждение о том, что Меркер поддерживал “тезис о возврате еврейской собственности” [1, с. 66].

В этой связи важным был момент времени. Когда Меркер и другие функционеры КПГ, а также некоторые сторонники соответствующих симпатий делали эти проеврейские высказывания, Советский Союз стоял на стороне западных союзников в войне против “Третьего рейха” Адольфа Гитлера.

На этой фазе большой угрозы германских армий Сталин искал также поддержку евреев на Западе, чтобы максимально разоблачить преступления нацистов на публичном уровне [2, с. 99].

Итак, высказывания Меркера очень хорошо вписывались в стратегические расчеты советской военной политики. СССР также поддерживал создание Государства Израиль, вновь из внешнеполитических соображений. На этот раз прослеживалось стремление Москвы загнать клин в остававшийся все еще под британским доминированием регион. Итак, Меркер не был диссидентом, который пытался проводить еврейские интересы против линии партии.

СЕПГ должна была сама соизмерять точное направление, находясь в рамках, в которых базовые константы большой политики задавал Советский Союз. Сами внушавшие доверие товарищи могли скоро исчезнуть в камерах пыток органов безопасности. Лишь постепенно, но прежде в эру Горбачева Советский Союз ослабил контроль над социалистическими союзниками. Члены так называемого “восточного блока” смогли отныне претендовать на становившееся все большим пространство для маневра внутри и вовне.

Решающими для отношений между ГДР и Израилем были в этой связи следующие вопросы:

1) Использовала ли ГДР становившееся все большим пространство для маневра на пользу или в ущерб еврейскому государству?

2) Имело ли национал-социалистическое прошлое влияние на израильскую политику второго германского государства?

3) Была ли ГДР готова производить компенсации за преступления гитлеровской Германии?

6 января и 12 марта 1951 г. Израиль официально выдвинул претензии по выплате репараций со стороны обоих германских государств. Так как Израиль не имел дипломатических отношений ни с Федеративной Республикой, ни с ГДР, еврейское государство направило ноты четырем державам-победителям [2, с. 111].

В то время как западные державы позитивно ответили на оба обращения, СССР поначалу никак не обозначал свою позицию. Лишь 26 марта 1952 года, то есть через две недели после ноты Сталина, в которой Советский Союз предложил воссоединение нейтральной Германии, Москва, по крайней мере, признала возможность переговоров по израильским претензиям. Если бы при заключении мирного договора с Германией обсуждался вопрос о выплате репараций Израилю, то прозвучал бы сдержанный, но не совсем отклоняющий ответ Кремля [Der Minister des MfAA an Otto Grotewohl, 14. 12. 1952 // PolArchiv AA, MfAA, A 13364].

В этой связи был вновь важен момент времени: в 1951 и начале 1952 гг. заметно охладилось отношение Советского Союза к еврейскому государству. Правда, еще никак не ощущалось время заморозков, раскручивание как на процессе против Сланского в Праге антисиионистской и, в особенности, становившейся потом до смерти Сталина все более гротескной антисемитской пропагандистской машины.

Как повела себя ГДР в этой ситуации? Использовали ли руководящие круги, сконцентрированные вокруг абсолютно доминировавшего первого секретаря ЦК СЕПГ Вальтера Ульбрихта, пространство для маневра, чтобы помочь еврейскому государству? В отличие от Федеративной Республики ГДР не видела оснований для того, чтобы нести ответственность за преступления национал-социалистического режима. В этой ситуации ГДР использовала изменения в пространстве для маневра в духе советской глобальной стратегии, но никоим образом в интересах еврейского государства. Эта констатация касается также всего периода существования второго германского государства.

ГДР пыталась вполне направленно использовать постепенно улучшавшиеся отношения между ФРГ и Израилем как внешнеполитический рычаг. В основе ее действий лежало два мотива. Во-первых, ГДР, словно не замечая поворота к очевидной нормализации отношений между ФРГ и Израилем, стремилась вести серьезные дела с арабскими врагами Израиля. К тому же Восточный Берлин пытался навредить высокому авторитету Боннской республики в арабском мире и вместе с тем в качестве конечной цели достичь дипломатического признания в Каире, Дамаске или Багдаде.

Уже 7 мая 1953 г., то есть за 11 дней до ратификации соглашения между ФРГ и Израилем в бундестаге, ГДР и самое влиятельное арабское государство, Египет, подписали соглашение о торговле и платежах. В начале 1954 г. на основании этого соглашения в Каире было открыто представительство восточногерманского министерства внешней и внутренней торговли [2, с. 289].

Уже в суэцкую войну 1956 г. ГДР однозначно приняла сторону арабских государств [1, с. 232]. Ее правительство оперировало при этом также широко распространенными в арабском мире антиизраильскими и антисемитскими предубеждениями [Der Minister des MfAA an Walter Ulbricht, 14. 11. 1956 // PolArchiv AA, MfAA, A 17086]. [http://192.68.214.70/blz/eup/03_08/3.asp – n12].

Как сильно ориентировалась при этом ГДР на пропаганду позднего сталинизма, свидетельствовала разработка министерства иностранных дел, которая была датирована 1955 г. В ней среди прочего можно прочесть: “Сионисты сами продают себя соответственно тем, от кого можно ожидать максимальную прибыль и кто кажется достаточно могущественным для того, чтобы обещать территорию для запланированного “еврейского государства”. И; “Сионизм сегодня, как показал процесс Сланского в ЧССР, изощренная и в высшей степени замаскированная агентура разведслужбы США” [Der Minister des MfAA an Walter Ulbricht, 12. 12. 1955 // PolArchiv AA, MfAA, A 17086]. Само собой разумеется, что на такой основе невозможно было думать о нормализации отношений.

Касательно отрезка времени с июля 1956 г. до 1971 г. “Хроника отношений ГДР – Израиль” из министерства иностранных дел ГДР не упоминала ни одного официального контакта между обоими государствами. Между Иерусалимом и Восточным Иерусалимом господствовал ледниковый период [Chronik der Beziehungen DDR-Israel // PolArchiv AA, MfAA, A 17086].

Иерусалимское министерство иностранных дел также рекомендовало “чрезвычайную сдержанность” относительно контактов с научными и культурными учреждениями ГДР [2, с. 401]. Доф Сатат, вице-директор восточноевропейского отделения в иерусалимском министерстве иностранных дел в 1961 г., свел позицию Израиля в отношении ГДР по вопросу о возмещении ущерба к следующему пункту: “Мы не будем покрывать наши расчеты с ГДР за чечевичную похлебку”. Отношения должны определяться не красивыми словами, а делами [1, с. 544].

Этот путь восточногерманской ближневосточной политики должен был продолжаться во все новых вариантах до поворотной осени 1989 г.: то резкое отклонение израильских требований, то вербальная и после так называемой шестидневной войны 1967 г. все более сильная военно-техническая поддержка арабских государств и в особенности негосударственных организаций, таких как Организация Освобождения Палестины под руководством Ясира Арафата.

Напротив, ГДР не торопилась вступать в дискуссию со своим собственным германским прошлым. Вместо этого такой функционер СЕПГ как посол ГДР Герхард Кегель в 1965 г. констатировал, что “недопустимо, по существу неправильно и морально порочно смешивать современное государство Израиль, которое является лишь “империалистическим опорным пунктом” “с какими-то мыслями и чувствами покаяния за миллионные преступления” национал-социалистической эпохи [2, с. 566].

Наблюдения восточногерманских дипломатов, как и посланника ГДР в Сирии Вольфганга Грунерта о не знающей границ сирийской ненависти к евреям и призыве “сбросить израильтян в море и утопить” в Восточном Берлине лишь неохотно принимались к сведению. “Для Вальтера Ульбрихта такие информации были предательством антиимпериалистического дела. Не стоит ненужное – почти антисемитские карикатуры – путать с принципиальными вопросами”, – констатировал Грунерт в своих заслуживающих внимания мемуарах [1, с. 587].

После 1967 г. приобрела новый размах антисиионистская и отчасти также антисемитская пропаганда СЕПГ. Так, например, центральный орган СЕПГ,

ежедневная газета “Нойес Дойчланд” (сокращенно: “НД”) писала: “Правители Израиля охвачены агрессивным бешенством” [2, с. 599].

Наиболее порочил номенклатурную элиту ГДР тот факт, что она в своей антиизраильской агитации прибегла к услугам бывших национал-социалистических пропагандистов. 39 бывших членов НСДАП, которые в национал-социалистическую эпоху занимали влиятельные посты, еще в конце 1960-х гг. работали на точно таких же влиятельных постах в СМИ ГДР. Бывшими членами НСДАП были, например, пресс-шеф правительства ГДР Курт Блеха и заместитель главного редактора “НД” Герхард Кегель. Эту политическую преемственность национал-социалистов и СЕПГ доказал Симон Визенталь и обнародовал в сентябре 1968 г. [1, с. 606]. Известно, что после окончания Второй мировой войны Визенталь посвятил все свои силы поиску нацистских преступников, скрывающихся от наказания. Он лично и созданная им организация (с 1947 г. – Центр еврейской документации в Линце, позднее в Вене) принимали участие в розыске и поимке целого ряда крупных фигур нацистской карательной системы, в том числе Адольфа Эйхмана, отвечавшего за “окончательное решение еврейского вопроса” в гестапо.

При анализе материалов печати ГДР Визенталь пришел к потрясающему выводу: “Если в изданиях ГДР слово «израильчанин» заменить на «еврей», так же как «прогрессивные силы» – на «национал-социализм», то неожиданно можно наткнуться на фразу из геббельсовского министерства пропаганды” [2, с. 699]. Так, “Нойес Дойчланд” во время интервенции войск Варшавского пакта в конце августа 1968 г. писала: “В Праге правит сионизм”; нацистская газета “Фёлькише Beobachter” после оккупации Чехословакии в 1939 г.: “В Праге правит еврейство” [1, с. 702].

Такие шаги соответствующих средств массовой информации заслуживали осуждения точно также как официально пропагандируемый в ГДР антисиионизм.

Газеты ГДР и государственное телевидение ГДР безудержно натравливали восточногерманское население против еврейского государства. Пропаганда СЕПГ вполне сознательно сравнивала еврейское государство с “Третьим рейхом” Адольфа Гитлера. Кульминация этой дезинформационной кампании образовала корреспонденция о массовых убийствах в палестинских лагерях Сабра и Шатила в сентябре 1982 г.

Хорошо известно, что хотя Израиль дал реальным исполнителям свободу рук, все же он не участвовал в убийствах. Тем не менее СМИ ГДР сообщали о “зверской бойне израильских агрессоров” [1, с. 712]. Ученые ГДР упрекали Израиль в том, что он готовит “окончательное решение палестинского вопроса” [1, с. 714].

В рамках ООН ГДР продолжала свою одностороннюю ближневосточную политику. При этом для Восточного Берлина нападение постоянно было лучшей защитой. Так, представитель ГДР в экономическом комитете ООН Зигфрид Цахманн заявил в декабре 1973 г., то есть через несколько месяцев после приема ГДР в ООН, что Израиль следует “обязать к возмещению ущерба и к полной компенсации за эксплуатацию, ограбление природных и человеческих ресурсов на оккупированных территориях” [Der Minister des MfAA an Erich Honecker, 12. 12. 1973 // PolArchiv AA, MfAA, A 17011].

Точно так же ГДР выступала за “полный и незамедлительный вывод израильских войск со всех оккупированных с 1967 г. территорий” [Der Minister des MfAA an Erich Honecker, 14. 10. 1974 // PolArchiv AA, MfAA, A 17013]. В 1975 г. ГДР как все социалистические страны, за исключением Румынии, голосовала за

антисионистскую резолюцию ООН [Der Minister des MfAA an Erich Honecker, 24. 12. 1975 // PolArchiv AA, MfAA, A 17017].

Отношения между ГДР и Израилем в эпоху Хонеккера. С июня 1971 г. ответственность за внешнюю политику ГДР в последней инстанции нес Эрих Хонеккер. Новый генеральный секретарь ЦК СЕПГ продолжал проарабский и антиизраильский курс Вальтера Ульбрихта. Хонеккер выступал движущей силой, когда вставал вопрос о форсировании военного сотрудничества с арабами.

Хонеккер как и его предшественник Ульбрихт вел своеобразную войну против Израиля. Как и Ульбрихт Хонеккер не осуждал советскую политику на израильском направлении, более того, побуждал Кремлевских лидеров занимать еще более жесткую позицию по отношению к Тель-Авиву. Все еще слышимый стандартный аргумент – ГДР не хотела уничтожить еврейское государство – попал здесь в вакуум. Нередко сирийские, иракские или ливийские политики в беседах с восточногерманскими деятелями очень высокого ранга подчеркивали свою твердую волю стереть Израиль с географической карты. ГДР приняла такие высказывания без очевидного одобрения к сведению. Тем не менее, продолжалось сотрудничество с государствами, которые как Египет и Сирия в начале семидесятых годов целеустремленно готовили и развязали агрессивную войну против Израиля. ГДР поддержала нападение Египта и Сирии на Израиль в так называемой войне ссудного дня в октябре 1973 г. словом и оружием. Спустя день после начала арабской наступательной войны на голанском и суэцком фронтах 6 октября 1973 г., Политбюро ЦК СЕПГ вопреки истинной правде опубликовало тенденциозное по своей односторонности заявление о “новой израильской агрессии” [Der Minister des MfAA, Vorlage für die Außenpolitische Kommission beim Politbüro, 22. 11. 1973 // SAPMO-BA ZPA J IV/298].

Центральный орган СЕПГ, еженедельная газета “Нойес Дойчланд” упрекал в широкомасштабной и централизованно управляемой кампании Израиль в жестоких преступлениях: “Убийство детей, оккупационный террор, воздушное пиратство” [Der Minister des MfAA, Vorlage für die Außenpolitische Kommission beim Politbüro, 24. 12. 1973 // SAPMO-BA ZPA J IV/299].

3 ноября 1973 г., то есть через несколько дней после достижения перемирия, Эрих Хонеккер написал письмо президенту Сирии Хафезу Асаду. В нем Хонеккер подтвердил обширные поставки вооружений Сирии. Для “поддержки ее справедливой борьбы за свободу”, – сообщил Хонеккер, – “ГДР среди прочего поставляла эскадрилью истребителей «МиГ-21», 62 средних танка типа «Т-54 АМ», а также противотанковые мины, гранаты и большое количество боеприпасов”.

После войны ссудного дня ГДР продолжала свою проарабскую и антиизраильскую политику. При этом примечательным было стремление ГДР связать политическую поддержку с выгодными торговыми соглашениями [Der Minister des MfAA, Vorlage für die Außenpolitische Kommission beim Politbüro, 13. 11. 1974 // SAPMO-BA ZPA J IV/358].

Богатство части арабского мира явилось следствием так называемого шока с ценами на нефть после четвертой ближневосточной войны в октябре 1973 г. Все же важнейшие производители нефти, прежде всего, феодальные антикоммунистические государства Саудовская Аравия и Кувейт, были ориентированными на Запад странами. Восточный Берлин вынужден был констатировать, что большинство просоветских арабских стран не причисляются к этому эксклюзивному кругу. Поэтому желаемыми для Политбюро ЦК СЕПГ партнерами были, прежде всего, богатые нефтью просоветские диктатуры Ирак и в особенности Ливия

[Der Minister des MfAA, Vorlage für die Außenpolitische Kommission beim Politburo, 12. 10. 1975 // SAPMO-BA ZPA J IV 2/2/1525].

Лишь в середине 1980-х гг. правительство Эриха Хонеккера признало: многолетняя безусловная солидарность ГДР по отношению к арабскому миру не оправдала себя с точки зрения рентабельности внешнеторговой политики. Ливия и Ирак были политически непредсказуемыми. К тому же финансовая сила обоих государств полностью зависела от конъюнктурных изменений касательно цены на нефть.

Губительным было также включение ГДР к советской глобальной стратегии на аравийском полуострове. Посылка кадров министерства государственной безопасности и сотрудничество ГДР с радикальными палестинскими группами в социалистическом южном Йемене поглотили чрезмерные финансовые средства и бросили вызов прозападной региональной супердержаве Саудовской Аравии.

Важнейшим в этой связи был следующий момент: во второй половине 1980-х гг. все более драматично ухудшалось экономическое положение ГДР. Только на становящемся все более угрожающим экономическом фоне проявились первые тенденции в ГДР: нормализовать отношения с Израилем, по крайней мере в экономической сфере [2, с. 799].

Вновь никакой роли не играла моральная историческая точка зрения. Как и в пятидесятые годы сталинистские карикатуры “о еврейском Уолл-стрите” вдохновляли внешнюю политику ГДР в отношении Израиля. Вследствие этого еврейское государство интересовало стратегов в государстве и партии, прежде всего, со следующих соображений: через Израиль ГДР смогла бы сделать полезными уже существующие связи с еврейскими деловыми кругами на Западе, прежде всего в США. Торговля с Израилем должна была служить пропуском в еврейско-американский деловой мир.

Будет правильным утверждать, что следствием такого мировоззрения стали прорывные по своему характеру концептуальные разработки экспертов министерства иностранных дел ГДР на предмет отношений между ГДР и Израилем. [Der Minister des MfAA an Erich Honecker, 11. 11. 1988 // SAPMO-BA ZPA J IV/243].

На этом фоне были устроены помпезные памятные мероприятия в ГДР по случаю 50-летия так называемой “хрустальной ночи” в ноябре 1988 г., а также имело место новое основание “Новой синагоги Берлина – Центра иудаики” [2, с. 804].

Одновременно ГДР отвергала любой шаг со стороны Израиля, который имел политическую направленность. Окончились безрезультатно не только попытки израильского посла в Париже наладить контакты. Было отвергнуто само обращение газеты “Гаарец”, аккредитовать в ГДР корреспондента. Бывшему министру религий Государства Израиль, родившемуся в Дрездене еврею Йозефу Бургу еще в 1986 г. было многократно отказано в поездке в ГДР в рамках частного визита [Der Minister des MfAA an Erich Honecker, 12. 12. 1986 // SAPMO-BA ZPA J IV/243].

Возмещение ущерба и далее не было для ГДР темой для обсуждения. В рабочем документе министерства иностранных дел ГДР отношение режима СЕПГ к этому пункту было сформулировано так: “По отношению к Израилю следует однозначно внести ясность, что ГДР в полном объеме выполнила свои международно-правовые, юридические и моральные обязательства по возмещению ущерба и сняла все стоящие в связи с ним претензии” [Der Minister des MfAA an Erich Honecker, 26.12.1988 // PolArchiv AA, MfAA, A 11766].

Под этими мало обнадеживающими знаками государственный секретарь ГДР по церковным вопросам Курт Лёфлер в январе 1989 г. посетил еврейское государство. Визит функционера СЕПГ Лёфлера представлял собой кульминацию 40-летней дипломатии между ГДР и Израилем. Только этот факт показал, на каком незначительном уровне застыли отношения между Иерусалимом и Восточным Берлином [Der Minister des MfAA, Vorlage für die Außenpolitische Kommission beim Politbüro, 12.10.1989 // SAPMO-BA ZPA J IV/321].

Лёфлер ни одним словом не обмолвился о проблематике возмещения ущерба. Политический результат этой поездки был равен нулю.

Лишь поворотной осенью 1989 г., после отставки Хонеккера, ГДР осторожно изменила тон своей политики по отношению к еврейскому государству. В правительственном заявлении от 17 ноября 1989 г. новый премьер-министр ГДР Ганс Модров заявил, что ГДР настоятельно выступает за мирное и справедливое решение ближневосточной проблемы [MfAA: Aktuelle Probleme und Entwicklungstendenzen des Kampfes um die Losung des Nahostkonflikts, 23.12.1989 // SAPMO-BA ZPA J IV/325].

Хорошие отношения с Израилем и евреями и при этом одновременно старая дружба с Палестинским движением сопротивления, Организацией Освобождения Палестины: можно ли это было совместить? Доброжелательные современники видели в этом шаге новое начало в отношениях, проблеск надежды в отношениях между ГДР и Израилем. Но было ли это в действительности?

На этот раз речь шла о дилемме: воссоединении или спасении ГДР. При этом Израиль должен был помогать. Имелись все основания констатировать гротескную ситуацию: маленький Израиль как страна, налагающая вето; еврейское государство как спаситель для страны, которая десятилетиями отказывалась возмещать ущерб.

Тем не менее, в конце января 1990 г. на нейтральной территории в Копенгагене дело дошло до первых официальных контактов по установлению дипломатических отношений. В Иерусалиме трезво полагали, что до выборов в Народную палату ГДР, назначенных на 18 марта 1990 г., не стоит ожидать установления дипломатических отношений. В свою очередь, израильская сторона не торопилась идти навстречу пожеланиям ГДР [MfAA: Aktuelle Probleme und Entwicklungstendenzen des Kampfes um die Losung des Nahostkonflikts, 23.04.1990 // SAPMO-BA ZPA J IV/332].

Все же к этому моменту времени было уже ясно: СЕПГ/ПДС проиграет первые свободные выборы. Продолжавшаяся длительное время нерешительная, в принципе даже нечестная израильская политика правительства Модрова подошла к своему концу.

Лишь свободно избранная Народная палата ГДР признала 12 апреля 1990 г. ответственность за национал-социалистические преступления и враждебную политику ГДР по отношению к Израилю и евреям в бывшем государстве рабочих и крестьян [MfAA: Aktuelle Probleme und Entwicklungstendenzen des Kampfes um die Losung des Nahostkonflikts, 23. 04. 1990 // SAPMO-BA ZPA J IV/351].

Следует отметить, что даже покинув высший властный эшелон, партийное государственное руководство ГДР полагало, что можно не обременять себя общегерманским национал-социалистическим прошлым. Тем самым демонстрировалось отчуждение от поддающегося рациональной логике исторического сознания.

Понятие особых отношений немцев и евреев после 1945 г. не существовало в мышлении политического класса ГДР. СЕПГ отвергала критику Израилем лишения исторического базиса в направленности внешней политики ГДР, воспринимала ее даже как оскорбление.

Это в особенности было характерно для высшего эшелона. У деятелей типа Эриха Хонеккера отсутствовало всякое чувство ответственности по отношению к еврейскому народу. В одном из своих редких интервью западным СМИ в 1974 г. Эрих Хонеккер сформулировал свою точку зрения об исторической ответственности ГДР за преступления национал-социалистической эпохи лапидарно, следующим предложением: “Фашистский «Третий рейх» пал в огне Второй мировой войны” [Das Politbüro des ZK der SED und die Gestaltung der Beziehungen der DDR zu Israel, 12.11.1989 // SAPMO-BA ZPA J IV/355].

Из этого вытекало постоянно проповедуемое самопонимание государственной партии ГДР – СЕПГ: чистое, лишенное вины и используемое для будущего.

Это была собственная, ныне слишком трудно представляемая основа, базис 40-летней восточногерманской израильской политики. 3 октября 1990 г. ГДР исчезла с географической карты. Разработка этой главы германо-еврейской истории продолжается до нынешнего дня.

Заключение

Таким образом, в период существования коммунистического режима в ГДР руководство этой страны подходило к Государству Израиль с антиссионистских, антииудейских позиций. Власти ГДР отказывались признать ответственность за преступления нацистского режима в отношении еврейского населения Европы и считали совершенно беспредметным постановку вопроса о выплате компенсаций Государству Израиль. Политика ГДР в отношении Государства Израиль стала радикально меняться лишь после Октябрьской революции 1989 г. в данной стране. Новое руководство ГДР признало ответственность этой страны за Холокост, установило с Израилем дипломатические отношения, объявило о готовности решать вопрос о компенсациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Timm Angelika, Zirkel Hammer.** Davidstern. Das gestörte Verhältnis der DDR zu Zionismus und Staat Israel. – Bonn, 1997.
 2. **Meining Stefan,** Kommunistische Judenpolitik. Die DDR, die Juden und Israel. – Hamburg, 2002.
- Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Ministerium für Auswärtige Angelegenheiten der DDR (PolArchiv AA, MfAA).
Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR.

Поступила в редакцию 29.01.2015 г.

Контакты: +375 29 127-19-59 (Стрелец Михаил Васильевич)
+375 29 617-07-32 (Обуховская Оксана Анатольевна)

Strelets M. V., Obukhovskaya O. A. THE ATTITUDE OF COMMUNIST REGIME IN THE GDR TOWARDS THE STATE OF ISRAEL (1949–1990): INTERNAL AND EXTERNAL DETERMINANTS, CONCEPTUAL APPROACHES, TENDENCIES, PROBLEMS.

For the first time in Belarusian historical German studies, this paper covers the policy of the German Democratic Republic towards the State of Israel. The authors show that initially this policy was entirely determined by the USSR, later the Soviet control over East Berlin waned. The article proves that the GDR used increasing room for manoeuvre to the detriment of the Jewish State. From the paper content, it follows that the national socialist past did not influence Israeli policy of the second German State. The authors emphasize the fact that the GDR was not ready to pay compensations for Nazi war crimes.

Key words: Communist dictatorship Jews, GDR, Israel, politics, socialism, Socialist Unity Party of Germany, totalitarianism.

УДК 94(476)“1921/1939”

УПЛЫЎ АСАЦЫЯЛЬНЫХ З’ЯЎ НА МОЛАДЗЬ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ І БАРАЦЬБА З ІМ (1921–1939 гг.)

В. В. Даніловіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт
дырэктар Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Артыкул прысвечаны даследаванню праблемы ўплыву асацыяльных з’яў на моладзь Савецкай Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст., а таксама барацьбы дзяржавы і грамадства з гэтым уплывам. Сцвярджаецца, што дзяржава выкарыстоўвала комплекс практычных і прафілактычных мер для змяншэння асацыяльных з’яў сярод юнага пакалення, ад якіх не быў пазбаўлены і камсамол Савецкай Беларусі. Юнакі і дзяўчыны таксама ўдзельнічалі ў барацьбе з асацыяльнымі з’явамі. Гэта дзейнасць моладзі з 1932 г. атрымала ў БССР шырокі размах. Увогуле асацыяльныя з’явы сярод камсамольцаў і юнацтва значна зменшыліся ў 1930-я гг., калі было ліквідавана беспрацоўе, у дзяржавы з’явіліся дадатковыя матэрыяльныя сродкі для падтрымкі маладога пакалення, а заканадаўства стала больш строгім.

Ключавыя словы: Савецкая Беларусь, моладзь, асацыяльныя з’явы, палітыка кампартыі, дзейнасць камсамола.

Цяжкае сацыяльна-эканамічнае становішча, у якім апынулася Савецкая Беларусь у выніку рэвалюцыйных і ваенных падзей, спрыяла распаўсюджанню асацыяльных з’яў у грамадстве. Зразумела, што гэтыя з’явы ў пешую чаргу ўплывалі на маладое пакаленне.

Найбольш актуальнай праблемай у гэты час з’яўлялася дзіцячая і падлеткавая беспрытульнасць. Менавіта таму камсамольцы былі задзейнічаны ў кантролі за становішчам дзяцей, выяўленні безнагляднікаў (да гэтай справы прыцягваліся і студэнты), збіралі для беспрытульных дзяцей рэчы і прадукты, а таксама даволі вялікія грашовыя сродкі, працавалі ў створаных для іх сталовых, дзіцячых дамах (таксама разам са студэнтамі), камісіях і сацыяльнай інспекцыі [1, л. 45; 2; 3]. Камсамол удзельнічаў у тыднях дзіцяці, шэфстваваў над дзіцячымі дамамі і клубамі [4, л. 21–105; 5, л. 3; 6, л. 55]. Да кожнага дзіцячага дома быў прымацаваны камсамалец, які наведваў яго 2–3 разы на тыдзень для заняткаў з дзецьмі і дапамогі ў вырашэнні іх надзённых праблем [7, л. 10].

Калі ў пачатку 1920-х гг. КСМБ з-за дрэннага становішча маладых рабочых фактычна не займаўся барацьбой з безнагляднасцю дзяцей і падлеткаў, то ў 1923 г. разам з органамі Народнага камісарыята асветы ССРБ і іншых зацікаўленых ведамстваў пачаў надаваць гэтаму больш увагі. У пачатку года саюз вёў працу ў 6 дзіцячых дамах (у адным з іх нават была створана камсамольская ячэйка ў складзе 40 чалавек), а ў снежні 1923 г. прадстаўнікі яго ЦК і “Юнага Спартака” ўдзельнічалі ў працы Лігі дапамогі дзецям [8, л. 135; 9, л. 5; 10, л. 53].

У 1924 г. ЛКСМБ наладзіў сувязь з камісіямі ЦВК БССР па барацьбе з беспрытульнасцю і па прадастаўленні ільгот, а таксама ўдзельнічаў у барацьбе з дарагоўляй праз прадстаўніцтва ў адпаведных раённых камісіях [11, л. 20, 76; 12, л. 28].

Безнаглядныя падлеткі, спекулюючыя юнакі і дзяўчыны дакладна ўлічваліся і кантраляваліся праз эканамічныя аддзелы паветгаркамаў камсамола, пераводзіліся пад апеку аддзелаў сацыяльнага забеспячэння, накіроўваліся ў школы, працоўныя арцелі і атрады [13, л. 31; 14, л. 38].

У кастрычніку 1927 г. быў праведзены ўсесаюзны камсамольскі суботнік, у якім актыўны ўдзел прыняў ЛКСМБ. Сабраныя сродкі былі накіраваны на вырашэнне актуальных сацыяльна-эканамічных праблем, у тым ліку на барацьбу з дзіцячай і падлеткавай беспрытульнасцю [15; 16]. Аднак у 1928 г. удзел камсамола ў барацьбе з безнагляднасцю (за выключэннем аднаго праведзенага суботніка) заставаўся недавальняючым [17, л. 182; 18, л. 23]. Да таго ж былі выпадкі, калі раённыя камітэты КП(б)Б затрымлівалі для сваіх патрэб грошы, сабраныя камсамольцамі ў час суботніка на карысць беспрытульных [17, л. 308]. Усё гэта сведчыць аб дэфіцыце фінансавых сродкаў у краіне ў той час і як вынік непрыярытэтнасці для мясцовага кіраўніцтва барацьбы з безнагляднасцю. Толькі ў снежні 1929 г. сродкі, сабраныя ў выніку рэспубліканскага камсамольскага суботніка па барацьбе з ёй, былі накіраваны на адкрыццё 1-га ўсебеларускага дому для беспрытульных імя ЛКСМБ у Бабруйску [19, л. 234].

Дзяржава надавала шмат увагі працаўладкаванню безнаглядных падлеткаў. Выхаванцы дзіцячых дамоў, якія дасягнулі 16 гадоў і не паступілі ў навучальныя ўстановы, накіроўваліся на працу на прадпрыемствы, у кааператыўныя аб'яднанні і саўгасы. Гэтаму спрыялі пастановы СНК БССР аб нормах працы і броні для падлеткаў 15, 16 і 17 гадоў на прадпрыемствах усіх формаў уласнасці [20–29]. У выніку на працягу 1920-х гг. тысячы выхаванцаў дзіцячых дамоў прыйшлі на вытворчасць [30, л. 50; 31, л. 97].

Аднак і камсамол Савецкай Беларусі быў непазбаўлены ад асацыяльных з'яў. У 1920-я гг. сярод яго членаў (як з кіруючага камсамольскага апарату, так і шэраговых) былі тыя, хто імкнуўся да асабістай карысці і выгады, што прыводзіла да правапарушэнняў і злачынстваў [9, л. 82, 87; 14, л. 25; 32, л. 8; 33, л. 39; 34, л. 65; 35, л. 4; 36, л. 15; 37, л. 26; 38, л. 254, 324–327; 39, л. 21; 40, л. 13; 41, л. 1, 26, 31, 48; 42, л. 6; 43, л. 2; 44, л. 44; 45, л. 62; 46, л. 8–11; 47, л. 136; 48, с. 6]. Меўся ў саюзе і непатрэбны бюракратызм [49, л. 36; 50, л. 83; 51, л. 217; 52, л. 1; 53, л. 57; 54, л. 1].

Сярод камсамольцаў адзначаліся выпадкі парушэння дысцыпліны і камсамольскай этыкі, самагонакурэння, п'янства, хуліганства і распусты [11, л. 59, 109; 17, л. 89; 33, л. 40; 36, л. 18; 37, л. 24; 40, л. 12, 15; 41, л. 35, 46, 53–54, 69–70, 78; 42, л. 7, 64–65; 43, л. 1, 4; 48, с. 32–33; 50, л. 48, 103, 140; 51, л. 213; 55, л. 27; 56, л. 4; 57, л. 162; 58, л. 1а, 3, 39; 59, л. 6; 60, л. 22; 61, л. 115; 62, л. 15; 63, л. 142; 64, л. 43; 65].

У камсамоле меліся трэнні паміж хлопцамі і дзяўчынамі [41, л. 58; 66, л. 17], вясковымі і гарадскімі камсамольцамі [41, л. 48, 55, 75; 67, л. 12; 68, л. 79; 69, л. 20], а на вёсцы – паміж беднякамі і сярэднякамі [44, л. 448; 68, л. 191; 70, л. 65].

Аднак усе падобныя з'явы мелі месца і сярод несаюзнай моладзі Савецкай Беларусі.

Так, асобныя маладыя людзі звярталіся ў Рабоча-сялянскую інспекцыю (РСІ) са скаргамі дзеля вырашэння асабістых карысных патрэб [71, л. 110].

Шмат юнакоў і дзяўчын займаліся спекуляцыяй. Гэта з'ява была асабліва пашырана сярод яўрэйскага юнацтва [72, л. 7; 73, л. 5; 74, л. 2].

Сярод вялікай колькасці моладзі былі распаўсюджаны п'янства, хуліганства, распуста і эканамічныя злачынствы [18, л. 4; 36, л. 3, 7; 37, л. 40; 67, л. 72–73; 68,

л. 128; 70, л. 66; 75, л. 31; 76, л. 21; 77, л. 1048; 78; 79, л. 163; 80, л. 2; 81, л. 8; 82, л. 83; 83, л. 587; 84, л. 7; 85, л. 3; 86, с. 198].

Толькі з 1 кастрычніка 1925 г. па 1 кастрычніка 1926 г. у БССР было зарэгістравана 4136 выпадкаў хуліганства, з іх 47,8 % прыпадала на маладых людзей ва ўзросце да 24 гадоў [70, л. 76]. Юныя хуліганы былі і ў горадзе, і на вёсцы. Іх шайкі п'янствавалі, учынялі бойкі, здзяйснялі набегі на клубы, грамілі дамы адпачынку.

Вясковае хуліганства было найбольш распаўсюджана восенню і зімой, у вольны ад палявых прац час, а таксама ў дні рэлігійных свят і нядзелі, калі п'янства заканчвалася бойкамі. Таксама рэдка абыходзіліся без здарэнняў выселлі, маладзёжныя вьчоркі і пасядзелкі [87, л. 5; 88, л. 5–7].

Гарадское ж хуліганства моладзі было круглагадовым [89, л. 13; 90, л. 163; 91, с. 112]. Росту асацыяльных з'яў сярод маладога пакалення ў гарадах спрыяла тое, што юнакам і дзяўчынам не было куды дзяваць энергію. Адсутнічалі спартыўныя пляцоўкі, былі дрэнна абсталяваны клубы. Дзейнасці юнацкіх секцый пры агульных прафесійных клубах не надавалася належнай увагі. У выніку моладзь ці п'янствавала, ці хуліганіла [79, Спр. 274. л. 163–164; 86, с. 190, 312].

Сярод дзяўчын у гарадах, мястэчках і вёсках мела месца прастытуцыя з-за безнагляднасці, беспрацоўя, матэрыяльнай незабяспечанасці і непадрыхтаванасці да стваральнай працы [92, л. 54; 93, л. 69; 94, л. 157; 95, л. 30; 96, л. 46; 97, с. 298; 98, л. 5; 99, с. 141–142].

У цяжкім сацыяльным становішчы апыналіся маладыя людзі, якія вызваліліся з устаноў папраўчага выхавання, бо грамадства ставілася да іх падазрона і ва ўмовах беспрацоўя ім цяжка было знайсці працу [99, с. 164–165].

Дзяржава выкарыстоўвала комплекс практычных і прафілактычных мер для змяншэння злачыннасці і п'янства сярод юнага пакалення. Прымаўліся адпаведныя пастановы ўрада БССР (аднак продаж гарэлкі асобам ва ўзросце да 16 гадоў быў забаронены толькі 27 сакавіка 1926 г.); ствараліся маладзёжныя гурткі і курсы па вывучэнні заканадаўства, вучэбна-працоўныя школы; выдаваліся артыкулы ў друку, серыі навукова-папулярных брашур; адкрываліся клубы і спартыўныя пляцоўкі для развіцця фізкультурнага руху сярод юнацтва; пашыралася сетка, паляпшалася абсталяванне і ўзмацнялася выхаваўчая праца культурна-асветных устаноў [79, л. 163; 99, с. 143–144; 100; 101, с. 39; 102; 103; 104].

Нягледзячы на гэта злачыннасць сярод юнакоў і дзяўчын расла аж да 1926 г. і заставалася на даволі высокім узроўні да канца 1920-х гг. Толькі з 1927 г., з разгортваннем індустрыялізацыі, пачалося зніжэнне асацыяльных з'яў сярод моладзі БССР [105, л. 486]. У выніку к канцу 1920-х гг. колькасць маладзёжных правапарушэнняў знізілася. Так, напрыклад, калі ў Віцебскай акрузе ў 1926 г. юнацкае хуліганства складала 18% ад усіх правапарушэнняў, то ў 1929 г. – 10% [106, л. 33].

Дзякуючы захадам дзяржавы і грамадства, большасць маладых правапарушальнікаў станавіліся на шлях выпраўлення і знаходзілі сваё месца ў жыцці [99, с. 166–168].

Юнакі і дзяўчыны таксама ўдзельнічалі ў барацьбе з незаконнасцю і бюракратызмам [51, л. 203; 83, л. 587]. Часта з гэтай мэтай выкарыстоўваліся звароты ў РСІ [107, л. 30; 108, л. 14–17; 109, л. 177–179; 110, л. 39, 42; 111, с. 30–31].

Барацьба з бюракратызмам, паператворчасцю, непатрэбнымі пасяджэннямі за жывую практычную справу сталі характэрнымі рысамі дзейнасці многіх камсамольскіх арганізацый і камсамольскага друку Савецкай Беларусі [17, л. 136;

112, л. 36; 113, с. 115], хаця часам апублікаваныя ў камсамольскіх выданнях факты былі дробнымі і недастаткова правяранымі [114, л. 195].

Камсамол удзельнічаў у працы па скарачэнні кіраўнічага апарату і эканоміі сродкаў. Аднак боязь скарачэння ў выніку рацыяналізацыі прытупляла ў некаторай часткі камсамольцаў актыўнасць у барацьбе з бюракратызмам [17, л. 61; 115, л. 8].

У пачатку 1920-х гг. камсамол абвясціў непрыміруемую вайну п'янству. Напрыклад, камсамольцы Барысава выпусцілі ў снежні 1922 г. спецыяльную лістоўку з заклікам да ўсіх рабочых уключыцца ў барацьбу з алкагалізмам, арганізавалі шэраг лекцый і гутарак урачоў аб шкодзе п'янства і ў выніку дамагліся рэзкага скарачэння ўжывання моладдзю спіртных напояў [113, с. 116]. Нягледзячы на гэта, праблема захоўвалася, і ў 1928 г. увага ЛКСМБ да антыалкагольнай прапаганды і барацьбы з п'янствам лічылася недастатковай [116, л. 51].

З канца 1924 г. пры ЦК камсамола БССР дзейнічала дысцыплінарная камісія [66, л. 22; 117, л. 9], а з 1925 г. – канфліктная камісія (КК), якая акрамя вырашэння канфліктаў змагалася з адмоўнымі з'явамі ў арганізацыі, у выхаваўчых мэтах праводзіла паказальныя суды. Усе рашэнні гэтых камісій зацвярджаліся сакратарыятам і Бюро ЦК ЛКСМБ [68, л. 16].

Сродкам барацьбы з адмоўнымі з'явамі сярод камсамольцаў з'яўлялася пазбаўленне адказных пасадаў і выключэнне з саюза [38, л. 328; 58, л. 1а]. Напрыклад, у 1925 г. сярод прычын выключэння з камсамола ў Савецкай Беларусі найбольшую колькасць складалі хуліганствы, п'янства і крадзяжы [118, л. 2], а частка камсамольцаў была выключана нават за бандытызм [41, л. 8].

Разам з тым, барацьба з адмоўнымі з'явамі ў ЛКСМБ лічылася недастатковай [119, л. 128; 120, л. 129] і шырока разгарнулася толькі ў 1930 г. [121, л. 63].

Камсамольцы прымацоўваліся да сталага ўдзелу ў працы бюро скаргаў РСІ (расследаванне і прапрацоўка скаргаў); моладзь прыцягвалася для барацьбы з бюракратызмам праз секцыі і камітэты гарсаветаў і сельсаветаў. З 1927 г. для дапамогі РСІ па ініцыятыве камсамола сярод маладога пакалення пачаў развівацца добраахвотны рух пад назвай “Атрадаў лёгкай кавалерыі”. Аднак масавым ён стаў толькі з 1928 г. [114, л. 199; 122, л. 45; 123, л. 97].

Бюро ЦК ЛКСМБ 10 лютага 1928 г. прыняло пастанову аб удзеле ў рацыяналізацыі савецкага апарату і барацьбе з бюракратызмам, якая адыграла важную ролю ў развіцці руху “лёгкай кавалерыі”, атрады і групы якой фарміраваліся з камсамольскіх актывістаў і аказвалі вялікую дапамогу органам партыйна-дзяржаўнага кантролю (Цэнтральнай кантрольнай камісіі (ЦКК) КП(б)Б і РСІ) у выяўленні фактаў бесгаспадарчасці, бюракратызму, валакіты, разбазарвання дзяржаўных сродкаў і каштоўнасцяў. Пры гэтым рэкамендавалася прыцягваць у групы “лёгкай кавалерыі” несаюзную моладзь з ліку рабочых, батракоў і беднякоў [113, с. 155].

Аднак кіраўніцтва гэтым рухам з боку камсамола і РСІ было наладжана неадразу [58, л. 3; 120, л. 129; 124, л. 24, 26; 125, л. 23]. Так, у шэрагу райкамаў ЛКСМБ не разумелі яго сутнасці. Камсамольцы нават шукалі коней для “лёгкай кавалерыі” і звярталіся з падобнымі запытамі ў рэдакцыю “Чырвонай змены” [126, л. 10].

У групах “лёгкай кавалерыі” ў большасці выпадкаў актыўна дзейнічала толькі невялікае ядро іх членаў. Частка груп слаба ўскрывала недахопы, а ў асобных выпадках абмяжоўвалася голай канстатацыяй фактаў. Часам парушаўся добраахвотны прынцып арганізацыі “лёгкай кавалерыі”. Слаба быў пастаўлены ўлік яе працы. Працяглы час адсутнічаў абмен вопытам працы паміж групамі (толькі ў пачатку вясны 1930 г. адбыўся першы злёт “лёгкай кавалерыі” БССР) [127, л. 1, 8].

Да матэрыялаў і прапаноў “лёгкай кавалерыі” часам не было дастатковай увагі і рэагавання з боку гаспадарчых, прафсаюзных і савецкіх органаў, што глушыла ініцыятыву [117, л. 132]. Так, у 1929 г. “Чырвоная зьмена” нерэгулярна выпускала лісток “лёгкай кавалерыі”, слаба ішла рэакцыя і расследаванне замест [19, л. 205].

Усё гэта прывяло да распаду вялікай колькасці груп і атрадаў “лёгкай кавалерыі” (асабліва ў 1929 г.), шматлікіх выпадкаў скажэння прынцыпаў яе працы: адрыў ад мас, нізкая самадзейнасць, частае праходжанне міма асноўных гаспадарча-палітычных мерапрыемстваў кампартыі і камсамола (барацьба за прамфінплан на грунце спаборніцтва, калектывізацыя сельскай гаспадаркі, чыстка савецкага апарату і інш.) [117, л. 130].

Разам з тым, у 1930 г. былі не рэалізаваны пастановы ЦК і КК ВКП(б), Усесаюзнай нарады сакратароў парткалегій аб перабудове працы канфліктных камісій ЛКСМБ. Іх арганізацыйная пабудова, змест і тэмпы працы не адпавядалі і значна адставалі ад сучасных задач. КК працавалі замкнёна кабінетным парадкам і проста фіксавалі пастановы ячэек і камітэтаў саюза. Кіраўніцтва імі з боку кампартыі адсутнічала [54, л. 1–2].

Таму былі ўстаноўлены дакладныя правілы арганізацыі працы канфліктных камісій камсамола БССР.

Пленум КК ЦК ЛКСМБ выбіраўся на пленуме ЦК саюза і з’яўляўся вышэйшым органам ЦКК ЛКСМБ, які склікаўся па пастанове Прэзідыуму ЦКК саюза не радзей 1 раз у 4 месяцы і падпарадкоўваўся ЦК ЛКСМБ. Пленум ЦКК саюза заслухоўваў і зацвярджаў справаздачы Прэзідыуму ЦКК і яго камсамольскай калегіі, выбіраў Прэзідыум ЦКК і яго старшыню, а таксама старшыню камсамольскай калегіі ЦКК ЛКСМБ. Прэзідыум ЦКК саюза выбіраўся ў складзе 11 асоб і склікаўся не радзей 1 раз у 2 тыдні. Быў створаны інстытут камсамольскіх следчых (павінны былі мець не менш 4 год камсамольскага стажу і 4 гады вытворчага, з’яўляцца членамі ці кандыдатамі КП(б)Б) і засядацеляў (павінны былі мець не менш 3 гадоў камсамольскага і 3 гады вытворчага стажу, з’яўляцца членамі ці кандыдатамі КП(б)Б), а таксама групы добраахвотнікаў-ініцыятараў у колькасці 100 чалавек пры Прэзідыуме ЦКК ЛКСМБ. Камсамольскія следчыя і засядацелі выбіраліся на агульных сходах ячэек тэрмінам на 1 год. Спіс ячэек, ад якіх выбіраліся следчыя і засядацелі вызначаў Прэзідыум ЦКК саюза разам з камітэтамі ЛКСМБ. Следчыя і засядацелі кожныя 3 месяцы давалі справаздачы камсамольскім сходам, ячэек, якія іх вылучылі [54, л. 14].

З добраахвотнікаў і следчых складаліся ініцыятыўныя групы: 1) па барацьбе за чыстату ленінскай лініі ў саюзе; 2) па хваравітых з’явах у сацыялістычным будаўніцтве (сектары: а) вытворчы, б) сельска-гаспадарчы, в) транспартны); 3) па хваравітых з’явах у нацыянальным пытанні і стане інтэрнацыянальнага выхавання; 4) па хваробах быту і этыкі ў ЛКСМБ; 5) па стану крытыкі, самакрытыкі і ўнутрысаюзнай дэмакратыі; 6) па хваробах росту арганізацыі; 7) па стану антырэлігійнай працы ў ЛКСМБ; 8) па стану камсамольскай дысцыпліны; 9) па хваравітых з’явах у асяроддзі вайсковага камсамола і сярод камсамольцаў на вайскавай працы; 10) інструктарская (выязжала на месцы для расследавання спраў і абследавання арганізацый). Пры Прэзідыуме ЦКК ЛКСМБ стваралася камсамольская калегія, якая збіралася не радзей 1 разу ў дэкаду. Пры разглядзе спраў на калегіі павінны былі прысутнічаць не менш 3 яе членаў, 2 засядацеляў і 1 следчага-рабкора. Пры адсутнасці аднагалосся па разглядаемым пытанні вырашэнне справы пераносілася на Прэзідыум ЦКК саюза. Для падрыхтоўкі да

разгляду канфліктных спраў на калегіі пры ёй ствараліся камсамольскія тройкі, у якіх па чарзе працавалі ўсе члены ЦКК ЛКСМБ пры абавязковым старшынстве аднаго з іх. На пасяджэнні троек павінны былі прысутнічаць не менш 1 засядацеля і 1 следчага. На пасяджэнні калегіі абавязкова выклікаліся камсамольцы, чые справы разглядаліся (калі яны двойчы не з'яўляліся, іх справа разглядалася завочна) [54, л. 15].

Камсамольскія тройкі вивучалі хваравітыя з'явы па заданні Прэзідыума ЦКК саюза. Групу "лёгкай кавалерыі" ўвесь матэрыял па хваравітых з'явах накіроўвалі ў ЦКК ЛКСМБ, якая магла праз ЦК саюза даручаць ім раследаванне тых ці іншых спраў. Прэзідыум і камсамольская калегія ЦКК ЛКСМБ непасрэдна падпарадкоўваліся сакратарыяту ЦК саюза. ЦКК ЛКСМБ працавала пад сталым кіраўніцтвам і ў цесным кантакце з ЦКК КП(б)Б, у якой мела свайго прадстаўніка. На выяздных пасяджэннях камсамольскай калегіі ці Прэзідыума ЦКК саюза павінны былі прысутнічаць не менш 3 членаў ЦКК, 1 следчага і 1 засядацеля [54, л. 16].

Прэзідыумы раённых і гарадскіх КК выбіраліся на пленумах РК і ГК ЛКСМБ (у вясковых раёнах у складзе 11-13 асоб, а ў гарадскіх – 17-19 асоб). Камсамольскі стаж выбіраемых павінен быў быць у вясковых раёнах – няменш 2 гадоў, у гарадскіх – неменш 3 гадоў. Старшыня прэзідыума гарадскіх КК павінен быў быць членам КП(б)Б і бюро ГК камсамола, а старшыня Прэзідыуму раённых КК – членам ці кандыдатам КП(б)Б і бюро РК ЛКСМБ. Пленумы раённых і гарадскіх КК збіраліся не радзей 1 раза ў 2 месяцы па пастанове прэзідыумаў КК, якія складаліся ў раённых КК з 3-5 асоб, а ў гарадскіх КК – з 5-7 асоб і збіраліся не радзей 1 раза ў дэкаду. Пры прэзідыумах раённых і гарадскіх КК ствараўся інстытут засядацеляў (5-7 асоб) і следчых (11-13 асоб) і групы ініцыятараў-дабрахвотнікаў у колькасці 20-50 чалавек. Следчыя і засядацелі выбіраліся на агульных сходах ячэйка саюза тэрмінам на паўгода. Кожныя 3 месяцы яны давалі справаздачы ячэйкам, якія іх выбралі. Спіс ячэйка, ад якіх яны выбіраліся, вызначаўся бюро РК ці ГК ЛКСМБ і прэзідыумам КК, пры якім ствараліся ініцыятыўныя групы: 1) па хваравітых з'явах у сацыяльным будаўніцтве; 3) па хваробных з'явах у быце, этыке і дысцыпліне; 4) па хваробах росту арганізацыі; 2) па барацьбе за чыстату ленінскай лініі ў камсамоле; 5) па стану крытыкі і самакрытыкі і ўнутрысаюзнай дэмакратыі; 6) інструктарская і інш. [54, л. 17].

Калі камсамольца выключалі з камсамола бюро ГК ці РК ЛКСМБ, выключэнне можна было абскардзіць толькі ў ЦКК саюза. Калі выклікаемы для разбору справы таварыш не з'яўляўся тройчы, то яго справа разглядалася завочна. Пасля атрымання спагнання апеляцыя падавалася на працягу 3 месяцаў. Для хутчэйшага разгляду спраў пры арганізацыях ЛКСМБ, якія налічвалі 300 членаў ствараліся КК з 3 асоб тэрмінам на паўгода. У меншых структурах саюза на агульных сходах выбіраліся следчыя таксама тэрмінам на паўгода. Пастановы КК пры арганізацыях абавязкова зацвярджаліся Прэзідыумамі гарадскіх ці раённых КК ЛКСМБ. КК падпарадкоўваліся бюро ГК і РК саюза. Пры гэтым раённым КК ЛКСМБ пад кіраўніцтвам і ў цесным кантакце з раённымі КК РСІ, у якіх мелі сваіх прадстаўнікоў [54, л. 18].

Прадпрынятыя захады значна палепшылі і актывізавалі працу камсамольскіх канфліктных камісій.

У 1930-я гг. дзяржава працягвала прадпрымаць меры па барацьбе з дзіцячай і падлеткавай беспрытульнасцю, маладзёжнай злачыннасцю. На гэтыя мэты

выдаткоўваліся дадатковыя матэрыяльныя сродкі, умацнялася і рабілася больш строгай заканадаўчая база [128, л. 37, 77–78, 101; 129, л. 10, 105; 130, л. 10, 13, 19; 131, с. 227–228]. Такія захады разам з ліквідацыяй беспрацоўя далі станоўчыя вынікі.

Прэзідыум ЦКК РСІ ўвязваў сваю дзейнасць з групамі “лёгкай кавалерыі” праз ЦК ЛКСМБ, якія ўвесь матэрыял па хваробных з’явах сярод камсамольцаў абавязкова накіроўвалі ў ЦКК саюза [132, л. 115].

Разам з тым, у 1930-я гг. адзначалася, што асабліва хваробнай справай у жыцці большасці камсамольскіх арганізацый БССР з’яўлялася маральна-бытавое разлажэнне часткі камсамольцаў (вельмі часта кіруючых работнікаў): сістэматычнае п’янства, хабары, растраты грамадскіх грошай, дэбошы і г.д. [133, л. 44; 134, л. 20–21; 135, л. 16, 19; 136, л. 137–138, 143–144, 146–147].

Пры гэтым зазначалася што ў 1931 г. заціхла праца “лёгкай кавалерыі” [137, л. 271] і КК ЦК ЛКСМБ не вяла сістэматычнай працы па вывучэнні і папярэджванні хваробітых з’яў [132, л. 108]. А ў 1934 г., напрыклад, саюз не вёў на месцах рашучай барацьбы з хуліганствам (асабліва ў Віцебску, Магілёве, Гомелі і Оршы) і іншымі асацыяльнымі з’явамі [138, л. 187, 353].

Аднак далёка не ўсё залежыла ад актыўнасці камсамола. Так, ЦК ЛКСМБ на працягу 1933 г. абследаваў становішча ў дзіцячых дамах і прапанаваў шэраг мер па яго паляпшэнні. Дакладная запіска была перададзена ЦК КП(б)Б, Народнаму камісарыяту асветы БССР і іншым зацікаўленым ведамствам і арганізацыям. Але ад іх не было атрымана ніякай рэакцыі, хаця дрэннае становішча ў дзіцячых дамах склалася з-за недавальняючай працы камсамола, Народнага камісарыята асветы рэспублікі, прафсаюзаў і патрабавала неадкладнага выпраўлення [139, л. 60], што гаворыць аб пасіўнасці дзяржаўных структур у вырашэнні гэтай праблемы.

Разам з тым, часам дзейнасць груп “лёгкай кавалерыі” ажыццяўлялася супрацьпраўнымі метадамі, але гэта публічна асуджалася [140, л. 61].

Нягледзячы на ўсе хібы, з 1932 г. у БССР дзейнасць груп “лёгкай кавалерыі” атрымала шырокі размах. Праводзіліся яе раённыя злёты. Шырокае распаўсюджанне атрымалі ўсесаюзныя і рэспубліканскія рэйды “лёгкай кавалерыі”, месячнікі праверкі. У цэлым за час свай дзейнасці яе групы аказалі істотную дапамогу ў барацьбе з бюракратызмам у кіруючым апарате, узняцці вытворчасці працы, паляпшэнні метадаў гаспадарання, праяўлялі шмат вынаходніцтва ў барацьбе з прагульшчыкамі, п’яніцамі, абібокамі і бракаробамі. Камсамольцы стваралі брыгады “сяброў станка”, якія сачылі за захаваннем абсталявання і інструментаў, правяралі наладжанасць догляду механізмаў. У выніку, дзякуючы “лёгкай кавалерыі”, удалося выкараніць абьякавасць у доглядзе за тэхнікай, што дазволіла эканоміць сотні тысяч рублёў, лепш выкарыстоўваць абсталяванне і ўзняць вытворчасць працы. Групы “лёгкай кавалерыі” адыгралі значную ролю ў паляпшэнні ўліку ў сельскай гаспадарцы. Для заахвочвання іх дзейнасці выкарыстоўваліся спецыяльныя прэміяльныя фонды і прадастаўленне “лёгкім кавалерыстам” дарадчых мандатаў на з’езды саветаў [113, с. 155–156, 195; 117, л. 130; 124, л. 21; 127, л. 8; 138, л. 276, 305; 139, л. 12, 105; 141, л. 151; 142, л. 5, 21; 143, л. 284; 144, л. 2; 145, л. 1; 146, л. 38–39].

Такім чынам, найбольш актуальнай праблемай у 1920-я гг. з’яўлялася дзіцячая і падлеткавая беспрытульнасць. Калі спачатку камсамол з-за дрэннага становішча маладых рабочых фактычна не займаўся барацьбой з безнагляднасцю дзяцей і падлеткаў, то з 1923 г. разам з зацікаўленымі ведамствамі пачаў надаваць гэтаму больш увагі.

Дзяржава імкнулася працаўладкаваць безнаглядных падлеткаў. З гэтай мэтай была створана адпаведная заканадаўчая база. Выхаванцы дзіцячых дамоў, якія не паступілі ў навучальныя ўстановы, накіроўваліся на працу на прадпрыемствы, у кааператыўныя аб'яднанні і саўгасы. У выніку на працягу 1920-х гг. тысячы выхаванцаў дзіцячых дамоў прыйшлі на вытворчасць.

Аднак і ў самім камсамоле Савецкай Беларусі адзначаліся асацыяльныя з'явы.

Разам з тым, усе падобныя з'явы ў значна большых памерах мелі месца і сярод несаюзнай моладзі Савецкай Беларусі. Таму дзяржава выкарыстоўвала комплекс практычных і прафілактычных мер для змяншэння асацыяльных з'яў сярод юнага пакалення.

Але дзейнасць дзяржавы і грамадства па абмежаванні злчыннасці сярод юнакоў і дзяўчын стрымлівалі ліберальнае заканадаўства, адсутнасць матэрыяльных сродкаў і наяўнасць беспрацоўя. Моладзь таксама ўдзельнічала ў барацьбе з незаконнасцю і бюракратызмам.

З канца 1924 г. пры ЦК камсамола БССР дзейнічала дысцыплінарная камісія, а з 1925 г. – канфліктная камісія, якая акрамя вырашэння канфліктаў змагалася з адмоўнымі з'явамі ў арганізацыі, у выхаваўчых мэтах праводзіла паказальныя суды. Усе рашэнні гэтых камісій зацвярджаліся сакратарыятам і Бюро ЦК ЛКСМБ. Сярод камісій барацьбы з адмоўнымі з'явамі сярод камсамольцаў з'яўлялася пазбаўленне адказных пасадаў і выключэнне з саюза.

Апраўдалі сябе прымацаванне камсамольцаў для сталага ўдзелу ў працы бюро скаргаў РСІ; прыцягненне юнакоў і дзяўчын для барацьбы з бюракратызмам праз секцыі і камітэты гарсаветаў і сельсаветаў; добраахвотны рух маладога пакалення пад назвай “Атрадаў лёгкай кавалерыі”.

Аднак кіраўніцтва гэтым рухам з боку камсамола і РСІ было наладжана неадразу і якасць працы груп “лёгкай кавалерыі” працяглы час пакідала жадаць лепшага. Да матэрыялаў і прапаноў “лёгкай кавалерыі” часам не было дастатковай увагі і рэагавання з боку гаспадарчых, прафсаюзных і савецкіх органаў. Усё гэта прывяло да распаду вялікай колькасці груп і атрадаў “лёгкай кавалерыі” (асабліва ў 1929 г.).

Арганізацыйная пабудова, змест і тэмпы працы канфліктных камісій ЛКСМБ таксама доўгі час не адпавядалі пастаўленым задачам. КК працавалі замкнёна кабінетным парадкам і проста фіксавалі пастановы ячэек і камітэтаў саюза. Кіраўніцтва імі з боку кампартыі адсутнічала. Толькі ў 1931 г. былі ўстаноўлены дакладныя правілы арганізацыі працы канфліктных камісій камсамола БССР, што значна палепшыла і актывізавала іх працу.

Нягледзячы на ўсе хібы, з 1932 г. у БССР дзейнасць груп “лёгкай кавалерыі” атрымала шырокі размах. Для заахвочвання іх дзейнасці выкарыстоўваліся спецыяльныя прэміяльныя фонды і прадастаўленне “лёгкім кавалерыстам” дарачых мандатаў на з'езды саветаў.

У цэлым за час сваёй дзейнасці групы “лёгкай кавалерыі” аказалі істотную дапамогу ў барацьбе з бюракратызмам у кіруючым апарате, узняцці вытворчасці працы, паляпшэнні метадаў гаспадарання, праяўлялі шмат вынаходніцтва ў барацьбе з прагульшчыкамі, п'яніцамі, абібокамі і бракаробамі.

Увогуле злчыннасць і асацыяльныя з'явы сярод камсамольцаў і моладзі значна зменшыліся (хоць цалкам і не зніклі) у 1930-я гг., калі было ліквідавана беспрацоўе, у дзяржавы з'явіліся дадатковыя матэрыяльныя сродкі, а заканадаўства стала больш строгім. Дзякуючы захадам дзяржавы і грамадства, большасць маладых правапарушальнікаў станавіліся на шлях выпраўлення і знаходзілі сваё месца ў жыцці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці. – Ф. 60. Воп. 4. Спр. 1.
2. **Коф.** Как мы использовали каникулы / Коф // Красная молодёжь. – 1924. – № 2. – С. 140–141.
3. **Кронин, Б.** Комсомол и борьба с детской беспризорностью / Б. Кронин // Известия. – 1924. – 14 марта. – С. 5.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 157.
5. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 16.
6. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 18.
7. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 15.
8. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 19.
9. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 22.
10. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 25.
11. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 33.
12. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 49.
13. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 5.
14. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 11.
15. **Савельев, К.** Окажем помощь беспризорникам / К. Савельев // Савецкая Беларусь. – 1927. – 16 кастрычніка. – С. 4.
16. **Чуброў, С.** Дапамога дзецям / С. Чуброў // Чырвоная змена. – 1928. – 5 студзеня. – С. 4.
17. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 81.
18. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 355.
19. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 93.
20. О нормировании труда подростков: постановление СНК ССРБ, 10 сентября 1921 г. // Известия ЦИК ССРБ. – 1921. – № 19. – С. 2.
21. Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях: постановление СНК БССР, 22 июля 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1924. – № 14. – Ст. 123.
22. О дополнении постановления СНК БССР от 22 июля 1924 года “Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях”: постановление СНК БССР, 11 февраля 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1925. – № 9. – Ст. 87.
23. Об установлении количества подростков по отношению к взрослым рабочим в мелких предприятиях: постановление СНК БССР, 25 февраля 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1925. – № 16. – Ст. 119.
24. Об утверждении инструкции к временным правилам об условиях применения подсобного наёмного труда в крестьянских хозяйствах: постановление СНК БССР, 12 августа 1925 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1925. – № 42. – Ст. 351.
25. Об ответственности нанимателей за нарушение временных правил от 18 апреля 1925 года об условиях применения подсобного наёмного труда в крестьянских хозяйствах и инструкции к этим правилам от 12 августа 1925 г.: постановление СНК БССР, 7 июля 1926 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1926. – № 30. – Ст. 113.
26. Об установлении норм брони подростков на строительных работах: постановление СНК БССР, 4 июня 1927 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1927. – № 28. – Ст. 137.
27. О нормах брони для подростков: постановление СНК БССР, 24 декабря 1928 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1928. – № 37. – Ст. 354.
28. Об изменении в кодексе законов о труде: постановление ЦИК и СНК БССР, 2 марта 1929 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1929. – № 10. – Пост. 51.

29. Об изменении ст. 1 постановления о нормах брони для подростков: постановление СНК БССР, 14 декабря 1929 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1929. – № 45. – Пост. 275.
30. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 303.
31. ДАМВ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 100.
32. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 12.
33. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 24.
34. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 35.
35. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 42.
36. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 46.
37. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 54.
38. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 64.
39. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 66.
40. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 84.
41. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 121.
42. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 122.
43. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 123.
44. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 185.
45. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 188.
46. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 226.
47. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 423.
48. Рэзалюцыя III пленуму ЦК ЛКСМБ (люты 1929 г.). – Мінск : Выдавецтва “Чырвоная змена”, 1929. – 64 с.
49. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 27.
50. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 53.
51. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 174.
52. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 204.
53. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 358.
54. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 554.
55. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 41.
56. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 59.
57. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 62.
58. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 80.
59. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 88.
60. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 31.
61. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 74.
62. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 146.
63. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 448.
64. НАРБ. – Ф. 101. Воп. 2. Спр. 301.
65. **Саковіч, П.** Супраць алкаголю і “алкагольствуючых” / П. Саковіч // Чырвоная змена. – 1928. – 9 верасня. – С. 1.
66. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 37.
67. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 44.
68. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 49.
69. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 133.
70. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 287.
71. НАРБ. – Ф. 101. Воп. 2. Спр. 95.
72. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 6.
73. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ). – Ф. 32. Воп. 1. Спр. 30.
74. РДАСПГ. – Ф. 32. Воп. 1. Спр. 90.
75. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб’яднанняў Гомельскай вобласці (ДАГАГВ). – Ф. 3723. Воп. 1. Спр. 19.
76. ДАГАГВ. – Ф. 3723. Воп. 1. Спр. 9.

77. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці (ДАГАМГВ). – Ф. 6577. Воп. 1. Спр. 21.
78. **Лебина, Н.** “Лёнька Пантелеев – сыщик гроза...”: преступность в советском обществе 20–30-х годов / Н. Лебина // Родина. – 1995. – № 1. – С. 58–63.
79. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 7. Спр. 274.
80. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 7.
81. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 13.
82. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 45.
83. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 64а.
84. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 100.
85. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 12.
86. X-й с'езд Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, 3–10 января 1927 г.: стенографический отчёт. – Минск : Белорусское государственное издательство, 1927. – 448 с.
87. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 2351. Воп. 2. Спр. 7.
88. ДАМВ. – Ф. 321. Воп. 1. Спр. 112.
89. ДАВВ. – Ф. 10051. Воп. 1. Спр. 608.
90. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 7. Спр. 33.
91. **Рожков, А. Ю.** Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение / А. Ю. Рожков // Социс. – 1999. – № 7. – С. 107–114.
92. ДАГАМГВ. – Ф. 6573. Воп. 1. Спр. 334.
93. ДАГАМГВ. – Ф. 6577. Воп. 1. Спр. 137.
94. ДАГАМГВ. – Ф. 6577. Воп. 1. Спр. 141.
95. ДАМВ. – Ф. 12п. Воп. 1. Спр. 1000.
96. ДАМВ. – Ф. 1193. Воп. 1. Спр. 14.
97. **Дулов, А. Н.** Проституция и борьба сней в Витебске в первые годы Советской власти / А. Н. Дулов // Женщина. Образование. Демократия : материалы 3-й Междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2000 г.). – Минск : ООО “ЭНВИЛА – М”, 2001. – С. 297–299.
98. НАРБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 799.
99. **Соловьянов, А. П.** Социальная защита несовершеннолетних в БССР (1921 – 1930 гг.) / А. П. Соловьянов. – Минск : Беларуская навука, 2013. – 203 с.
100. **Григорьев, А. Д.** Борьба с преступностью несовершеннолетних и другими проявлениями социальной патологии в первые годы Советской власти на Беларуси / А. Д. Григорьев // Информационный научно-методический бюллетень Комиссии по исполнению наказаний МВД Республики Беларусь. – 2000. – № 9. – С. 70–76.
101. **Нясьцюк, М.** Больш увагі пытаньням алкагалізму і барацьбы з ім у рабоце школы / М. Нясьцюк // Асьвета. – 1929. – № 8. – С. 38–41.
102. О регулировании продажи 40⁰ хлебного вина : постановление ЦИК и СНК БССР, 27 марта 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1926. – № 23. – Ст. 87.
103. О мерах борьбы с хулиганством: постановление СНК БССР, 29 декабря 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1927. – № 3. – Ст. 15.
104. О мероприятиях по борьбе с алкоголизмом: постановление СНК БССР, 23 августа 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1929. – № 32. – Ст. 188.
105. ДАМВ. – Ф. 12п. Воп. 1. Спр. 174.
106. ДАВВ. – Ф. 10051. Воп. 1. Спр. 796.
107. НАРБ. – Ф. 101. Воп. 2. Спр. 19.
108. НАРБ. – Ф. 101. Воп. 2. Спр. 63.
109. НАРБ. – Ф. 101. Воп. 2. Спр. 68а.
110. НАРБ. – Ф. 101. Воп. 2. Спр. 79.
111. **Юркевич, Н. У.** “Прашу Рабоча-сялянскую інспекцыю...”: скаргі і заявы грамадзян Беларусі (1920–1930-я гг.) / Н. У. Юркевич. – Минск : І. П. Логвінаў, 2009. – 216 с.

112. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 27.
113. Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1975. – 536 с.
114. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 71а.
115. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 177.
116. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 85.
117. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 101.
118. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 103.
119. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 396.
120. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 397.
121. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 523.
122. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 301.
123. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 465.
124. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 89.
125. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 510.
126. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 388.
127. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 524.
128. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (ДАРФ). – Ф. Р.5207. Воп. 1. Спр. 889.
129. ДАРФ. – Ф. Р.5207. Воп. 1. Спр. 485.
130. ДАРФ. – Ф. Р.5207. Воп. 1. Спр. 908.
131. КПСС о комсомоле и молодёжи. Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов (1917–1961 гг.). – Москва : Молодая гвардия, 1962. – 397 с.
132. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 126.
133. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 147в.
134. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 295.
135. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 591.
136. РДАСПГ. – Ф. М-1. Воп. 23. Спр. 1294.
137. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 110.
138. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 136.
139. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 599.
140. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 606.
141. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 134.
142. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 137.
143. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 424.
144. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 607.
145. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 608.
146. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 611.

Паступіў у рэдакцыю 04.03.2015 г.

Кантакты: Danilovich_V@Mail.ru (Данилович Вячеслав Викторович)

Danilovich V.V. THE EFFECT OF ANTI-SOCIAL PHENOMENA ON THE YOUTH OF THE SOVIET BELARUS AND FIGHT AGAINST IT (1921–1939).

The article investigates the problem of the influence of anti-social phenomena on the youth of the Soviet Belarus in the 1920–1930s and the fight of the state and society against that influence. It is alleged that the state used a set of practical and preventive measures to reduce anti-social phenomena among the young generation, including the members of the Komsomol. The boys and girls also took part in combating antisocial behaviour. Since 1932 such youth activities became widespread in the BSSR. In general antisocial phenomena among the youth and Komsomol decreased significantly in the 1930s when unemployment was eliminated and the state had sufficient funds to support the younger generation, and the legislation became more stringent.

Key words: Soviet Belarus, youth, antisocial phenomena, policy of the Communist Party, the activities of the Young Communist League.

УДК 94(476+474.5)“19”:373.3.352.07

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНОВ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ В НАЧАЛЕ XX в.

Н. С. Моторова

кандидат исторических наук, доцент

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

В данной статье освещается малоизученная в отечественной историографии проблема участия органов местного самоуправления в реализации планов введения всеобщего начального образования на территории белорусско-литовских губерний в начале XX в. Подробно охарактеризованы законодательные акты, благодаря которым обеспечивалось расширение сети начальных учебных заведений в регионе. Проанализированы делопроизводственные материалы органов местного самоуправления и на этом основании освещена степень их участия во введении всеобщего начального образования. Через сопоставление статистических данных дана оценка эффективности деятельности местных властей в этом направлении.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, белорусско-литовские губернии, всеобщее начальное обучение, школы.

Введение

На исходе революции 1905–1907 гг. правительство Российской империи приступило к подготовке и реализации одного из самых значимых и масштабных социальных проектов за все пореформенное время – к введению всеобщего начального образования. Развитие промышленности, торговли, сельского хозяйства, путей сообщения, а также армии и флота требовали привлечения грамотных и квалифицированных кадров. Для их подготовки было необходимо значительно расширить сеть начальных учебных заведений.

К настоящему времени подготовлено большое количество исследований по истории народного образования на территории белорусско-литовских губерний в 1861–1917 гг. Среди наиболее значительных можно отметить коллективные труды “Из истории школы Белоруссии и Литвы”, “Нарысы гісторыі народнай асветы і педагогічнай думкі ў Беларусі”, “Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г.”, а также работы С.В. Снапковской – “Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст.” и “Гісторыя адукацыі і педагогічнай думкі ў Беларусі (60-я гг. XIX – пачатак XX стст.)”. В этих исследованиях очень подробно охарактеризованы система образования на территории региона, специфика учебного процесса, особенности правительственной политики в этих сферах. Однако ни в одном из перечисленных работ не затрагивается проблема введения всеобщего начального образования на территории белорусско-литовских губерний, которые входили в состав Виленского учебного округа. В целом эта проблема относится к малоизученным в отечественной историографии.

Исходя из этого цель данной статьи состоит в целостном анализе и оценке участия органов местного самоуправления в реализации планов введения всеобщего начального образования на территории белорусско-литовских губерний

в начале XX в. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: характеристику законодательных актов по этому вопросу; анализ делопроизводственных материалов органов местного самоуправления, которые включали в себя школьные сети и финансовые планы; оценку эффективности деятельности местных властей в этом направлении через сопоставление статистических данных.

Основная часть

Проект введения всеобщего начального образования начал разрабатываться в Министерстве народного просвещения. Весной 1907 г. на рассмотрение Государственной думы было внесено министерское предложение о выделении на эти цели 5,5 млн руб. Согласно разработанному проекту казна должна выделять финансовые средства, а развитие школьной сети должно полностью находиться в ведении местного самоуправления. Для получения правительственного пособия местные власти должны представить на утверждение в Министерство народного просвещения проекты школьных сетей [1, с. 24].

Как таковой закон о введении всеобщего начального обучения Государственной думой не был принят, но ряд законодательных актов о выделении средств на расширение сети начальных учебных заведений свидетельствовал об активной работе правительства в этом направлении. Начало этому процессу положил закон от 3 мая 1908 г., согласно которому было выделено 6,9 млн руб. на “нужды начального образования”. Эти средства должны были распределяться в виде пособий земским и городским органам самоуправления, сельским обществам тех регионов, где “выясняется особый недостаток в училищах или в средствах на поддержание и дальнейшее расширение начального образования”. В законе оговаривалось, что правительственное пособие на содержание преподавателей начальных училищ должно составлять 390 руб. Кроме того, можно было получить единовременное пособие на строительство или оборудование училищ. На эти цели из общей суммы кредита отводился 1,9 млн руб. Правительство ставило только два условия. Во-первых, пособия должны выдаваться тем земствам, органам городского самоуправления, сельским обществам, которые примут на себя обязательство и дальше направлять освободившиеся средства на содержание начальных училищ, на строительство зданий для них, на выплату дополнительного содержания преподавателям и пр. Во-вторых, во всех начальных училищах, которые будут получать правительственные пособия, обучение должно быть бесплатным [2, с. 228–229].

Затем согласно закону от 22 июня 1909 г. при Министерстве народного просвещения был создан школьно-строительный фонд, из которого земства, городские общественные управления, волостные и сельские управления могли получить средства на строительство или покупку новых зданий для начальных учебных заведений, ремонт училищных зданий. Пособия выделялись только на те училища, которые находились в ведение Министерства народного просвещения и вошли в школьную сеть. Его размер был зафиксирован: 50% от общей сметы расходов. Причем на каждый комплект (из расчета 1 на 50 человек) максимальный размер пособия для каменной постройки составлял 2 000 руб., для деревянной или глинобитной – 1 500 руб. Если количество комплектов превышало два, то на каждый следующий комплект можно было дополнительно получить по 1 000 руб. Первоначально в распоряжение школьно-строительного фонда на эти цели был выделен 1 млн руб. [3, с. 582, 584].

На протяжении 1909–1913 гг. правительство продолжало увеличивать финансирование системы начального образования. В 1909 г. из казны было дополнительно выделено из средств казны 6 млн руб., которые должны были распределяться в виде пособий на основаниях, изложенных в законе от 3 мая 1908 г. Затем в 1910 г. был принят закон о выделении 10 млн руб., в 1911 г. – 7 млн руб., в 1912 г. – 8 млн руб., в 1913 г. – 10 млн руб. [3, с. 472; 4, с. 759–760; 5, с. 310; 6, с. 653; 7, с. 750–753].

Благодаря финансовой помощи со стороны правительства на местах развернулась активная деятельность по открытию новых начальных школ. Органы местного самоуправления белорусско-литовских губерний приступили к составлению проектов школьных сетей и финансовых планов, на основании которых можно было получить правительственное пособие. Эти документы служат основным источником для освещения процесса введения всеобщего начального образования на территории региона.

На основании анализа проектов школьных сетей можно утверждать, что органы местного самоуправления ориентировались на различные сроки окончательного введения всеобщего начального обучения. В среднем на это планировалось затратить около 10 лет. Такой срок был указан в постановлениях Брестской, Велижской, Витебской, Минской, Пинской городских дум и пр. [8, с. 51; 9, л. 168; 10, л. 138; 11, л. 6, 7; 12, л. 12]. Согласно проекту Могилевского губернского управления по делам земского хозяйства введение всеобщего начального обучения планировалось завершить к 1918 г., затратив на это 10 лет [13, с. 21].

Темпы реализации школьной сети так же были разными. Например, Витебский губернский комитет по делам земского хозяйства при составлении проекта школьной сети в 1909 г. внес в нее 611 министерских и 236 церковно-приходских школ, запланировал к открытию 1 540 комплектов. В 1909/1910 учебном году Управление по делам земского хозяйства планировало открыть 200 новых одноклассных школ, а затем ежегодно по 132 комплекта. Однако по требованию Министерства народного просвещения этот план был пересоставлен в сторону увеличения. В 1910 г. Витебскому управлению по делам земского хозяйства удалось получить правительственное пособие на открытие 332 училищ и 28 вторых комплектов, заручиться гарантией на получение пособия на открытие 132 училищ в 1911 г. Всего за 7 лет на территории Витебской губернии было открыто 615 училищ. После включения в школьную сеть церковно-приходских школ и 80 школ грамоты, преобразованных в церковно-приходские школы, с осени 1910 г. число правильно организованных начальных училищ в регионе достигло 1 262 [14, с. 34–37].

На территории Могилевской губернии в 1907 г. функционировало 705 одноклассных и двухклассных школ Министерства народного просвещения и Ведомства православного исповедания. По подсчетам Губернского комитета по делам земского хозяйства для введения всеобщего начального обучения в течение 10 лет требовалось увеличить число школ, минимум, в 5 раз, то есть ежегодно открывать по 282 начальные школы. Это было довольно затратно для Управления по делам земского хозяйства, поэтому до получения правительственного пособия было решено открыть 154 школы в арендованных помещениях [15, л. 14 об. – 15]. В 1910/1911 учебном году в Могилевской губернии планировалось открыть 106 начальных школ и 26 вторых комплектов [16, Журналы Комитета, с. 63, 70; Журналы комиссий, с. 116].

В Минской губернии по данным на 1914 г. ежегодно открывалось по 136 школ и 72 вторых комплекта. На местах планы школьной сети выполнялись

в полном объеме, кроме Пинского уезда. Там с 1913 г. по разрешению Министерства народного просвещения уездное земство открывало вместо 31 начальной школы – 11 (7 школ и 4 комплекта), что было обусловлено финансовыми сложностями в уезде. В целом к 1915 г. в Минской губернии должно было функционировать 137 школ и 340 комплектов [17, с. 21–22].

Минская городская дума, как видно из постановления от 27 мая 1913 г., планировала открыть в городе 52 школьных комплекта, из которых 2 уже функционировало. В 1913 г. к открытию было запланировано 9 комплектов, на протяжении 1914–1918 гг. – по 5 в год, на протяжении 1919–1922 гг. – по 4 в год [11, л. 6, 7]. Витебская городская дума согласно постановлению от 14 марта 1914 г. планировала открыть 54 школьных комплекта в течение 10 лет. На 1914–1919 гг. было запланировано ежегодное открытие 5 школьных комплектов, на 1920–1926 гг. – 6 [10, л. 138].

Как видно из делопроизводственных материалов, в ряде случаев в школьные сети включались и церковно-приходские школы. Например, это отражено в постановлениях Витебского губернского комитета по делам земского хозяйства, Минского уездного земского собрания, Двинской и Минской городских дум и пр. [14, с. 36–37; 18, с. 155, 157, 158; 19, л. 138, 140; 11, л. 6, 7].

На основании анализа финансовых планов можно сделать заключение о том, что главным источником финансирования при введении всеобщего начального обучения являлись единовременные и ежегодные пособия от правительства. Так, за 1907–1910 гг. Министерство народного просвещения выделило единовременно 97 250 руб. на оборудование 477 начальных училищ и 160 комплектов на территории Витебской губернии [подсчитано по: 14, с. 37]. Из материалов Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства видно, что на реализацию школьной сети в течение 10 лет требовалось до 2 млн руб. и отмечалось, что без правительственного пособия эти планы невозможно осуществить [15, л. 15]. При составлении сметы на 1910 г. на содержание 614 земских народных училищ, было внесено 184 200 руб. из земских средств и 239 850 руб. из средств Министерства народного просвещения. На содержание в течение четырех месяцев 106 земских училищ и 26 вторых комплектов, запланированных к открытию в 1910/11 учебном году, было внесено 12 514 руб. из земских средств и 17 610 руб. из министерских средств [16, Журналы Комитета, с. 63, 70; Журналы комиссий, с. 116]. В целом в течение 1908–1911 гг. Могилевское земство получило от казны 810 030 руб. [13, с. 21].

Отдельно нужно отметить ходатайства, которые органы местного самоуправления подготовили для получения субсидии на строительство собственных школьных зданий из школьно-строительного фонда. Например, соответствующие решения приняли в 1913 г. Минская городская дума и Речицкое собрание уполномоченных [11, л. 6, 7 об.; 20, л. 139, 142]. В 1913 г. Могилевское уездное земство получило от Министерства народного просвещения 18 000 руб. в качестве пособия и 10 800 руб. в качестве ссуды на школьно-строительные цели [21, с. 6, 169–170].

В отдельных случаях органы местного самоуправления из-за ограниченности своих бюджетных средств участвовали в реализации планов всеобщего начального обучения в ограниченном размере либо вообще отказывались от участия. Например, по подсчетам Лидского собрания уполномоченных, сделанным в 1914 г., выяснилось, что в городе нужно было открыть 10 училищ, на их оборудование требовалось 6 000 руб. Так как городской бюджет на 1914 г. составлен с дефицитом, то было решено ходатайствовать о пособии из сумм земского сбора

по Виленской губернии для введения всеобщего обучения [22, л. 7 об. – 8]. Собрание уполномоченных Дриссы вообще отказалось от участия в осуществлении плана всеобщего обучения в городе в связи с отсутствием средств [23, л. 53].

К сожалению, отсутствуют обобщающие данные Министерства народного просвещения, на основании которых можно было бы судить об успешности реализации планов всеобщего начального обучения на территории белорусско-литовских губерний. Однако примерную картину можно составить на основании анализа материалов, которые содержатся в “Статистических сведениях по начальному образованию в Российской империи” за 1905 г. и “Одnodневной переписи начальных школ в Империи, проведенной 18 января 1911 года”. В них можно выделить данные по тем типам школ, которые обычно включались в школьные сети.

По состоянию на 1905 г. на территории белорусско-литовских губерний функционировало 2 475 городских и сельских училищ, которые подчинялись Министерству народного просвещения. В них обучалось 188 865 человек. Если учесть начальные учебные заведения, которые подчинялись Синоду (школы грамоты и церковно-приходские школы), то общее количество начальных училищ составило 8 255, а количество учащихся – 391 194. Причем незадолго до начала введения всеобщего начального образования на территории белорусско-литовских губерний количественно доминировали начальные училища, находившиеся в ведении Синода: их число в 2,3 раза превосходило число министерских школ. В то же время количество обучавшихся было примерно равным – 202 329 и 188 865 соответственно [подсчитано по: 24, с. 128, 134, 300]. Но этих учебных заведений было недостаточно, чтобы обеспечить возможность получить качественное начальное образование всех детей младшего школьного возраста.

По мере реализации планов всеобщего начального обучения к началу 1911 г. на территории белорусско-литовских губерний насчитывалось 4 615 училищ, находившихся в подчинении Министерства народного просвещения. (В это число включены только те училища, которые можно по статусу приравнять к сельским и городским училищам, зафиксированным в “Статистических сведениях”: приходские школы по уставу 1828 г., министерские по закону 1875 г., городские начальные и народные училища.) С учетом церковно-приходских школ, которые обычно включались в школьные сети, общее количество начальных школ составило 7 104 [подсчитано по: 25, с. 38, 40].

На основании анализа этих материалов видно, что уже к 1911 г. число начальных училищ на территории региона возросло примерно 1,9 раз, хотя общее количество училищ сократилось. (Последнее объясняется тем, что при подсчете данных не учитывались школы грамоты, которых насчитывалось 1 479 и в которых обучалось 33 123 человека, так как они не включались в школьные сети, а если включались, то подлежали преобразованию в церковно-приходские школы.) Так же наблюдался процесс постепенного сокращения удельного веса начальных школ, подчинявшихся Ведомству православного исповедания: с 5 780 в 1905 г. до 3 968 в 1911 г. [подсчитано по: 24, с. 300; 25, с. 38, 40]. Что касается количества учащихся, то если в 1905 г. в учебных заведениях Министерства народного просвещения обучалось 188 865 человек, то в 1911 г. этот показатель достиг 308 067, то есть прирост составил около 63%. В то же время сокращалось количество учащихся в школах Синода. В 1905 г. число учеников составляло 202 329 человек, а в 1911 г. – 166 140 человек. Сокращение составило примерно 20% [подсчитано по: 24, с. 300; 25, с. 38, 40]. В целом в 1911 г. количество

начальных школ на территории белорусско-литовских губерний, которые могли быть включены в школьные сети и подчинялись Министерству народного просвещения или Синоду, составляло 7 104, а число учащихся в них – 441 084 [подсчитано по: 25, с. 38, 40].

На протяжении 1905–1911 гг. существенно трансформировалась структура доходов начальных учебных заведений. Наиболее ярко это видно при анализе источников содержания школ Министерства народного просвещения. По данным на 1905 г. общий доход 2 475 начальных училищ составил 1 891 898 руб., причем 855 871 руб. (45,2%) поступило из государственной казны, 486 839 руб. (25,7%) – от сельских и волостных обществ, 96 883 руб. (5,1%) – в виде пособий от городского самоуправления, 82 868 руб. (4,4%) – от управлений по делам земского хозяйства и из сумм земских сборов [подсчитано по: 24, с. 136–138]. Остальные средства получались за счет платы за обучение, частных пожертвований и пр. К 1911 г. произошло и количественное, и качественное изменение этих показателей. Так, общий доход 4 564 начальных учебных заведений (учтены те учебные заведения, которые предоставили сведения во время однодневной переписи 18 января) составил 3 600 212 руб., из которых от казны поступило 2 345 205 руб. (65%), от органов земского самоуправления и из средств земского сбора – 617 931 руб. (17,2%), от сельских и волостных обществ – 477 733 руб. (13,3%), от органов городского самоуправления – 103 403 руб. (2,9%) [подсчитано по: 25, с. 127, 128]. Приведенные данные свидетельствуют о резком увеличении расходов казны на содержание начальных учебных заведений Министерства народного просвещения (на 20%), а также о возросшем значении поступлений от органов земского самоуправления и из сумм земского сбора (примерно на 12%). В то же время сократились поступления от волостных и сельских обществ (примерно на 12%), а также от городского самоуправления (примерно на 3%). На этом основании можно сделать вывод о том, что основным источником финансирования начальных учебных заведений выступала казна. Это косвенно подтверждает успешность и масштабность работы правительства по введению всеобщего начального образования.

Заключение

В начале XX в. правительство Российской империи приступило к введению всеобщего начального образования. Органы местного самоуправления белорусско-литовских губерний приняли самое активное участие в составлении проектов школьных сетей и финансовых планов. Эта работа велась рассогласованно, поэтому в разных городах, уездах и губерниях указывались различные сроки окончательного введения всеобщего начального образования – от 1918 г. до 1925 г. Как показывает анализ законодательных актов, делопроизводственных материалов и статистических данных, именно государственная казна выступила главным источником финансирования столь масштабного социального проекта. Правительство выделяло значительные средства в распоряжение Министерства народного просвещения, которые затем в виде единовременных и ежегодных пособий и ссуд поступали в распоряжение органов местного самоуправления для открытия и содержания начальных школ. Конечно, их собственных средств было явно недостаточно для реализации этого замысла. Но именно органы местного самоуправления проводили всю необходимую организационную работу на местах. На основании анализа статистических данных отчетливо видна тенденция к увеличению числа начальных школ и учащихся в них, что подтверждает

эфектыўнасць работы в гэтым напрамку. Успешное проведение мероприятий по введению всеобщего начального обучения стало результатом взаимодействия Министерства народного просвещения и органов местного самоуправления, а также значительного финансирования со стороны правительства. К сожалению, Первая мировая война прервала реализацию этого социального проекта и помешала воспользоваться его результатами в полной мере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1907 год. – Минск : Паровая типо-лит. В. и И. Тасьман, 1908. – 14 с., 170 с.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 3. – СПб. : Гос. тип., 1885–1917. – Т. 28 : 1908. Отд-ние 1. От № 29944–31329 и дополнения. – 1911. – 1060 с., разд. паг.
3. ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб. : Гос. тип., 1885–1917. – Т. 29 : 1909. Отд-ние 1. От № 31330–32882 и дополнения. – 1911. – 1061 с., [1 с.], разд. паг.
4. ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб. : Гос. тип., 1885–1917. – Т. 30 : 1910. Отд-ние 1. От № 32883–34628 и дополнения. – 1913. – 1437 с., [1 с.], разд. паг.
5. ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб. : Гос. тип., 1885–1917. – Т. 31 : 1911. Отд-ние 1. От № 34629–36390 и дополнения. – 1914. – 1440 с., разд. паг.
6. ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб. : Гос. тип., 1885–1917. – Т. 32 : 1912. Отд-ние 1. От № 36391–38603 и дополнения. – 1915. – 1823 с., [1 с.], разд. паг.
7. ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб. : Гос. тип., 1885–1917. – Т. 33 : 1913. Отд-ние 1. От № 38604–40846 и дополнения. – 1916. – 1478 с., разд. паг.
8. Календарь-справочник г. Бреста на 1914 год / издание Я. М. Хмелевского. – Брест : Тип. Г. Кобринца, б/г. – 193 с., [1 с.].
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2508 (Витебское губернское по городским и земским делам присутствие). Оп. 1. Д. 5238. Доклады Велижской городской думе об утверждении таксы на хлеб, мясо и др.
10. НИАБ. – Ф. 2496 (Витебская городская управа). Оп. 1. Д. 679. Доклады Управы [Витебской] городской думе об укреплении набережной р. Зап. Двина и мощении улиц, о сдаче в аренду театра, устройстве купален, реорганизации пожарной помощи, об утверждении проекта школьной сети г. Витебска и [о] смете доходов и расходов на 1914 г., о ревизии городского банка и пр.
11. НИАБ. – Ф. 24 (Минская городская дума). Оп. 1. Д. 3651. Журналы заседаний Думы.
12. НИАБ. – Ф. 712 (Пинская городская дума). Оп. 1. Д. 179. Проект закона о введении всеобщего начального обучения; протоколы заседаний думы.
13. Краткий обзор деятельности земского управления Могилевской губернии за 1903–1911 годы. – Могилев губ. : Губ. тип., 1911. – 31 с., [1 с.].
14. Краткий обзор деятельности Управления по делам земского хозяйства Витебской губернии за 1903–1910 г. / сост. Н. Г. Матвеев. – Витебск : Типо-лит. Подземского, 1910. – 2 с., 122 с.
15. НИАБ. – Ф. 2079 (Могилевская губернская управа по делам земского хозяйства). Оп. 1. Д. 65. Дело об открытии и содержании народных училищ. Списки начальных народных училищ и школ грамоты, преобразованных в церковно-приходские.
16. Журналы годового собрания Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства. (Сентябрьская сессия 1909 г.). – Могилев губ. : Тип. Ш. А. Фридланда, 1910. – 64 с., 114 с., 131 с., [1 с.], разд. паг.
17. Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлетии. – Б/м, б/г. – 105 с., [1 с.].
18. Минское уездное земство. Третий год. (1913–1914). Доклады и сметы Уездной земской управы и постановления Уездного земского собрания. – Минск : Электро-тип. Я. А. Гринблата, 1914. – VI с., 229 с., [1 с.], [2 с.], 117 с., [1 с.], разд. паг.

19. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5470. Доклады Двинской городской управы о предоставлении помещений для женской профессиональной школы, о постройке городского банка и пр.
20. НИАБ. – Ф. 22 (Минское губернское по земским и городским делам присутствие). Оп. 1. Д. 1102. Журналы заседаний Собрания уполномоченных Речицкого городского общественного управления.
21. [Журналы второго чрезвычайного Могилевского уездного земского собрания. Доклады, внесенные Управой на рассмотрение Собрания]. – Без тит. л. – V с., [1 с.], XII с., 198 с.
22. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1574 (Лидское городское упрощенное общественное управление). Оп. 3. Д. 6. Книга приговоров Собрания уполномоченных г. Лиды [за 1914 г.].
23. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5777. Постановления Дриссенского собрания городских уполномоченных за 1914 г.
24. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи: [в 7 вып.] / Мин-во нар. просвещения. – СПб. : Тов-во “Печатня С. П. Яковлева” ; Одесса : Тип. Е. И. Фесенко, 1898–1908. – Вып. 7 : Данные 1905 года / ред. В. И. Фармаковский и А. А. Шапеллон. – 1908. – [II с.], LXXXIII с., [1 с.], 312 с., разд. паг.
25. Однодневная перепись начальных школ в Империи, проведенная 18 января 1911 года : [в 16 вып.] / под ред. В. И. Покровского. – Санкт-Петербург : Тип. Тов-ва “Екатерингофское Печатное Дело”, 1913–1916. – Вып. 8: Виленский Учебный Округ. Губернии: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская. – 1914. – 26 с., 132 с.

Поступила в редакцию 15.01.2015 г.

Контакты: n.s.motorova@yandex.ru (Моторова Надежда Сергеевна)

Motorova N.S. LOCAL GOVERNMENT PARTICIPATION IN THE IMPLEMENTATION OF THE PLANS OF GENERAL PRIMARY EDUCATION ON THE TERRITORY OF BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.

The article highlights the insufficiently explored issue of local government participation in the implementation of the plans to introduce general primary education on the territory of Belarusian-Lithuanian provinces at the beginning of the XX century. The legislative acts urging the spread of primary schools are thoroughly analysed. The records of the local government have been studied to reveal their share of participation in the introduction of general primary education. The comparison of the statistic data enables to evaluate the effectiveness of local government activities of the mentioned kind.

Key words: local government bodies, Belarusian-Lithuanian provinces, universal primary education, schools.

УДК 94 (476) "1917"

СОЗДАНИЕ ДВУХПАРТИЙНОГО БЛОКА БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

А. С. Смоловский

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается проблема создания двухпартийного блока большевиков и левых эсеров. Анализируется процесс зарождения и образования Всероссийской партии социалистов-революционеров, описывается обособление ее левого крыла и организационное оформление партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) в течение 1917 г. Раскрывается совместное участие партии левых эсеров и большевиков в создании и деятельности Облискомзапа, Совнаркома в период работы Всероссийского Учредительного собрания и Всебелорусского съезда. Изучаются принципы формирования и механизмы функционирования центральных и региональных структур ПЛСР.

Ключевые слова: левые эсеры, большевики, эсеры, Советы, Облискомзап, Совнарком, Учредительное собрание, Всебелорусский съезд.

Введение

В настоящее время в белорусской историографии активно разрабатывается проблема деятельности белорусских национальных партий: выходят статьи, монографии, издаются программные документы. Это, безусловно, является положительной тенденцией, ведь изучение названной проблематики является одним из важнейших компонентов, которые способствуют осмыслению феномена белорусского национального возрождения в XX ст. Однако, при этом, надо иметь в виду, что на территории Беларуси действовали и общероссийские партии. В 1917–1918 гг. именно они занимали основное политическое пространство страны, вели борьбу за власть на местах, пользовались поддержкой большинства граждан.

Современная политическая ситуация в России и Беларуси достаточно сложна и многогранна. Оценки ее порой противоположны, выводы, которые делаются после политических событий, не всегда соответствуют реальной действительности. Более 120 общероссийских и национальных партий и движений, около 4000 общественных организаций, включились в активную общественную и политическую жизнь, предлагают свои пути развития. Самое важное в этой ситуации – достижение соглашения между ними, умение находить компромиссные решения. Для этого особое значение имеют события в России и на территории Беларуси в 1917–1920 гг., связанные с образованием правительственного блока между большевиками и левыми эсерами

Основная часть

Одной из первых организационно оформленных политических партий России явилась Всероссийская партия социалистов-революционеров (ВПСР). Партия социалистов-революционеров (эсеров) являлась самой многочисленной политической партией, которая существовала на территории России в начале XX ст. Большая численность членов ВПСР была обусловлена самой широкой социаль-

ной базой, на которую опиралась эта партия – крестьянством. В начале XX в. крестьянство составляло 4/5 населения России, поэтому партия эсеров и была самой многочисленной.

Одним из центров, где создавалась эсеровская партия, была Беларусь, известная народническими традициями. В революционной деятельности в белорусских губерниях участвовали известные народники С. Озерский, А. Бонч-Осмоловский, К. Судилковский, Е. Гальперин, Е. Хургин, И. Лукашевич и др.

Единство партии эсеров было достаточно условным, оно подверглось испытанию еще в ходе российской революции 1905–1907-х гг., что привело к расколу единой партии эсеров и к формированию нескольких течений в партии. Так, левое крыло, образовавшееся в октябре 1906 г. Союз социалистов-революционеров-максималистов, выступало за немедленную подготовку вооруженного переворота, введение социализации земли, предприятий. Основной формой борьбы они считали террор. Правое крыло явилось ядром Народно-социалистической партии (партии энесов). Ее лидеры А. Пешехонов, В. Мякотин, Н. Анненский выступали за эволюционное развитие страны, постепенные реформы, не признавая тактики террора, вооруженного восстания. Центральному же крылу удалось сохранить название партии, получившее ее на момент образования – ВПСР, вокруг которой, на основе принятой программы объединилось большинство эсеровских организаций [1, с. 194–196].

Постепенно в ВПСР усиливаются позиции левого крыла – левых эсеров. В марте 1917 г. группа членов левого крыла объединилась вокруг Северного областного комитета, во главе которого стояли М.А. Спиридонова, М.А. Натансон, Б.Д. Камков, В.А. Карелин и др. Постепенно левые эсеры от оппозиции по вопросам войны и мира переходят к открытой критике политики ЦК партии. В связи с этим левые эсеры начинают выступать против войны, поддержки Временного правительства, за немедленный созыв Учредительного собрания и разрешения аграрного вопроса путем передачи земли крестьянам на основе уравнительного землепользования [2, с. 156].

Октябрьский вооруженный переворот привел к окончательному расколу ВПСР на две части: правых и левых. Руководство партии правых эсеров продолжало курс на создание парламентской республики, выступая за созыв Учредительного собрания и передачи ему всей полноты власти. Левые эсеры же поддерживали большевиков и стали их союзниками, правда, сомнения левых эсеров продолжались, так как они еще не решались на организационный разрыв с правыми эсерами.

После этих событий левые эсеры решили создать самостоятельную организацию. 19 ноября 1917 г. было образовано центральное бюро левых эсеров, а 20 ноября открылся I съезд партии, который положил начало официальному существованию новой партии, принявшей название Всероссийской партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) или ВПЛСР(и). Председателем президиума ЦК партии был избран М. Натансон, позднее Б. Камков. Печатным органом партии стала газета “Знамя труда”. Лидерами партии стали, бывшие террористы-политкакторжане П. Прошьян, А. Биценко, И. Каховская, М. Спиридонова и др. [3, с. 65].

После съезда развернулось оформление организаций левых эсеров на местах. Правда, в этом отношении были трудности, и поэтому неслучайно член ЦК ПЛСР В.А. Карелин отмечал, что во многих городских центрах организационное разделение правых и левых эсеров произошло лишь в январе 1918 г. [4, с. 178]. Так, например, лишь 3 января 1918 г. могилевскими эсерами обсуждался вопрос

о создании в Могилеве организации левых эсеров. В результате было решено созвать 4 января в Могилеве конференцию левых эсеров Могилевской губернии [5, л. 2].

В ноябре 1917 г. между большевиками и левыми эсерами проходили переговоры об участии представителей ПЛСР в составе Совета Народных Комиссаров (Совнаркома, СНК). Результатом их явилось вхождение 7 левых эсеров в состав советского правительства. Одновременно по всей территории России, где была установлена Советская власть, начался процесс вхождения левых эсеров в местные исполнительные органы, военно-революционные комитеты (ВРК), причем, иногда левые эсеры составляли в них большинство [6, с. 26]. Линию на коалицию с большевиками поддержал I съезд ПЛСР (19–28 ноября 1917 г.), подчеркнув при этом особую роль партии как посредника между большевиками и прочими социалистами [7, с. 163–165].

Сотрудничество существовало не только на центральном уровне, но и в регионах, в частности, в белорусских губерниях. 26 ноября 1917 г. исполнительные комитеты III съезда Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний и областного съезда Советов, которые состоялись соответственно 20 и 19–21 ноября, и фронтовой комитет Западного фронта, избранный на II фронтовом съезде Советов, проходившем 20–24 ноября, объединились в единый исполнительный орган – Областной исполнительный комитет Западной области и фронта (Облискомзап) [8, с. 57]. На прошедших съездах Советов подчеркивалась необходимость создания коалиции большевиков и левых эсеров. В резолюции III съезда Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний по выборам в Учредительное собрание отмечалось, что “левые эсеры и большевики одни только и могут быть признаны стойкими борцами за народные права” [9, с. 3]. II съезд солдатских депутатов Западного фронта 22 ноября одобрил резолюцию в поддержку действий большевиков и одновременно осудил прочие партии, изменившие, по мнению делегатов съезда, делу революции: “Бегство всех партий, за исключением левых эсеров, со второго съезда Советов, когда восставший народ громил твердыни коалиционной власти, явилось неслыханным преступление перед трудовыми массами народа и перед русской революцией” [10, с. 3].

Первый состав Облискомзапа был построен по следующему принципу: 100 человек от Фронтового комитета, 35 – от Исполнительного комитета Областного съезда, 35 – от Исполнительного комитета Крестьянского съезда, 11 – от профсоюзов, 4 – от железнодорожного союза, 2 – от почтово-телеграфного союза [11, л. 73]. Орган власти был укомплектован не полностью. Почтово-телеграфный союз, Союзы рабочих и служащих Александровской и Либаво-Роменской железных дорог, а также большинство правлений профсоюзов, входящих в Центральное бюро профсоюзов, отказались послать своих представителей в Облискомзап. Не полностью была укомплектована и квота Исполкома съезда Советов Западной области, так как съезд оставил 18 мест вакантными для вновь создаваемых Советов. Таким образом, первоначально в состав Облискомзапа вошли 113 большевиков, 24 левых эсера, 6 правых эсеров, 4 меньшевика, 3 меньшевика-интернационалиста, 2 поалей-циониста. В этом составе абсолютный перевес был у большевистской фракции фронтового комитета Западного фронта, насчитывавшей 80 человек, которая могла проводить любые решения своими голосами [12, с. 1; 13, с. 61–64].

26 ноября 1917 г. был объявлен состав президиума Облискомзапа: 4 большевика (в том числе представитель М.В. Рогозинский), 1 левый эсер – товарищ

(заместитель) председателя П.И. Козлов. Из 13 отделов Исполнительного комитета, которые были объединены в СНК, 10 возглавили большевики, левый эсер Н.М. Дайнеко стал комиссаром земледелия, а ведомства почты и железной дороги оставили за соответствующими профессиональными союзами [14, л. 73].

Один из лидеров Западной областной организации ПЛСР П. Иров, приветствуя вхождение левых эсеров в состав Совнаркома, отмечал, что, хотя левые эсеры и расходятся с большевиками в некоторых вопросах, но “партия левых социалистов-революционеров одинаково смотрит с ними на главнейшее – на сущность настоящей революции и на роль Советов в ней”. Далее он отмечал: “Усиление представительства в правительстве левых эсеров должно повлечь за собой выпрямление линии деятельности этого правительства и придание ему большей авторитетности” [15, с. 1]. Свое стремление к заключению тесного союза с большевиками левоэсеровские организации Беларуси подтвердили отказом поддержать единый эсеровский список на выборах в Учредительное собрание, что означало косвенную поддержку списка большевиков [8, с. 1–2].

В начале декабря 1917 г. между большевиками и левыми эсерами состоялись переговоры о дальнейшем формировании Совнаркома Западной области и фронта, которые проходили на заседаниях как Облискомзапа, так и фракции большевиков с участием представителей левых эсеров. Члены ПЛСР, ссылаясь на свое значительное представительство в Облискомзапе, где они имели 24 места, требовали передать им дополнительно два-три отдела: почт и телеграфа, железной дороги, а также юстиции либо просвещения. При этом на должность комиссара почт и телеграфов они выдвигали П.И. Козлова, а железной дороги Анисимова. Большевики после некоторой дискуссии согласились передать левым эсерам отдел почт и телеграфа, но затем передумали и, оставив за своими союзниками отдел земледелия, выделили им также место комиссара общественного призрения (социального обеспечения) [16, с. 353–354, 359]. Такое решение было единогласно принято и проведено 3 декабря на очередном пленарном заседании Облискомзапа. Комиссаром общественного призрения стал В.Л. Муха, левый эсер, белорус по национальности [16, с. 364].

Количество мест, выделенных левым эсерам в Совнаркоме, оставалось неизменным вплоть до эвакуации советских учреждений из Минска в феврале 1918 г. Произошли только определенные персональные перестановки. П.И. Козлов был назначен комиссаром народного хозяйства [17, л. 15]. Товарищем председателя Облискомзапа стал П. Иров, заместитель руководителя Западной организации ПЛСР [18, с. 3]. На должности комиссара общественного призрения Муху сменил Смирнов, а потом исполняющим обязанности комиссара стал Котляревский, также левый эсер [11, л. 19].

Организации левых эсеров в Беларуси были заинтересованы в союзе с большевиками. Он давал возможность Западной областной организации ПЛСР ускорить процесс партийного строительства, опираясь на ресурсы исполнительных советских органов. В Могилевской губернии под руководством Е. Журавлева левым эсерам удалось добиться определенных успехов, и уже в октябре-ноябре 1917 г. в ряде уездных и городских Советов, например Гомельском, левоэсеровские фракции были сплоченными и по численности уступали только большевикам. В Гомеле, по сообщению Полесского комитета Российской социал-демократической рабочей партии большевиков (РСДРП(б)), в конце 1917 г. сложился блок большевиков и левых эсеров, что позволило добиться большинства в Совете и создать из представителей двух партий “комитет революционной охраны”

[19, сб. 1, с. 412–413]. К началу 1918 г. большинство местных организаций партий признало руководство ЦК ПЛСР, и 14 декабря М.Л. Гольман, относивший себя к эсерам центра, но затем эволюционировавший влево, стал председателем Могилевского губернского исполкома [20, с. 42]. В ряде уездов и городов левые эсеры стояли во главе советских органов власти. В ноябре 1917 г. член ПЛСР Эйделькин возглавил Оршанский Совет [21, с. 186].

Более сложное положение было у Витебской организации ПЛСР. К ноябрю 1917 г. левых эсеров, которых возглавлял С.И. Левин, насчитывалось всего 30–40 человек, в то время как местная организация правых эсеров объединяла 2673 члена [21, с. 155]. На помощь союзникам пришли большевики, оказав им финансовую и организационную поддержку. Местная организация РСДРП(б) способствовала созданию левоэсеровской боевой дружины, которая в начале 1918 г. насчитывала уже 200 человек [22, с. 352–354]. На Витебском губернском съезде Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов (11–18 декабря 1917 г.) левые эсеры заявили о поддержке большевиков, и, несмотря на то, что только шесть их представителей были избраны в губернский Совет, С. Сапунов, один из лидеров местной организации ПЛСР, стал товарищем (заместителем) председателя президиума Совета [20, с. 42].

В Минске большевики также способствовали развитию партийной структуры ПЛСР. 2 января 1918 г. после закрытия органа местной организации ПСР “Новый Социалист-Революционер” решением Облискомзапа весь шрифт газеты и типография были переданы комитету ПЛСР [17, л. 1].

Прочность позиций большевиков в Беларуси и на Западном фронте подтвердили итоги выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. По трем белорусским округам и избирательному округу Западного фронта в Учредительное собрание, согласно уточненным данным, прошли 30 большевиков, 22 эсера, 2 представителя еврейского избирательного комитета (“Фольксспартей” и “внепартийный демократический комитет”) и 2 представителя украинских эсеров и социал-демократов [23, с. 3–6]. При этом большевики одержали победу во всех округах, кроме Могилевского, где победили эсеры. Следует отметить, что результаты выборов в Беларуси значительно отличались от общероссийских. В целом по России большевики набрали только 25% голосов, а два белорусских округа оказались среди девяти, где большевики одержали победу [24, с. 115–138, 140–142].

Общероссийские результаты выборов в Учредительное собрание способствовали изменению позиций ряда политических партий по отношению к Советской власти. IV съезд эсеров (26 ноября – 5 декабря 1917 г.) принял решение избегать конфликтов с большевиками до созыва Учредительного собрания, на котором правые эсеры рассчитывали оказать давление на руководство РСДРП(б) и сформировать новое правительство (25, с. 156–157).

Специфика политической ситуации в Беларуси заключалась в том, что в конце 1917 г. значительная часть ее политической элиты находилась в Петрограде. Многочисленные всероссийские съезды Советов, конференции, другие форумы требовали присутствия в столице делегатов от края. Это, однако, не означало, что они самоустраивались от активного участия в жизни Беларуси. Именно из числа этих делегатов был сформирован Белорусский областной комитет при Всероссийском съезде крестьянских депутатов (БОК). Распространено мнение, что БОК был организацией “левоэсеровской” [26, с. 25]. Действительно, левые эсеры играли значительную роль в БОК, тем не менее, во главе организации

стоял народный социалист Е.С. Канчер, хотя сам он позже утверждал, что являлся в 1917 г. большевиком. Ввиду этого, БОК можно охарактеризовать, скорее, как организацию левонародническую.

В среде БОК не было однозначной позиции в отношении белорусского национально-демократического движения. Е.С. Канчер, Д.М. Соболевский, Е.А. Кюссе-Тюз в принципе были не против сотрудничества с Великой Белорусской радой (ВБР), Центральной Белорусской войсковой радой (ЦБВР) и Белорусской социалистической громадой (БСГ), но левые эсеры М.Л. Гольман и В.С. Селиванов враждебно относились к подобному сотрудничеству [27, с. 140]. 24 ноября 1917 г. в Петрограде между БОК и представителями ВБР И.Я. Воронко и И.И. Мамонько было достигнуто соглашение, суть которого сводилась к разделению ответственности за созыв Всебелорусского съезда, где БОК брал на себя обеспечение поддержки созыва съезда со стороны Советской власти и финансовое субсидирование, а ВБР отвечала за представительство на съезде белорусских организаций. [28, л. 1]. Однако прийти к окончательному компромиссу “областникам” и “радовцам” не удалось. Съезд был ознаменован борьбой между представителями ВБР и БОК.

Неоднозначно складывались отношения БОК с Облискомзапом. Руководители БОК, не отрицая необходимости коалиции большевиков и левых эсеров, неприязненно относились к лидерам Северо-Западной областной организации РСДРП(б), считая их “узурпаторами”, захватившими власть в крае, опираясь на ресурсы Западного фронта. Непосредственно перед созывом Всебелорусского съезда в БОК обсуждалась возможность отстранения Облискомзапа от властных рычагов [29, л. 2].

Облискомзап и Северо-Западный областной комитет РСДРП(б), ясно понимая угрозу своей власти, определили четкую тактику, направленную на срыв Всебелорусского съезда. Руководство Западной области и фронта пыталось использовать “левое течение съезда” для обструкции остальных делегатов. Главкомандующий Западным фронтом А.Ф. Мясников направил лидером большевистско-левоэсеровской части съезда следующую телеграмму: “Сообщите товарищам, чтобы на съезде белорусов Рады, они произвели переворот умов, раскол и выяснили буржуазность ее. Это требуется” [30, с. 202]. Согласно сохранившейся части анкет участников съезда, из 1872 делегатов насчитывалось 367 представителей социалистических партий, профсоюзных организаций, из которых большевики составили 33 делегата, левые эсеры – 57, а сочувствующие эсерам и большевикам – также 57 [31, с. 202]. Фракция “левого течения съезда” объединяла 118 делегатов [32, с. 361]. В состав фракции входили большевики, левые эсеры, представители левого течения БСГ, “левые социал-демократы” и анархисты [33, л. 14–17]. О влиянии фракции на съезд может говорить тот факт, что принятая фракцией “Резолюция о власти” впоследствии практически полностью вошла в соответствующие пункты итоговой резолюции съезда [28, л. 10–11]. Однако, “левые”, отстаивая принципы Советской власти, отказывались признать Облискомзап легитимным органом.

Облискомзап не мог терпеть конкурентов и отреагировал быстро. Еще в ходе чтения резолюции в зал вошел комиссар по военным делам Облискомзапа М.И. Кривошеин и объявил о роспуске съезда. Голосование по резолюции проходило уже в момент разгона и было единогласным. М.И. Кривошеин и его вооруженная охрана задержали 27 участников съезда [34, с. 4]. Большевики максимально использовали ситуацию с разгоном Всебелорусского съезда для

ослабления своих политических противников и укрепления собственной власти в крае.

Следует отметить двойственную позицию, которую заняли по отношению к разгону съезда левые эсеры. Ф.М. Короткевич в значительной степени способствовал разгону съезда, сообщив К.И. Ландеру, что “наши дела ненадежны: военная секция постановила объявить Белорусскую демократическую республику” [35, л. 24–26]. В то же время, ряд левых эсеров (Г.М. Островский, З. Юрьева и др.) оказался в числе арестованных делегатов съезда. Несогласованность позиций левых эсеров в отношении тактики на Всебелорусском съезде объясняется тем, что Западная областная организация ПЛСР находилась в стадии формирования. Учредительная конференция левых эсеров Западной области и фронта прошла только 30 декабря 1917 г.

Вскоре после разгона Всебелорусского съезда произошли события, повлиявшие на развитие политической ситуации в России в целом. 5 января 1918 г. в Петрограде после одного дня работы большевиками было разогнано Учредительное собрание, за созыв которого боролась вся демократическая общественность России на протяжении 1917 г. Левые эсеры, хотя и с колебаниями, но поддержали эту акцию большевиков. Их фракция, вслед за большевиками покинула заседание Учредительного собрания [36, с. 96]. 10 января 1918 г. представитель левых эсеров в Гомельской городской думе Бахтин заявил: “Учредительное Собрание, проявившее сразу оппозицию Совету Народных Комиссаров, должно было быть распущено” [37, с. 4].

Разгон Учредительного собрания способствовал консолидации политических партий, выступавших в качестве оппозиции большевикам и левым эсерам. Однако возможность протеста с их стороны была ограничена. Еще до созыва Учредительного собрания 3 января 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) принял постановление “О признании контрреволюционных попыток со стороны кого-либо или каких-либо учреждений присвоить себе функции государственной власти”, согласно которому “всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами вплоть до применения вооруженной силы” [38, т. 1, с. 323–324]. Несмотря на столь грозные предупреждения, по всей России, в том числе и по белорусским губерниям, прокатилась волна протестов.

Разгон большевиками Всероссийского Учредительного собрания, а также волна негодования со стороны большинства политических партий, явившаяся ответом на этот акт политического насилия, явились важными индикаторами состояния политической жизни революционной России вообще и Беларуси в частности. Во-первых, стало ясно, что декларации руководство РСДРП(б) о временном характере сформированного им правительства более несостоятельны, и большевики взяли власть всерьез и надолго. Во-вторых, они, взяв эту власть, не намерены передавать ее кому бы то ни было и готовы в своей решимости идти на любые шаги вплоть до силовых. В-третьих, политическое сообщество, в том числе и революционно-демократические партии, оказалось окончательно расколото на два лагеря: сторонников Советов и приверженцев парламентской демократии, а именно Учредительного собрания. Причем если к первым относились по преимуществу большевики и находившиеся с ними в союзе левые эсеры, контролировавшие основные рычаги власти государственного управления, то ко вторым – подавляющая часть политических партий, опиравшихся, как это продемонстрировали итоги выборов по России, на народную

поддержку. Вопрос о возможности коалиции между революционно-демократическими партиями, от большевиков до народных социалистов включительно, временно был снят. Существенно сокращался ресурс легального разрешения возникших политических противоречий. Был сделан решительный шаг к развязыванию гражданской войны, и пройден первый этап на пути к установлению однопартийной системы.

Заключение

Создание двухпартийного блока большевиков и левых эсеров было взаимовыгодно для обеих партий. Партия левых эсеров, войдя в исполнительные советские органы власти, получила соответствующую организационную, финансовую и иную поддержку, крайне необходимую ей для развития партийных структур. Большевики же накануне созыва Учредительного собрания получили важного союзника, имеющего влияние среди крестьянских масс. Кроме того, и это самое важное, они сумели расколоть партийные ряды своего главного политического противника – эсеров, одержавших победу на выборах в Учредительное собрание в целом по России. В Беларуси, где у большевиков были достаточно прочные позиции, их блок с левыми эсерами не имел для Северо-Западного комитета РСДРП(б) принципиального значения и отражал, скорее, общероссийскую политическую конъюнктуру. Однако, местные большевики все же сумели извлечь максимальную политическую выгоду из этого союза. Признание левыми эсерами правомочности трех съездов Советов, сформировавших Облкомзап, значительно укрепило легитимность новых органов Советской власти в Западной области и на фронте, способствуя, тем самым, росту влияния большевистской партии на широкие слои населения Беларуси.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

БОК – Белорусский областной комитет при Всероссийском съезде крестьянских депутатов

БСГ – Белорусская социалистическая громада

ВПЛСР(и) – Всероссийская партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов)

ВПСР – Всероссийская партия социалистов-революционеров

ВРК – Военно-революционный комитет

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

Облкомзап – Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта

ПЛСР – Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов)

ПСР – Партия социалистов-революционеров

РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков

СНК, Совнарком – Совет Народных Комиссаров

ЦК – Центральный комитет

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 3 гісторыі палітычных партый / пад рэд. У. К. Коршука. – Мінск : Згода, 1993. – 264 с.
- Гусев, К. В. От соглашательства к контрреволюции: очерки политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров / К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. – Москва : Мысль, 1968. – 448 с.
- Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. – Москва : ВЦИК Советов Р., С., К. и К. депутатов, 1918. – 48 с.

4. **Гусев, К. В.** Крах левых эсеров / К. В. Гусев. – Москва : Соцэкгиз, 1963. – 259 с.
5. Материал о левоэсеровских восстаниях // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60-п. Оп. 2. Д. 226.
6. **Агурскі, С.** Роля дробнабуржуазных партый на Беларусі ў Кастрычніцкай рэвалюцыі / С. Агурскі // Большэвік Беларусі. – 1927. – № 6. – С. 45–49.
7. Белорусская Рада и поляки // Минский голос. – 1918. – 26 (13) апреля. – С. 2.
8. **Кнорин, В.** 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте / В. Кнорин. – Минск, 1925. – 16 с.
9. Крестьянский съезд Минской и Виленской губерний // Звезда. – 1917. – 23 ноября. – С. 1–3.
10. Фронтной съезд. Заседание 23 ноября // Звезда. – 1917. – 25 ноября. – С. 3.
11. Докладная записка о мероприятиях в армии. Протоколы заседаний бюро исполнительного комитета съезда солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Западного фронта // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35-п. Оп. 1. Д. 76.
12. В областном Исполнительном комитете Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта // Советская правда. – 1917. – 5 декабря. – С. 1.
13. **Киржниц, А.** Сто дней Советской власти в Белоруссии / А. Киржниц // Пролетарская революция. – 1928. – № 3. – С. 61–130.
14. Приказ по войскам Горецкого гарнизона, копии телеграмм и донесений о положении на Западном фронте // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35-п. Оп. 1. Д. 68.
15. **Иров, П.** У Рубикона / П. Иров // Советская правда. – 1917. – 13 (26) декабря. – С. 1.
16. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: документы и материалы. – Минск : Беларусь, 1957. – Т. 2. – 359 с.
17. Копии протоколов Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35-п. Оп. 1. Д. 60.
18. В областном Исполнительном комитете Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта // Советская правда. – 1918. – 31 января. – С. 3.
19. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 – февраль 1918 г.) : сборник документов. – Москва : Наука и техника, 1957. – 276 с.
20. История рабочего класса Белорусской ССР : в 4 т. – Минск : Наука и техника, 1985. – Т. 2. – 448 с.
21. **Ліпецкі, Э. А.** Аршанская арганізацыя эсэраў / Э. А. Ліпецкі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. энцыкл. ; прадм. М. Ткачова ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭН, 1993 – працягв. – Т. 1 : А – Беліца / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.], 1993. – С. 186.
22. Партия левых социалистов-революционеров : материалы и документы. 1917–1925 гг. – Т. 1 : Июль 1917 г. – май 1918 г. / сост. Я. В. Леонтьев. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 864 с.
23. **Урбанович, А. А.** К вопросу о составе членов Учредительного собрания от Белоруссии и Западного фронта / А. А. Урбанович // Веснік БДУ. Сер. 3, Гіст. Філас. Псіхал. Паліт. Экан. Права. – 1993. – № 1. – С. 3–6.
24. Всероссийское Учредительное собрание / подг. к печ. И. С. Малчевский. – Москва–Ленинград : Госиздат, 1930. – 217 с.
25. **Ліпецкі, Э. А.** Узаемаадносіны эсэраўскай фракцыі Устаноўчага сходу з Усебеларускім кангрэсам у 1917 г. / Э. А. Ліпецкі. – Тэзісы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі “Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы” 1–2 снежня 1993 г. : у 2 ч. – Мінск, 1993. – Ч. 1. – С. 155–157.
26. **Ладысеў, У. Ф.** На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 1999. – 127 с.

27. **Канчер, Е. С.** Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов / Е. С. Канчер // Неман. – 1993. – № 1. – С. 136–167.
28. Пастанова Беларускага абласнога камітэта пры Усерасійскім Савеце сялянскіх дэпутатаў ад 24 лістапада 1917 г. Аб скліканні Усебеларускага з'езда і спіс членаў левай плыні // Національний архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 325. Оп. 1. Д. 1.
29. **Канчер, Е. С.** О подготовке и проведении в декабре 1917 г. Всебелорусского съезда. Воспоминания // Національний архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 311. Оп. 4. Д. 31.
30. Тайные документы // Белорусская земля. – 1918. – 1 марта. – С. 4.
31. **Скалабан, В.** “Хай ведаюць патомкі ...”: Алесь Гарун – дэлегат і гісторык Усебеларускага з'езда 1917 г. / В. Скалабан // Роднае слова. – 1997. – № 8. – С. 195–207.
32. **Игнатенко, И. М.** Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск : Министерство БССР, 1962. – 498 с.
33. Материалы о белорусских националистических организациях (1917–1924) // Національний архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60-п. Оп. 3. Д. 749.
34. Разгон у ноч з 17 на 18 снежня Усебеларускага з'езду // Вольная Беларусь. – 1917. – 21 снежня. – С. 4.
35. Дакументы аб рабоце I Усебеларускага з'езда ў Мінску, вайсковай секцыі з'езда I і II-ой сесіі Цэнтральнай беларускай вайсковай рады (пратакты, рэзалюцыі, спісы, артыкулы, падборка матэрыялаў прэсы) // Національний архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 325. Оп. 1. Д. 6.
36. Всероссийское Учредительное собрание: первый и единственный день его занятий (5–6 января 1918 года) : (Перепеч. стеногр. отчета, изд. по распоряжению председателя Учредительного собрания). – Репринт. воспроизведение изд. 1918 г. – Киев : Абрис, 1991. – XVI. – 99 с.
37. Новус. Из залы думы (Впечатления) // Голос народа. – 1918. – 12 января. – С. 4.
38. Декреты Советской власти : сборник : в 13 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР, Акад. наук СССР. – Москва : Политиздат, 1957–1989. – Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 1957. – XII. – 626 с.

Поступила в редакцию 04.02.2015 г.

Контакты: alex-mail-co2013@yandex.by (Смоловский Александр Сергеевич)

Smolovski A.S. THE CREATION OF A TWO-PARTY BLOCK OF THE BOLSHEVIKS AND LEFT SOCIALIST REVOLUTIONARIES

The article deals with the creation of a two-party block of the Bolsheviks and Left Socialist Revolutionaries. It analyses the formation of the All-Russian Socialist Revolutionary Party, describes the isolation of its left wing and gives the description of the Left Socialist Revolutionaries (PLSR) institutionalization during 1917. In the article the author reveals common participation of the Left Socialist Revolutionaries and the Bolsheviks in the establishment and activity of Obliskomzap, the Council of People's Commissars during the period of the All-Russian Constituent Assembly and the All-Belarusian Congress work. It also investigates the principles of the formation and functioning of the central and regional structures of the PLSR.

Key words: Left Socialist Revolutionaries, Bolsheviks, Socialist Revolutionaries, Obliskomzap, the Council of People's Commissars, the Constituent Assembly, the All-Belarusian Congress.

УДК 94 (476) “1915/1917”

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ И РЕМОНТНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА И ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ГОРОДОВ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ (1915–1917 гг.)

В. В. Василенко

магистр исторических наук

Климовичский государственный аграрный колледж

В статье изучается деятельность Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (ВСГ) в белорусских губерниях на Западном фронте в 1915 – 1917 гг. На примере новых, ранее не публикуемых источников рассматривается деятельность союзов по организации строительных и ремонтных работ на позициях и в прифронтовой полосе. Изучается работа по созданию и функционированию сети производственных и ремонтных мастерских в целях обслуживания армии и учреждений союзов. Уделяется внимание деятельности союзов по организации промышленных предприятий.

Ключевые слова: Первая мировая войны, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, фронтовой комитет, строительные работы, ремонтная, производственная, сапожная мастерская, завод, фабрика, хлебопекарня.

Введение

В начале Первой мировой войны летом 1914 г. представителями либеральной общественности были созданы Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ). Цель их создания – оказание медицинской помощи больным и раненым воинам, организация сети различных санитарно-медицинских, питательных и других учреждений на фронте и в тылу.

Сама по себе сеть таких учреждений, конечно, не могла появиться. Больницы, лазареты, амбулатории, врачебно-питательные пункты, бараки, чайные, бани, прачечные, дезинфекционные камеры нужно было построить, оборудовать, переделать или приспособить здания под те или иные нужды и цели. Соответственно для учреждений следовало создать всю сопутствующую хозяйственно-административную инфраструктуру. Поэтому внутри союзов была создана мощная строительная организация.

Со временем, расширив свою деятельность, Всероссийский земский и городской союзы стали оказывать помощь армии, выполняя на фронте для военных строительные, инженерные работы и просто обслуживая их бытовые потребности. С развитием беженского движения в 1915 г. общественные организации такие же работы выполняли при организации помощи беженцам.

В учреждениях союзов были материально-технические ресурсы: санитарно-медицинское оборудование, хозяйственные предметы, инвентарь, мебель, бытовая утварь, транспорт и другое. Все это со временем приходило в негодность, требовало ремонта, замены. Поэтому создавались мастерские для ремонта оборудования, инвентаря, различных запчастей, транспорта, построек. Были открыты мастерские, в которых изготавливались различные крупные и мелкие изделия хозяйственного назначения, оборудование для учреждений ВЗС и ВСГ и

армии. Кроме этого на фронте и в тылу была создана сеть сапожных мастерских и отрядов по ремонту и производству обуви, сбури, изделий из кожи.

Другое направление деятельности союзов – это создание предприятий. Организовывались предприятия по изготовлению фанерных барачков, папирос, строительных материалов, обработке древесины, кож.

Изучение деятельности Земского и городского союзов на территории белорусских губерний является актуальным по нескольким причинам. Во-первых, события Первой мировой войны на территории Беларуси изучены слабо. Во-вторых, комплексное и подробное изучение различных аспектов деятельности указанных общественных организаций на территории Западного фронта и тыла ни российскими, ни белорусскими историками не предпринималось. Особенно интересным в этом отношении представляется изучение деятельности союзов по организации строительных и ремонтных работ и созданию мастерских и крупных производственных предприятий для обслуживания армии на фронте и в тылу.

Основная часть

В Комитете Западного фронта (КЗФ) Земского союза в Медицинском бюро 1 марта 1915 г. был создан Технический отдел. Штат отдела сначала состоял из трех человек: заведующего В.А. Розова, инженера В.В. Демидова и механика В.В. Алексева. Отдел занимался в основном строительством построек санитарного назначения. Строили бани, прачечные, дезинфекционные камеры, чайные, устраивались лазареты, рылись колодцы, организовывались ассенизационные обозы. Рабочих для строительства набирали, главным образом, из беженцев. За период с 1 марта до 1 июля 1915 г. было построено 11 бань, 8 прачечных, 7 дезинфекционных камер, 5 чайных, 6 ассенизационных обозов, 4 колодца, 2 лагеря под лазареты с различными постройками, 3 больших пункта скопления солдат были очищены от мусора, нечистот, обустроены отхожими местами и ящиками для мусора. После отступления армии из Польши и начала массового движения беженцев отдел занимался строительством построек санитарно-медицинского назначения для оказания помощи беженцам. Среди них: бараки, ночлежки, чайные, питательные пункты, изоляционные больницы, бани. Большие строительные работы были произведены в населенных пунктах: Брест-Литовск, Кобрин, Белосток, Запруды, Волковыск, Пружаны, Бобруйск, Дворец, Жодино, Минск, Борисов, Орша, Игумен, Рославль. До 10 октября 1916 г. рабочими отдела было возведено и отремонтировано 8 бань, 7 прачечных, 13 питательных пунктов, 8 холерных, 2 заразных, 7 изоляционных и 10 ночлежных барачков, 11 чайных, 12 отхожих мест, 23 колодца и произведено 20 различных ремонтных работ [1, с. 89–91].

В октябре 1915 г. Технический отдел отделился от Медицинского бюро и стал самостоятельным подразделением, продолжая свою деятельность. Численность сотрудников была увеличена до 75 человек. В тылу в это время устраивались землянки на 900 окопных рабочих. Отдел получил заказ на строительство 420 бань и 60 прачечных для военных. До 1 января 1916 г. было построено 25 бань и 5 прачечных. На фронте рабочими отдела было возведено 13 ночлежных барачков, 14 больших чайных, 21 баня, 5 эвакуационных пунктов, 5 врачебно-питательных пунктов, 5 больниц и 14 землянок. С 1 октября 1915 г. по 1 января 1916 г. отделом было выполнено 50 строительных и ремонтных работ. В Бобруйске, Рославле, Гомеле, Минске, Витебске, Орше, Могилеве были построены больницы, бараки для ночлега, амбулатории, питательные пункты [1, с. 89–91].

Весной-летом 1916 г. происходили структурные изменения в Техническом отделе. 13 июня он был переименован в Техническое управление, а внутри его были созданы подотделы. На фронте произошло объединение технических и строительных подразделений. Были образованы армейские и технические отдели. Они были разделены на отряды. Технические отдели на фронте подчинялись армейским управлениям, а отдели вне фронта – районным управлениям фронтового комитета ВЗС [1, с. 94].

1 января 1916 г. тогда еще к Техническому отделу КЗФ ВЗС от фронтового комитета Союза городов перешли 5 строительных отрядов. Они были укомплектованы служащими, рабочими, инвентарем и транспортом и состояли из мастерских. У них была своя база, управление, мастера различных профессий (жестянщики, кузнецы, слесари, сварщики, плотники, кровельщики). Обычно отряд располагался в 25–40 верстах от фронта. Для работ на позиции отправлялись летучки. Персонал летучки состоял из заведующего, техника, слесаря, кузнецов, кровельщиков, плотников, землекопов, печников, конюхов. Если был недостаток в рабочих, то от войсковых частей прикомандировывались солдаты. В марте 1916 г. весь персонал строительных отрядов состоял из 35 техников, 37 заведующих хозяйством, 3000 рабочих [1, с. 93].

Отряды строили помещения не только санитарного назначения. Все постройки, возведенные с 1 января 1916 г. по 1 июля 1917 г. можно разделить на военные и санитарные. Сооружения военного назначения: блиндажи, мастерские, платформы, мосты, ангары, гаражи, гати, бараки, ночлежки, палатки, землянки, артиллерийские и интендантские пакгаузы, сараи, склады, конюшни. К санитарным и другим постройкам относились больничные бараки, амбулатории, дезинфекционные камеры, морги, бани, прачечные, сушилки, столовые, чайные, хлебопекарни, колодцы, отхожие места, выгребные ямы, водоемы, баки, отстойники, биологические станции и фильтры, водонапорные башни. Кроме этого отряды возводили все хозяйственные и жилые помещения при госпиталях. За 1916 г. было построено 2787 зданий различного назначения, а в первом полугодии 1917 г. – 1374 [1, с. 97, 99].

Всероссийский союз городов также организовывал строительные работы на фронте и в тылу для армии. В основном это было строительство бань, так как в них была большая потребность на фронте. Первое время они возводились силами передовых врачебно-питательных отрядов. При “1 Сибирском врачебно-питательном отряде” работала команда. Она построила 16 бань. 1 марта 1915 г. Главным комитетом ВСГ было принято решение об организации отрядов для строительства бань. Было создано 4 отряда. Они сразу же были “завалены” просьбами со стороны войсковых частей о постройке бань, прачечных и дезинфекционных камер. Исходя из объемов работ, число отрядов к 1 августа 1915 г. было увеличено до 10 [2, с. 9–11].

В конце октября 1915 г. в КЗФ Союза городов была образована Санитарно-техническая часть с отделами: строительным, механическим, эксплуатационным, хозяйственным, техническим бюро и службой связи. В январе 1916 г. в подчинение строительного отдела Санитарно-технической части перешли строительные отряды. При каждой армии на фронте работало определенное число отрядов. Они были закреплены за армейскими корпусами. На местах отрядами руководило армейское управление, при котором была своя канцелярия со служащими, специалисты, рабочие, склады различных материалов, обоз. Весь персонал строительных отрядов составлял 900 человек. С середины декабря 1915 г. по

15 февраля 1916 г. было построено 158 бань. Пропускная способность каждой бани – 600 человек в сутки. Были возведены 43 прачечных и 87 дезинфекционных камер с мощностью в 1000 комплектов выстиранного белья и 1000 комплектов дезинфекции. Кроме этого было построено и оборудовано 8 колодцев, 2 лазарета, 126 землянок [3, с. 371–375]. Летом 1916 г. на Западном фронте уже работало 25 строительные отрядов [4, с. 25]. Их персонал к 1 сентября 1916 г. был увеличен до 1410 человек. Обоз насчитывал 250 фурманок и 600 лошадей. Отрядами с ноября 1915 г. по 1 сентября 1916 г. было построено на фронте 301 баня, 84 прачечных, 191 дезинфекционная камера. За весну-лето 1916 г. было отремонтировано 413 срубных колодцев и более 400 колодцев других конструкций [2, с. 12–14].

Производились работы по строительству медицинских учреждений. За год работы Врачебно-санитарного бюро КЗФ Союза городов (с 1 ноября 1915 г.) было открыто 7 больниц, 37 дезинфекционных пунктов при больницах и отрядах, 7 зубоучастков кабинетов, прививочная станция, 4 хирургических госпиталя, 35 амбулаторий, организовано 26 эпидемических отрядов, 3 перевязочно-питательных отрядов, 1 перевязочный транспорт [5, л. 112]. Все здания и постройки для этих учреждений были возведены и обслуживались строительными отрядами.

Во фронтовых и тыловых учреждениях союзов был большой штат работников. На Западном фронте на 1 апреля 1917 г. по данным Ставки Верховного Главнокомандующего в учреждениях Союза городов числилось 14000 служащих и рабочих, а в учреждениях Земского союза – 66000 человек [6, с. 25]. Встал вопрос починки их обуви. Были проблемы и в организации ремонта обуви солдат и офицеров многомиллионной армии.

К фронтовому комитету ВЗС обращались с просьбами о ремонте обуви командиры войсковых соединений. Они просили организовать поставки обувного сырья и запасных частей. Для решения этих вопросов фронтовым комитетом Земского союза был создан 26 марта 1916 г. Кожевенный отдел. В его задачи входило: 1) снабжение воинских частей кожевенным материалом; 2) организация починки обуви и конского снаряжения своих учреждений и воинских частей; 3) организация мастерских для производства изделий и полуфабрикатов из кожи [1, с. 83].

Фронтовым комитетом Земсоюза создавались мастерские по ремонту сапог, которые работали на фронте. Они придавались армейским корпусам. Руководили ими районные и армейские управления. 20 таких мастерских с общим числом работников 785 человек располагались в районе, за который отвечал уполномоченный В.Л. Жуковский. Ежедневно в мастерских ремонтировали 2702 пары обуви. В районе уполномоченного Н.Н. Ковалевского при армейском корпусе работал отряд по ремонту сапог со штатом 30 сапожников. Они в месяц ремонтировали 6000 пар обуви. В районе уполномоченного В.В. Марковина работала мастерская, починившая 700 пар обуви служащих и рабочих фронтового комитета. В районе ответственности уполномоченного М.И. Бакунина работали 12 сапожных мастерских. Еще одна мастерская работала в тылу [7, с. 162].

Союз городов создавал свои сапожные мастерские. Оршанским районным управлением фронтового комитета в конце декабря 1915 г. была открыта мастерская. В ней работали 4 солдата-сапожника. Позже к ним присоединилось еще несколько беженцев и местных сапожников. Работа производилась кустарным способом. Сапог делал от начала до конца 1 работник. Таким образом, в неделю делали 30–40 пар. После разделения труда на отдельные операции производительность увеличилась. Получив дополнительные прибыли в мастерской уста-

новили машины, которые выполняли некоторые технические операции. Число работников увеличили до 70 человек. В месяц сапожники делали 1500 пар сапог [8, с. 31–33]. В Гомеле союзом была открыта еще одна сапожная мастерская. В ней работали 187 рабочих [9, с. 103].

Военные на фронте не могли быстро своими силами чинить обувь, а сапожно-починочные мастерские находились от них далеко. Поэтому фронтовой комитет ВЗС стал создавать отряды по починке сапог. Их было организовано 6. Они состояли из летучек в количестве от 3 до 22. К отрядам прикомандировывались солдаты числом от 200 до 1000, а к летучкам от 25 до 100 человек [1, с. 84–85].

Первый подвижный сапожно-починочный отряд был создан в мае 1916 г. в Минске. Начальником отряда был К.П. Давыдов, его заместитель – М.Н. Савчук, заведующий хозяйством – С.И. Плешкевич. Персонал отряда состоял из 2 делопроизводителей, главного сапожного мастера, 6 старших мастеров и 16 инструкторов. В обозе отряда было 40 лошадей, походная кухня, бочка и 15 повозок. До июля 1916 г. отрядом было починено до 15000 пар солдатских сапог в окопах [10, с. 4]. Всеми сапожно-починочными отрядами Земского союза, до 1 июля 1917 г. было отремонтировано 374485,5 пар сапог [1, с. 85].

Помимо строительной и ремонтной деятельности еще одним направлением в работе союзов было создание производственных предприятий. В сентябре 1916 г. во фронтовом комитете ВЗС в Техническом управлении был создан отдел заводской промышленности. Он работал по направлениям: 1) разработка и обработка древесины; 2) производство кирпича; 3) производство фанерных барачков и изделий из фанеры; 4) механическое производство [1, с. 106].

На фронте и в тылу была потребность в жилых помещениях, которые можно было бы легко строить из деревянных фанерных щитов. Решено было организовать под руководством Технического управления КЗФ ВЗС производство фанерных барачков. Этим занялись в Гомельском и Бобруйском технических отделах.

В Гомеле были построены мастерские для производства фанерных барачков, арендованы и возведены различные хозяйственные помещения и склады. Производить барачки начали в феврале 1916 г. В одной мастерской делали каркасы, а во второй щиты для стен, пола, потолка и крыши. В мастерских работало 560 рабочих. Они до июля 1917 г. изготовили 577 барачков. Для служащих и рабочих были открыты общежитие, столовая, больница, амбулатория, баня, прачечная, продовольственная лавка. Помимо мастерских по производству барачков были созданы механическая, мебельная, жестяная, повозочная мастерские и кузница. В механической мастерской было произведено 49940 штук печей, переносных бань, баков, бидонов, ведер и других предметов. Мебельной мастерской было изготовлено 20000 штук шкафов, стульев, табуреток, кроватей, носилок и других изделий. В повозочной мастерской произвели 343900 штук саней, повозок, колес и других изделий. На верфи было построено 73 гаража, понтонов и лодок. Для артиллерийских складов было сделано 16550 щитов [1, с. 112–116].

Бобруйским техническим отделом на арендованном в январе 1916 г. у Военного ведомства участке земли были сооружены мастерские со всей хозяйственной инфраструктурой. По 1 июля 1917 г. здесь было изготовлено 837 барачков и 837 фанерных домиков разного типа. С ростом производства было увеличено число персонала. Если в ноябре 1915 г. было по 2 работника технического персонала, административно-хозяйственной части и 50 рабочих, то в первом полугодии 1917 г. уже было работников: 13 технического персонала, 76 административно-хозяйствен-

ной части и 1295 рабочих. Для персонала и рабочих были построены общежития, столовые, прачечные, продовольственная лавка, больница и амбулатория. При техническом отделе функционировала своя пожарная команда. К осени 1917 г. под управлением Бобруйского технического отдела работали мастерские по производству барачков, мебели, повозок, а также малярная и механическая. Они производили фанерные бараки, печи, мебель, кухни, баки, кипятильники и другие предметы хозяйственного назначения [1, с. 118–121].

В районах расположения армий, непосредственно на фронте, для обслуживания потребностей военных и учреждений союзов создавались мастерские. Они производили оборудование, инвентарь и предметы первой необходимости, ремонтные работы. Мастерские подчинялись техническим отделам армейских управлений (при 2, 4, 10 армиях) фронтового комитета ВЗС. Всех мастерских было 16. Среди них: слесарно-кузнечные, столярные, оружейно-механическая, транспортные и кузнечная мастерские. 9 мастерскими при 10 армии за вторую половину 1916 г. было произведено 90 насосов, 1174 единиц оборудования (дезинфекционные камеры, походные бани, кипятильники, корыта, котлы, баки-термосы). Было сделано 180 слесарно-механических ремонтных работ. В транспортной мастерской произвели 3116 повозок и саней, сделали и отремонтировали 1123 штук хомутов, седел и упряжи, 864 ступиц и колес. По жестяному производству было сделано 3224 столов, шкивов, стульев, носилок, ящиков и прочего; по сапожному делу сшита и починена 2121 пара обуви; по швейно-портняжному производству было заготовлено одежды (гимнастерок, брюк, шинелей, рубах, кальсон и прочих вещей) 19716 штук [1, с. 122–123].

Союз городов создавал свои мастерские на фронте и в тылу. Они подчинялись Механическому отделу Санитарно-Технического управления фронтового комитета. Они производили и ремонтировали различный инвентарь и оборудование. Центральные мастерские находились в Смоленске. В них входили: автомобильная, жестяная, столярная, кузнечная, бондарно-колесная и несколько слесарно-механических мастерских. Они за январь-февраль 1916 г. произвели 44 котла, 123 бака, 40 дезинфекционных камер, 8 печей, 27 змеевиков, 77 кипятильников, 15 переносных бань, 1500 шаек, 50 ведер и другие мелкие изделия. В Минске работала ремонтная мастерская [3, с. 375–376]. Там изготавливались и ремонтировались окопные и барачные печи, вёдра, котлы [11, с. 296].

Были на фронте мастерские, которые производили специфические ремонтные работы. В начале 1916 г. фронтовым комитетом ВЗС была создана артиллерийская подвижная починочная мастерская. Все ее оборудование размещалось на 16 грузовых автомобилях. Мастерская состояла из 4 ремонтных отделов: механического, деревообделочного, оптико-панорамного, автомобильного. В штат сотрудников входили 14 работников администрации, 36 шоферов, 140 мастеров различных профессий. За время деятельности с 1 июня 1916 г. по 15 июля 1917 г. мастерской было отремонтировано 89 орудий, 85 лафетов, 28 передков, 247 зарядных ящиков, 9 павозок, 690 колес, 315 лотков, 46 чехлов, 73 хомута, 20 седел, 450 телефонов, 78 панорам и стереотруб, 34 измерительных инструмента, 70 биноклей, 5 автомобилей и 3 мотоцикла. Изготовлено 680 различных артиллерийских запасных частей [1, с. 131–132].

Земский союз и Союз городов организовывали не только мелкие производственные мастерские, но и создавали крупные предприятия с числом рабочих в несколько сотен человек. Некоторые заводы и фабрики союзы брали в аренду или они поступали в их распоряжение как секвестрованные.

Отдел заводской промышленности Технического управления КЗФ ВЗС организовывал предприятия по обработке древесины. Известно, что в октябре 1916 г. работало 9 лесопильных заводов [12, с. 54].

27 июля 1916 г. фронтовой комитет взял в аренду завод в Бобруйске. За ночь на заводе распиливалось 4–5 вагонов древесины. На предприятии делали доску. 29 июля под управлением ВЗС в Ново-Борисове начал работу завод, который был секвестрован. В месяц на заводе перерабатывалось 150–200 вагонов пиленого теса и досок [13, с. 3]. Здесь также производили фанеру. С начала работы по 12 июля 1917 г. было изготовлено до 25 вагонов фанеры. Здесь же было налажено производство древесной стружки. С 1 августа 1916 г. по 1 января 1917 г. было произведено 8534 пуда стружки, а с 1 января по 1 апреля 1917 г. – 3067 пуда. К январю 1917 г. число лесопильных заводов фронтового комитета увеличилось до 21. Их мощность по переработке древесины в сутки составляла 21 вагон. В июле заводов было 20 с производительностью 20 вагонов пиломатериалов на сумму 22500 руб. [1, с. 111].

В районе Западного фронта работал механический завод Земсоюза. 29 октября 1915 г. Гидротехническим подотделом Технического отдела КЗФ ВЗС была организована слесарно-ремонтная мастерская. Мастерская быстро разрослась. 18 июля 1916 г. она была преобразована в механический завод [1, с. 123–124]. Он состоял из кузнечного, механического, жестяного, слесарно-плотницкого цехов. Заводом было изготовлено до 1 июля 1916 г. 60 изделий стоимостью более 25 руб. и 114940 изделий стоимостью менее 25 руб., из которых 54000 это кружки [14, с. 3]. С 1 января 1917 г. по 1 мая в слесарно-кузнечном цеху завода было изготовлено 137 крупных и 124 мелких изделий, гидротехнического оборудования – 40 насосов и 732 мелких изделий, механического оборудования – 114 крупных и 7995 мелких предметов. В жестяном цеху завода было произведено 869 крупных и 53024 мелких изделий. В меднолитейном цеху было изготовлено 566 изделий, а в столярном цеху – 225 крупных и 155 мелких изделий [1, с. 125].

По данным, приведенным в брошюре “Учреждения Всероссийского земского союза. Октябрь 1916 г.” к октябрю КЗФ ВЗС подчинялись предприятия: 9 лесопильных заводов, завод по производству древесной стружки, папиросная фабрика, обувная фабрика, завод по выделке сыромятных кож, механический завод, кожевенный завод. По неполным данным 5 лесопильных заводов до октября 1916 г. произвели 575000 куб. футов досок, а фанерный завод произвел 50000 листов фанеры [12, с. 54–55].

Фронтовой комитет Земсоюза организовывал производство строительных материалов, в частности кирпича. Известно, что в середине 1917 г. кирпичные заводы работали в Минске и Воложине. Минский завод в 1917 г. изготовил более 2000000 штук кирпича сырца. К 17 сентября было обожжено 1870000 штук кирпича [1, с. 112].

Отдельно следует сказать о фабрике по производству папирос. Она была организована Лавочным отделом фронтового комитета Земского союза. Фабрика находилась в Минске и располагалась в здании бывшей обойной фабрики Эпштейна на Ново-Раковской улице. 14 января 1916 г. она начала свою работу. На 1 августа 1916 г. на предприятии трудился 431 работник, из которых 394 были женщины и 37 мужчины. В день рабочими производилось 925000 штук папирос, в месяц – 17300000. За январь – май 1916 г. было изготовлено 30039000 штук папирос [15, с. 3]. За весь 1916 г. фабрикой произведено 182726000 папирос на сумму 1351648 руб. 32,5 коп. Лавочным отделом была открыта мастерская по производству конвертов. С 1 января по 31 мая 1917 г. было изготовлено 8063490 штук конвертов. 31 марта 1917 г. начала работать мастерская по произ-

водству военного обмундирования. За 4 месяца было изготовлено 456 вещей для офицеров [1, с. 81–82].

Союзы на фронте и в тылу занимались созданием предприятий по выпечке хлеба. Эти вопросы курировали отделы фронтовых комитетов. Первая хлебопекарня КЗФ Земсоюза была открыта Лавочным отделом 8 декабря 1915 г. в Минске [1, с. 81]. К лету 1916 г. в Минске работали 3 пекарни по выпечке булок, баранок и сухарей, производительностью до 300 пудов в день. На фронте было 5 хлебопекарен [16, с. 165]. Спустя некоторое время в подчинении Лавочного отдела было уже 14 хлебопекарен в районе фронта [17, л. об. 427]. Всероссийским союзом городов на 1 января 1916 г., по имеющейся информации, была открыта 1 хлебопекарня. Она работала в Гомеле и подчинялась Гомельскому районному управлению фронтового комитета [18, л. об. 19].

Губернские комитеты союзов были малоактивны в организации производства. Минский губернский комитет ВЗС создал мастерскую по изготовлению масок-очков, марлевых предохранительных повязок, проволочных конвертов, виксатиновых сумок [9, с. 101]. Данными о деятельности Минского губернского комитета Союза городов по организации мастерских, заводов и фабрик мы, к сожалению, не располагаем.

Заключение

Во-первых, быстро меняющаяся ситуация на фронте не позволяла военному ведомству и различным службам оперативно организовывать нужные строительные, инженерные работы на фронте и в тылу для армии. Не хватало своих материально-технических и людских ресурсов. Властям пришлось обратиться к общественным организациям. Земсоюз и Союз городов через свои фронтовые комитеты в короткие сроки смогли организовать строительство зданий и различных построек для обслуживания бытовых и военных потребностей армии. Также были организованы инженерные работы на передовых позициях.

Во-вторых, в условиях стихийной эвакуации промышленных предприятий с территории западных губерний Российской империи, не хватало производственных мощностей для обеспечения армейских соединений всем необходимым. Ощущалась потребность в армии и учреждениях союзов в предметах хозяйственного, бытового, медицинского и военного назначения. Фронтовые комитеты, создав свою сеть производственных мастерских рядом с фронтом, восполнили эти потребности. Кроме этого была создана сеть ремонтных мастерских, которые обслуживали армейские соединения и учреждения союзов.

В-третьих, организация строительных и ремонтных работ, открытие производственных мастерских и предприятий способствовало созданию рабочих мест. Тысячи беженцев и местных жителей смогли найти работу и прокормить себя в тяжелое время.

В-четвертых, следует сказать, что работа Земского союза по организации ремонтных, строительных работ была более масштабной и разноплановой, чем Союза городов. Это иллюстрируют приведенные выше цифровые данные. У ВСГ на Западном фронте было намного меньше различных мастерских по ремонту инвентаря и обуви чем у ВЗС. Союз городов не создал крупных производственных предприятий. У Земского союза была сеть предприятий по деревообработке и несколько крупных фабрик и заводов.

Таким образом, Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов оказали неоценимую помощь армии на фронте и в тылу в белорусских губерниях в 1915–1917 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте 1915–1917 гг. / Комитет Западного фронта Всероссийского земского союза. – Москва : [Т-во скоропеч. А. А. Левенсон], 1918. – 228 с.
2. Санитарно-техническая деятельность // Известия Комитета Западного фронта Всероссийского союза городов. – 1916. – № 1. – С. 9–16.
3. Санитарно-Техническая часть Комитета Западного фронта // Известия Всероссийского союза городов. – 1916. – № 29–30. – С. 371–380.
4. **Кишкин, Н. М.** Фронтальная работа Союза Городов летом 1916 года. Доклад Заместителя Главноуполномоченного Н. М. Кишкина / Н. М. Кишкин / Всероссийский союз городов. Главный комитет. – Москва, 1917. – 31 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2708. Оп. 1. Д. 63. Дело о проведении санитарных мероприятий на фронте.
6. Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах) / Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики. – Москва, 1925. – 104 с.
7. Сапожно-починочные мастерские // Всероссийский земский союз. Известия главного комитета. – 1916. – № 41–42. – С. 161–163.
8. Оршанский район ВСГ // Известия Комитета Западного фронта Всероссийского союза городов. – 1917. – № 6. – С. 31–35.
9. Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900–1917. – Минск : АН БССР, 1963. – 422 с.
10. **В-ий, В.** I-й подвижный сапожно-починочный отряд / В. В-ий // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1916. – 21 июля. – С. 4.
11. **Солодков, Т. Е.** Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907–1917 гг.) / Т. Е. Солодков. – Минск : Наука и техника, 1967. – 376 с.
12. Учреждения Всероссийского земского союза. Октябрь 1916 г. – Москва, 1917. – 66 с.
13. Из деятельности технического управления КЗФ. Материально-заготовительный отдел // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1916. – 4 августа. – С. 2–3.
14. Минский механический завод (Из деятельности технического управления) // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1916. – 29 июля. – С. 3.
15. **В. Т.** Папиросная мастерская в Минске / В. Т. // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1916. – 17 августа. – С. 2–3.
16. Солдатские лавки на западном фронте // Всероссийский земский союз. Известия главного комитета. – 1916. – № 43–44. – С. 165–167.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. Особый отдел. 1915 г. Оп. 245. Д. 343. З.С. Т. 2 : О Всероссийском земском союзе.
18. НИАБ. – Ф. 700. Оп. 1. Д. 52. Списки учреждений ВЗС.

Поступила в редакцию 04.03.2015 г.

Контакты: +375 29 549-55-11 (Василенко Василий Викторович)

Vasilenko V.V. THE PRODUCTION AND MAINTENANCE ACTIVITY OF THE RUSSIAN NATIONAL STATE UNION AND THE RUSSIAN UNION OF CITIES ON THE FRONT AND IN THE REAR (1915–1917).

The article describes the activities of the Russian National State Union (RNSU) and the Russian Union of Cities (RUC) in the Belarusian provinces on the Western front in 1915–1917. The author considers new sources to outline the construction and repair activities of the unions on the army position and on the front line. The article also examines the work of production and repair shops functioning with the view to supply the army and institutions of the unions. Special attention is paid to the activities of the unions organizing industrial enterprises.

Key words: the First World War, the Russian National State Union, the Russian Union of Cities, front committee, building activity, repair and production station, shoe workshop, plant, factory, bakery.

УДК 930:336.747

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КРИТИКА БУМАЖНЫХ БОН КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА БОНИСТИКИ

Е. К. Шишкина

кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории
Харьковский политехнический институт (Украина)

В статье устанавливается место проблемы источниковедческой критики бумажных бон среди ряда других важных теоретических и методологических вопросов бонистики. Выявляются особенности нынешнего уровня развития проблемы. Вопросы рассматриваются в контексте общего состояния исторической науки, историографии и источниковедческой критики бумажных бон. Разработаны и показаны основные приемы осуществления источниковедческой критики бумажных бон. Выявлены особенности источниковедческого анализа и синтеза необщеобязательных бумажных денег.

Ключевые слова: источниковедческий анализ и синтез, бонистика, бонны, необщеобязательные бумажные деньги.

Введение

Актуальность постановки проблемы источниковедческой критики бон перед исторической наукой обусловлена, с одной стороны, распространением суррогатного денежного обращения в странах СНГ, а с другой – нынешним уровнем развития специальных исторических дисциплин.

Процесс формирования бонистики как специальной исторической дисциплины можно представить несколькими стадиями. Для первой (вторая половина 20-х – начало 30-х гг. XX в.) характерно первичное накопление материала, предварительные не очень удачные попытки его обработки и систематизации, появление любительских исследований и работ обзорного и справочного характера. Для второй (начало 30-х – конец 50-х гг. XX в.) – прекращение исследований, застой в развитии бонистики. Для третьей (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.) – продолжение накопления и систематизации материала, усовершенствование существующих классификаций денежных знаков и бон, привлечение более обширного круга источников, начало формирования теоретических основ бонистики, а также появление первых монографий и научных публикаций по истории общеобязательных (в основном советских) и частично необщеобязательных денежных эмиссий. Последняя стадия (начало 90-х гг. XX в. – начало XXI в.) характеризуется усовершенствованием терминологии и методологии бонистики, улучшением классификаций дензнаков и бон, расширением источниковой базы исследований, усилением интереса ученых к отдельным необщеобязательным денежным эмиссиям, наличием значительного спектра литературы, среди которой все большее значение приобретают научные работы.

Таким образом, современные исследования по вопросам бонистики являются признаком роста интереса ученых к проблеме местных и частных денежных эмиссий, однако комплексных научных работ в настоящее время не хватает. Тем не менее, анализ историографии приводит нас к выводу, что критика бумажных бон

сегодня уже сложилась как исследовательская проблема, сформулированы основные направления ее изучения, наметились приемы и методы исследования, обозначена ее источниковая база. Скудность научных разработок, а также отсутствие в научном обороте представленных источников говорят о новизне исследования.

Теоретические и прикладные нужды бонистики обусловили следование в работе двум основным направлениям, вследствие чего цель исследования включает в себя решение задач двух уровней – специального и вспомогательного. Первый направлен на решение сугубо бонистических проблем, в частности на разработку методики историко-экономического анализа необязательных бумажных денег. Второй ставит задачи, вспомогательные по отношению к историческому историко-экономическому освещению перспектив использования бумажных бон как исторических источников (получение всесторонней и максимально полной информации о применении бумажных бон в товарно-денежных отношениях).

Основная часть

Среди наиболее важных процессов в развитии бонистики необходимо отметить оформление теоретической базы этой довольно молодой специальной исторической дисциплины. Анализ современных научных работ говорит о том, что в последнее время прослеживается тенденция к окончательному выделению этой дисциплины из нумизматики (в состав которой ее часто относят [1–3]). Кроме того, очевидным становится факт принадлежности бонистики именно к специальным, а не вспомогательным историческим дисциплинам [4, с. 64; 5, с. 23], поскольку сегодня можно уже говорить о существовании собственного объекта, предмета, терминологии и методологии бонистики [6, 7].

Безусловно, дисциплина все еще развивается и нуждается в более глубоких теоретических усовершенствованиях. Однако, уже сегодня, исходя из материалов ряда научных работ и публикаций, можно говорить о существовании четко определенного объекта бонистики как специальной исторической дисциплины – это бумажные “денежные знаки” и “боны”, являющиеся историческими источниками, политико-экономическими документами и культурными памятниками прошлого. Важным признаком формирования бонистики как отдельной дисциплины является оформление ее собственной терминологии. В частности, появились четкие определения терминов “денежный знак” и “бона”. Длительное время в бонистике существовали проблемы с раскрытием сущности этих понятий. Но в последнее время значения указанных терминов, в основном, устоялись. Под понятием “денежный знак” ученые сегодня понимают общеобязательные эмиссии, т.е. деньги, выпущенные от имени правительств, находящихся у власти, и обязательные для обращения на всей территории государства или его значительной части. Термин “бона” все еще остается многозначным. Но в научной литературе настоящего времени он, в основном, утвердился как обозначение необщеобязательных эмиссий – денег, выпущенных органами местной власти, разными организациями, учреждениями или частными лицами для обращения, среди небольшой части населения.

Сущность терминов “общегосударственные”, “местные” и “частные” (“внутренние”) деньги в современной бонистике также в основном раскрыта. “Общегосударственные выпуски” определяются как деньги, эмитированные государством, которые обслуживают торговлю в пределах всей страны. Они находятся в обращении при условии монополии государства на выпуск денег и соответствия нуждам обращения (достаточное количество, разменность, обеспеченность). Общегосударственные деньги всегда являются общеобязательными по правомочно-

сти. “Местные выпуски” сегодня определяются как деньги, эмитированные в пределах отдельных населенных территорий (область, город, село и т.п.) с целью обеспечения их интересов в обмене. Они возникают вследствие переполнения каналов обращения общегосударственными эмиссиями, с одной стороны, и недостаточным количеством разменных денег, их необеспеченностью – с другой. Под “частными выпусками” понимаются деньги, которые выпускаются отдельными предприятиями, организациями для обеспечения собственных расчетных операций. Они появляются в обращении в периоды углубления экономического кризиса из-за неуверенности или отсутствия защиты денежного обращения со стороны местных территориальных органов власти, вследствие чего инициатива выпуска денег и переходит к субъектам хозяйствования (предприятиям, союзам, обществам и др.). Некоторые источники выделяют еще третий тип денежных выпусков – “ведомственные деньги”. Последние выпускаются отдельными ведомствами для обращения только в их границах (даже на разных территориях). Происходит это вследствие несбалансированного развития экономики под влиянием войн и инфляции [8]. В основной своей массе местные, ведомственные и частные деньги являются необщеобязательными денежными эмиссиями. Исключениями могут быть лишь те случаи, когда такие эмиссии постановлениями или указами центральных правительств приравнивались к общеобязательным.

К сожалению сегодня все еще не существует терминологических словарей собственно по бонистике. Содержание понятий раскрывают отдельные публикации и каталоги, причем часто довольно неоднозначно. Часть понятий бонистики включена в нумизматические и финансовые словари, издания для коллекционеров [9–11; 12, с. 76; 13; 14].

Именно поэтому нам показалось целесообразным обратить внимание еще на несколько понятий, связанных с необщеобязательным денежным обращением. Как уже было сказано понятия “боны” часто в литературе и источниках имеют разные значения. В широком смысле слово “бона” – это сборное понятие, которое охватывает все бумажные деньги, которые вышли из употребления и стали предметом коллекционирования [15, с. 110]. Это, в частности, денежные знаки, которые вышли из обращения (государственные и банковские билеты, в том числе разменные, расчетные, кредитные денежные знаки, казначейские билеты), собственно боны, разные денежные суррогаты, незаконченные денежные знаки и боны, пробные экземпляры, подделки денежных знаков и бон, а также некоторые специальные денежные выпуски, которые не были выпущены и никогда не находились в обращении (к ним относятся и деньги, напечатанные специально для продажи коллекционерам). Этим же термином в научной литературе принято обозначать все местные и частные (внутренние) деньги.

В узком смысле слова “боны” являются названием некоторых необязательных денег. Среди наименований последних можно встретить документы с разнообразным первоначальным значением. Так, бон выступал изначально как краткосрочный кредитный документ; купон – как отрезной талон ценной бумаги; квитанция – как официальная расписка в принятии денег или вещей, ценностей; ордер – как документ на выдачу, получение, осуществление чего-нибудь; марка – как знак, по которому проводится последующая оплата чего-нибудь; расписка – как документ с подписью, которая удостоверяла получение чего-нибудь; талон – как часть документа или контрольный листок для получения чего-нибудь; чек – как ценная бумага, которая содержала распоряжение вкладчика выдать предъявителю указанную сумму с текущего счета или как талон из кассы с обозначением

суммы, полученной за товар, или в кассу от продавца с указанием суммы, которую надо уплатить [16]. Все эти документы в результате превратились в необщеобязательные деньги (боны), которые, обычно, оказывались временно в обращении как заменители разменной монеты.

Сегодня можно говорить о существовании в основном выработанной методологии бонистики, ключевым в которой является системный подход к исследованию денег как исторических источников. В целом, на наш взгляд, источниковедческий анализ необязательных денег должен включать в себя три этапа.

На первом проводится анализ внешних признаков бон. Для этого необходимы знания многих специальных исторических дисциплин, поскольку такой анализ связан с рассмотрением палеогеографических (неографических), сфрагистических, хронологических, метрологических и других признаков, где каждый элемент является объектом изучения той или иной специальной исторической дисциплины. Серьезный подход к обработке всех элементов составляющих внешний облик бон является главным условием успеха в исследовании событий прошлого с помощью таких источников. Анализ проводится по аверсу (лицевой стороне) и реверсу (оборотной стороне) необязательных бумажных денег: внимательно разбирается текст, печати, даты, орнамент и другие элементы, расположенные на бонах. Результатом такого исследования может быть довольно значительный объем информации, который, с одной стороны, может быть прямым свидетельством исторических событий, фактов, явлений, а с другой – это вспомогательные данные, необходимые для дальнейшего научного исследования.

Материалы анализа внешних составляющих становятся основой для следующего этапа изучения необщеобязательных бумажных денег, связанного с привлечением к критике бон других источников. К ним относятся материалы официального делопроизводства, воспоминания, эпистолярные материалы и периодическая печать. Для изучения данных документов необходимы не меньшие специальные знания, чем для работы с внешними признаками бон. Каждый такой источник имеет свои особенности, а потому подходы к их изучению тоже будут значительно отличаться. Известная на сегодняшний день научная, учебная и справочная литература помогает в проведении критики бон. Данные, полученные вследствие источниковедческого анализа письменных источников, дают более полную историческую картину. Они дополняют уже известную нам из анализа бон информацию.

Сумма материалов первого и второго этапов на третьей стадии подвергается определенной обработке и систематизации – происходит синтез полученных данных, формулируются выводы, где в логической последовательности подаются общие результаты источниковедческой критики бон.

Надо отметить, что внешняя критика необщеобязательных бумажных бон значительно отличается от исследования общеобязательных денежных знаков. Основные отличия в подходах могут быть представлены таким образом:

1. В отличие от общеобязательных денег, для которых геральдический признак является ключевым в определении принадлежности денежного знака, основным таким признаком для большинства бон является палеогеографический (неографический).

2. В отличие от неографических признаков общеобязательных денег, для которых характерны государственное обеспечение, гарантии, предостережение от подделки денежных знаков, необщеобязательным деньгам присущи элементы, которые удостоверяют временность бон и ограниченность территории их обращения.

3. Подписи, серийные номера и печати на бумажных бонах проставляются чаще собственноручно, что невозможно во время выпуска общеобязательных денег, при выпуске которых используются факсимиле.

4. Хронологические признаки общеобязательных денег свидетельствуют о времени выпуска знака, на необщеобязательных бонах часто указывается не только год выпуска, но и продолжительность обращения, или же дата, когда бонны будут изъяты из обращения.

5. Метрологические признаки общеобязательных и необязательных денег также серьезно отличаются. Для первых характерны названия, которые показывают общегосударственный характер эмиссии (“государственный кредитный билет”, “государственный денежный знак”, “государственный казначейский билет”, “знак государственного казначейства”). Названия бонны часто заимствованы из хозяйственной, бухгалтерской, продовольственной и других сфер (“ордер”, “чек”, “талон” и т.п.).

6. Филигранные признаки не характерны для необщеобязательных денег, поскольку они имеют мелкие номиналы, небольшую территорию обращения, временный характер обращения и редко подвергаются подделке.

7. Характерными чертами необщеобязательных денег являются: минимальные затраты и усилия на изготовление бонны, максимальная функциональность необязательных денег как средств обмена, преобладающая “аполитичность” денежных выпусков. Потому иконографические признаки на боннах отсутствуют, в отличие от денежных знаков, на которых изображение исторических фигур выполняет функцию воспитания патриотизма, освещения политических взглядов существующей власти.

8. Орнаментальными признаками бонны насыщены в меньшей степени, чем денежные знаки, они отличаются предельной простотой и лишь изредка имеют какое-то важное историческое значение. Иногда, элементы орнамента переносятся эмитентами бонны с общегосударственных денежных эмиссий.

9. Изучение эпиграфических признаков показывает судьбу той или иной эмиссии, после истечения срока обращения денег. Для необязательных денег это важный фактор, который в связи с недостатком (по сравнению с общеобязательными деньгами) источников может быть решающим и иногда единственным свидетельством некоторых фактов истории необщеобязательного денежного обращения [17–20].

Заключение

Таким образом, последние научные исследования в сфере источниковедения делают очевидным факт принадлежности бонистики к специальным историческим дисциплинам, поскольку сегодня можно говорить о существовании собственного объекта, предмета, терминологии и методологии бонистики. Уже сформулированы основные подходы к проведению источниковедческого исследования денежных знаков. Известная в настоящее время научная литература, а также связанные с необщеобязательным денежным обращением исторические источники позволили выработать методику работы с бумажными боннами. Она состоит в осуществлении: 1) источниковедческого анализа: внешней критики (анализ палеографических или неографических, сфрагистических, хронологических, метрологических и других признаков) и внутренней критики бумажных бонны (с использованием большого количества дополнительных источников – архивных документов, мемуаров, эпистолярной литературы и так далее); 2) источниковедческого синтеза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. **Введенський, А.** Допоміжні історичні дисципліни : короткий курс / А. Введенський, В. Дядиченко, В. Стрельський. – Київ : Держ. учбово-педагогічне вид-во “Радянська школа”, 1963. – 207 с.
2. **Каменцева, Е. И.** История вспомогательных исторических дисциплин : учебное пособие / Е. И. Каменцева. – Москва : МГИАИ, 1979. – 42 с.
3. **Леонтьева, Г. А.** Вспомогательные исторические дисциплины : учеб. для студентов вузов / Г. А. Леонтьева, П. А. Шорин, В. Б. Кобрин ; под ред. Г. А. Леонтьевой. – Москва : Гуманитарно-издательский центр ВЛАДОС, 2000. – 368 с.
4. **Беловинский, Л. В.** Вспомогательные исторические дисциплины / Л. В. Беловинский. – Москва : ИПО Профиздат. Изд-во Московского государственного ун-та культуры и искусств, 2000. – 118 с.
5. **Глейзер, М. М.** Бонистика в Петрограде – Ленинграде – Санкт-Петербурге / М. М. Глейзер. – СПб. : Александр Принт, 1998. – 176 с.
6. **Малышев, А. И.** Бумажные денежные знаки России и СССР / А. И. Малышев, В. И. Таранков, И. Н. Смиранный. – Москва : Финансы и статистика, 1991. – 496 с.
7. **Тхоржевський, Р. Й.** Паперові грошові знаки і бони як історико-економічні джерела і об'єкт боністики (1917–1925) / Р. Й. Тхоржевський; Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук : 07.00.06. – Київ, 1995. – 46 с.
8. **Комарницька, З. М.** Історія грошей / З. М. Комарницька. – Львів : Львівський банківський коледж, 1998. – 112 с.
9. **Зварич, В. В.** Нумизматический словарь / В. В. Зварич. – Львів : Вища школа, 1980. – 159 с.
10. Краткий справочник нумизмата. Монеты 190 зарубежных стран / сост. В. Зонов. – Москва : Изд. дом. “Авиамир”, 1997. – 263 с.
11. **Кухаренко, В.** Краткий словарь-справочник бониста / В. Кухаренко // Нумизматика и фалеристика. – 1998–2002.
12. **Шиканова, И. С.** Бонистика / И. С. Шиканова // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. / редкол.: В. Л. Янин [и др.] ; Российский ин-т культурологи. – Москва : Прогресс : Рипол-классик, 2001. – Т. 1. – С. 76.
13. **Downes, J.** Dictionary of Finance and Investment Terms. 8th ed. / J. Downes, J. E. Goodman. – Barron's Educational Series, 2010. – 865 p.
14. **Тульев, В.** История денег России с X века до наших дней / В. Тульев. – Москва : Эксмо, 2014, – 208 с.
15. **Бондаренко, Г.** Спеціальні (допоміжні) історичні дисципліни / Г. Бондаренко ; Міністерство освіти України, Інститут змісту і методів навчання. Волинський державний ун-т ім. Л. Українки. – Луцьк : Редакційно-видавничий відділ Волинського державного ун-ту ім. Л. Українки, 1997. – 222 с.
16. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Издательство “Советская энциклопедия”, 1970. – 900 с.
17. Фонд “Боны” Львовского исторического музея.
18. Фонд “Денежные бумажные знаки” Одесского историко-краеведческого музея.
19. Фонд “Денежные бумажные знаки” Харьковского исторического музея.
20. Фонд “Паперові грошові знаки” Национального музея истории Украины г. Киев.

Поступила в редакцію 01.05.2015 г.

Контакты: zhshk@yandex.ru (Шишкина Евгения Константиновна)

Shishkina Y.K. SOURCE ANALYSIS OF PAPER MONEY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEM OF NOTAPHILY

The article determines the place of source study of paper money among vital theoretical and methodological issues of bonistics. It shows the present-day state of the problem. The question is considered in the context of the historical science, historiography and source study. The techniques of source study of paper money are worked out and revealed in the article. Characteristics of source analysis and synthesis of non-compulsory paper money are identified.

Key words: source analysis and synthesis, bonistics, bonds, non-compulsory paper money.

УДК 1:37

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. И. Вишневский

доктор философских наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Получение философского образования сопряжено с осуществлением теоретико-мировоззренческого синтеза. Этот синтез дает новые идеи, направляющие различные виды деятельности. Многоплановость таких идей позволяет по-разному их интерпретировать, связывая между собой несходные конкретизации. Мировоззренческий диалог есть путь достижения взаимопонимания, предотвращения конфликтов.

Ключевые слова: мировоззренческое образование, философский синтез, мировоззренческий диалог.

Получение философского образования может быть направлено на решение разных задач, но непосредственно оно выступает как способ приобщения к философскому мировоззрению, представленному соответствующими учениями и идеями. Эти учения и идеи, взятые в их совокупности, вовсе не обязательно характеризуются концептуальной однородностью и в данном отношении не образуют ту внутренне согласованную целостность, которая отличает структурно единые, непротиворечивые конкретно-научные теории. Исходные посылки и направления развертывания разных философских концепций могут быть весьма несходными, даже противоположными. И если мы все же говорим о философии в целом, то подразумеваем при этом наличие у представляемого ею знания общих, интегративных признаков, причем — иного свойства, нежели концептуальная однородность. Подобную общность мы имеем в виду, утверждая, что философия является *теоретическим мировоззрением*, и проблемы ее — не конкретно-научные, а именно мировоззренческие.

Как теория в тех или иных ее проявлениях или разновидностях, философия причастна к науке или весьма сходна с ней. Но наука, являющаяся трудно обозримой совокупностью конкретных областей специализированного развивающегося знания, сама по себе целостного мировоззрения не образует. У каждой из отраслей научного исследования, равно как и у вырабатываемых в них теорий имеются свои особые задачи, и постижение мира в целом в его отношении к человеку, а это отличительная особенность мировоззрения, не входит непосредственным образом в число таких задач. Отдельные ученые могут живо интересоваться философскими проблемами своей науки или даже более широким их кругом, выдвигать оригинальные мировоззренческие идеи, но все это, строго говоря, выходит за рамки их основной профессиональной научной деятельности. Призвание ученого состоит в том, чтобы получать объективные знания об изучаемых предметах; в мировоззрении же человек выражает не только знания об изученном, но и свои ценностные установки, убеждения, идеалы.

Здесь нужно заметить, что далеко не все работы, публикуемые в качестве философских, охватывают весь круг теоретико-мировоззренческих проблем. Бо-

лее того, в наши дни подобных работ ничтожно мало. Созидание оригинальных и всеобъемлющих философских систем практически прекратилось; претензии такого рода, даже будучи заявленными, воспринимаются, как правило, в качестве курьеза или неоправданной интеллектуальной дерзости. Вместе с тем, различные философские концепции, с которыми знакомятся в процессе получения образования, обоснованно воспринимаются теми, кто его получает, как части широкого и развивающегося целого, именуемого философией. Эти части не только различаются между собой, но и дополняют друг друга, компенсируя неизбежную односторонность каждой из них, взятой по отдельности. Любое определенное философское учение выражает мировоззренческую позицию его создателя, а также его сторонников и последователей. Если же признается правомерным говорить о философском мировоззрении в целом, то оно является собой трудно обозримое единство многообразного и разнородного содержания.

На относительную полноту репрезентации проблемного поля философии могут претендовать разве что учебные издания по соответствующему курсу, но и здесь не избежать влияния особых теоретических пристрастий их составителей, социокультурной ситуации в обществе и т.д. Тем не менее, редакторы философских журналов без труда отличают и отбирают тексты, соответствующие профилю их изданий. Руководствуются они утвердившимся в философском сообществе традиционным представлением о проблемах, специфичных именно для этой области исследований и не сводимых ни к чисто научным, ни к техническим, политическим и иным проблемам.

Конечно, различия между философскими и нефилософскими проблемами не являются совершенно жесткими. В прошлом не раз бывало, что вопросы, которые обсуждались признанными философами и входили в состав их теоретико-мировоззренческих концепций, в дальнейшем становились предметом углубленной конкретно-научной разработки. Их контекст, критерии оценки значимости получаемых результатов и даже способы оформления последних при этом весьма существенно изменялись. Бывало и так, что сами ученые в процессе исследования наталкивались на вопросы, решение которых требовало основательной теоретико-мировоззренческой рефлексии. И если эти вопросы удавалось успешно решить, то, с одной стороны, наука обогащалась новыми значимыми результатами, а с другой – какие-то философские проблемы получали заметно иное, чем прежде, осмысление.

Много столетий тому назад в древнегреческой философии возникла идея о существовании атомов – далее неделимых частиц вещества. Уже в Новое время она нашла впечатляющее применение в формирующемся экспериментально-математическом естествознании. В каждой из конкретных наук о природе она имела свои особенности. Косвенно она повлияла, например, на развитие биологии, где сложились своеобразные представления об “атомах” наследственной информации. В науках об обществе тоже использовались представления об “атомарности” социальных качеств. В дальнейшем философия обогатилась понятием “духовного атома” (монады), а в физике было установлено, что атомы вовсе и не атомы, ибо они делимы. Такова непростая судьба одной из философских идей. Трудно бывает даже предположить, где именно и в какой форме подобные идеи станут отправными посылками дальнейшего развития человеческого познания и практики.

Дело, видимо, в весьма высокой общности и связанной с этим некоторой изначальной неопределенности философских понятий и идей, позволяющей им

оплодотворяют не только различные отрасли науки, но и другие сферы или уровни человеческой жизнедеятельности. Часто отмечают, что данные понятия и идеи лишены той строгости и однозначности, которых ожидают и требуют от элементов сложившегося, устоявшегося научного знания. Справедливости ради, надо отметить, что и в науке строгость и однозначность понятий, утверждений и т.д. имеет место и является неоспоримой ценностью далеко не всегда. Она важна в том случае, когда речь идет об инструментальном знании, ибо инструменты должны быть надлежащим образом “заострены”. Но требование обеспечить совершенную строгость и четкость используемых понятий неуместно там, где люди сталкиваются с новыми проблемами, смысл и условия, способы решения которых еще не ясны. Применяя в таких случаях некоторые прежние понятия, приходится корректировать их значение, добавляя ранее несвойственные ему оттенки, признаки (коннотации). Новое весьма часто лишено в полной мере ясности, логичности и бесспорности. Новую логику еще предстоит открыть; новый порядок выкристаллизовывается, как правило, из хаоса, к отличительным признакам которого относится неопределенность многих параметров.

Благодаря потенциальной предельной широте и некоторой размытости содержания, неполной определенности философских понятий и идей они способны находить применение не только в научном либо техническом творчестве, но и в тех областях жизни людей, где понятийная строгость и безупречная логическая упорядоченность мыслей не имеют существенного значения, например, в искусстве или в сфере повседневности. При этом речь должна идти не только о прагматически истолкованном применении данных понятий и идей, но и об их генезисе, взаимовлиянии, в целом функционировании в сфере теоретического мировоззрения и за ее пределами. Философия в своем развитии питается отнюдь не только связями с наукой и производными от нее формами человеческой деятельности. Ее основа и область проявления – это вся культура.

Скажем, фундаментальным для философии является понятие общего. Различия в толковании данной категории породили длительную и временами весьма острую дискуссию между номиналистами и реалистами. Обратимся в связи с этим к соответствующей статье, опубликованной в изданном в 1959 году восьмом томе «Словаря современного русского литературного языка», которая занимает пять страниц весьма плотного текста. Здесь выделено 12 основных значений слова “общий” (“общее”). Приведем их в том порядке, как они даны в словаре. 1. “Осуществляемый всеми (в обществе, группе, коллективе)”; здесь же “совместный, коллективный, групповой”. 2. “Принадлежащий в равной мере всем, всему обществу в целом; всенародный, общественный”. 3. “Один и тот же для одного и другого (других), относящийся к одному и другому (другим)”. 4. “Одинаково свойственный, присущий всем, всему (в какой-либо категории, группе)”. 5. “Одинаковый, сходный по виду, форме у двух, многих лиц, предметов”. 6. “Касающийся всего, всех вокруг, распространяющийся на все, на всех вокруг”; здесь же “охватывающий собою что-либо в целом, относящийся к чему-либо в целом”. 7. “Применимый ко всему или ко всем вообще, обязательный для всего живущего, для всех мыслящих и т.д.”. 8. “Не ограниченный специальным назначением”. 9. “Объединенный, собранный воедино; объединяющий всех (в какой-либо группе, в каком-либо коллективе)”. 10. “Весь в целом, в полном объеме”. 11. “Воспринимаемый в целом, обобщенно, в отвлечении от деталей, частных”. 12. “Неконкретный, схематичный, поверхностный”. Мы без труда узнаем в этом перечне языковые предпосылки специфических установок номиналистов и реалистов,

а также многое другое, что может оказаться весьма важным не только в философском, но и в обыденном и в любых других дискурсах.

Приведем еще один пример. Глагол “быть” и производное от него существительное “бытие” знакомы и кажутся понятными каждому человеку. Однако философские дискуссии о сущности бытия, начавшись в глубокой древности, не прекращаются и поныне, и нетрудно показать тесную связь их с жизненными проблемами и интересами людей. Не случайно различия в решении подобных вопросов определили становление основных течений мировой философской мысли. Различаясь, они, однако, взаимодействовали между собой, как бы сливаясь в качестве струй единого потока развития теоретического мировоззрения человечества. Своими особыми средствами и способами решения мировоззренческих проблем философия выражает внутреннюю дифференцированность и, вместе с тем, противоречивое единство культуры определенной эпохи. Многообразие философских учений и идей, актуальных для данной культуры, в определенной степени раскрывает многоликость последней. В свою очередь, единство философской мысли, насколько оно достижимо и продуктивно, имеет своим коррелятом единство культуры – либо уже проявившееся, либо, что, наверно, встречается чаще, искомое и желаемое. Философское образование непосредственно связано с процессами дифференциации и интеграции в культуре, а также с формированием мировоззренческих предпосылок человеческого творчества.

Отметим в связи с этим, что связующие, интегративные по своей сути философские идеи не являются чем-то внешним и случайным для творческой деятельности людей. Везде, где усилиями нашего воображения, интуиции и мышления возникают новые идеи (художественные, научные, моральные, политические, хозяйственно-экономические и т.д.), они связывают ранее известное с чем-то неизвестным и поэтому, странным и непривычным, внося свой вклад в расширение, развитие мировоззрения людей. Эти связующие идеи позволяют усмотреть единство и общность там, где прежде виделись лишь несходство и разобщенность. М. Полани подчеркивал, что подлинное открытие не является строго логическим актом; “препятствия, которые приходится преодолевать при решении задач, можно назвать «логическими разрывами», о величине каковых можно судить по степени изобретательности, требуемой для решения проблемы... Ширина логического разрыва, преодолеваемого изобретателем, является предметом юридической оценки” [1, с. 180]. Но если бы в содержании культуры не было идеи единства мира и более или менее отчетливого понимания познавательной и жизненно-практической значимости данного единства, то не было бы и попыток преодоления ограниченности устоявшихся, внутренне замкнутых логических схем знания, шаблонов практической деятельности.

Связывание воедино нашим мышлением того, что прежде виделось обособленным, основывается на предположении о существовании весьма широких, даже универсальных объективных связей в мире нашего бытия, а это философско-мировоззренческая идея. Универсальная причинно-следственная связь, взаимопереходы различных явлений и свойств, единство необходимости и случайности, возможности и действительности и многие другие идеи выступают как элементы философского миропонимания и, вместе с тем, как ориентиры творческой деятельности людей в самых разных ее областях и формах. Внутренние потребности философского творчества могут побуждать к приведению этих идей в систему и выстраиванию более или менее последовательных онтологий, гносе-

ологий и методологий, аксиологий, антропологий и т.д. Однако далеко не очевидным является утверждение, что именно целостные системы таких “логий” отличаются наибольшей продуктивностью в плане активизации творческого потенциала людей.

Реальный опыт функционирования философии в культуре свидетельствует скорее об обратном. Стройные системы мировоззренческих понятий, даже если их находят интеллектуально привлекательными, вносят в “жизнь” этих понятий ограничения, отсекающие многие смысловые оттенки и переходы, которые могли бы оказаться весьма плодотворными или, как теперь говорят, креативными. Непререкаемая строгость таких понятий и их связей сродни философско-мировоззренческому догматизму, поскольку речь идет о рассуждениях и выводах, выходящих за рамки имеющегося опыта и основанных на нем надежных, достоверных знаний. Здесь уместно было бы напомнить заключение И. Канта об антиномиях, подстерегающих чистый разум в его попытках умозрительно решить, например, космологическую проблему.

Многообразие и неполная согласованность философских учений и идей не являются свидетельством некоей ущербности философского знания; скорее это его конструктивная отличительная особенность. Полностью устранить данное многообразие не удавалось даже в условиях тоталитаризма, а в “нормальных” обстоятельствах оно позволяет философии достаточно успешно адаптироваться к изменяющейся социокультурной среде, вырабатывать более или менее приемлемые ответы на вызовы времени. Думается, что прекращение генерации имеющих универсалистские притязания философских систем, фрагментирование философских знаний, наблюдаемые в последнее время – это и есть своеобразные ответы на такие вызовы.

Примером может служить судьба материалистической диалектики в современной культуре. Сравнительно недавно она входила в состав официальной идеологии одного из самых могучих государств и притязала на всеобъемлющую применимость и значимость. Потом она пришла в упадок как догматизированная целостность, но вовсе не исчезла из интеллектуального обихода в качестве обширного набора более или менее здравых утверждений и предположений, побуждающих к размышлениям, как и внешне противоположные им философские тезисы, выражающие альтернативные марксистской теоретико-мировоззренческие позиции. Вместо взаимных обвинений и полного неприятия становится возможным мировоззренческий диалог равноправных сторон.

Именно диалог призван стать принципиальным началом современного философско-мировоззренческого образования. Не следовало бы, однако, ограничивать данный диалог рамками одной лишь философии как сферы деятельности соответствующих профессионалов. Дискуссия, начатая по поводу фундаментальных метафизических проблем, нередко получает содержательное продолжение в различных отраслях конкретно-научного познания, в частности, в тех гуманитарных науках, которые выделились из философии и не порывают теснейших связей с ней – в этике, эстетике, культурологии, педагогике, психологии и др. Призвание философии состоит в том, чтобы осуществлять мировоззренческую рефлексию над основаниями культуры, быть теоретическим разумом культуры в целом, а не только ее интеллектуализированных специализированных фрагментов. С ростом общей образованности населения и весьма значительным усложнением жизни людей как в отдельно взятых странах, так и во всем глобализированном мире ощутимо устаревшими и неадекватными новой ситуации становятся,

например, высокомерно-пренебрежительные оценки повседневного опыта и здравого смысла наших современников.

И тот и другой не следует идеализировать; они далеко не всегда “срабатывают”. Кровопролитные конфликты, потрясающие близкие и дальние страны, – это не только результат заговоров и вмешательств извне, но и следствие тягостного, мучительного и трагического разлада в сознании людей. Религия мира и согласия, как обнаруживалось в прошлом и подтверждается в наши дни, может быть использована для оправдания нетерпимости и ненависти. Неумеренный и неумный национализм легко превращается в нацизм. Хотя соответствующие “идеи” рождались в головах отдельных личностей, для превращения их в материальную силу необходимо, как известно, чтобы они овладели массами. Значит, эти массы были хотя бы отчасти готовы к такому развороту хода мыслей и практических действий.

Привыкнув повторять квазидиалектические фразы, мы без труда могли бы напомнить здесь об антагонистических противоречиях как некоей неустранимой реальности. Но это ведь не более чем умозрительные формулы, которые могут оказаться неполными или даже ошибочными. Наличие несовпадения интересов или воззрений вовсе не означает обязательности конфликтного обострения взаимоотношений сторон. В противоположность логике конфликта существует логика компромисса и коммуникативного взаимодействия, направленного на достижение взаимопонимания между сторонами. Достижение взаимопонимания, по Хабермасу, основывается на уважении к позиции другой стороны и на уверенности в разумности партнеров, их способности воспринимать рациональные доводы и двигаться в сторону сближения позиций. Партнер по диалогу должен получить доказательства правдивости вашей позиции, то есть искренности отстаиваемых взглядов и наличия серьезных, ясно выраженных аргументов в их пользу. Цель диалога состоит в том, чтобы найти точки соприкосновения занимаемых позиций, согласования стоящих за ними интересов, исходя из понимания того, что упрямое и непримиримое противостояние приносит взаимный вред. В ходе диалога уразумение сути дела может существенно корректироваться, если приводимые аргументы признаются убедительными. Убеждение, очевидно, несовместимо с насилием, принуждением к согласию.

Когда мы говорим о мировоззренческих убеждениях, имеются в виду не только и, может быть, не столько предельно общие и абстрактные философские положения. С совместным обсуждением правил нашего поступка мы встречаемся, прежде всего, в области морали, пронизывающей повседневную практику коммуникации. Моральный характер наши чувства и мысли, связанные с конкретными жизненными обстоятельствами, приобретают тогда, когда мы соотносим эти обстоятельства с нашими фундаментальными ожиданиями и представлениями о том, как вообще должны поступать люди, будучи разумными и ответственными существами. Универсальность принятых в обществе нравственных правил и норм связана с их неличностным характером и притязанием на обоснованность. “Если мы *должны* что-то сделать, значит, мы *имеем основание* сделать это” [2, с. 76]. В ходе обсуждения нравственных правил и норм его участники согласовывают и координируют свои установки и притязания на значимость выдвигаемых ими мотивов и доводов.

Законы природы просто существуют, независимо от того, знаем ли мы их или нет и, если знаем, то что мы о них думаем, как их оцениваем. Нормы общественной жизни вырабатываются самими людьми и обретают действенность

благодаря признанию их значимости и убеждению в том, что их нужно выполнять. По-настоящему действенными являются только те нормы, которые могут получить квалифицированное, вполне осознанное одобрение у всех, кого они касаются. Для этого данные нормы должны обсуждаться в ходе аргументированной дискуссии, ведущей к обдуманной согласованности убеждений и предотвращающей навязывание одними людьми другим своих убеждений о должном, нравственно правильном. Всякая утверждаемая в обществе идеология, полагает Хабермас, должна получать моральную санкцию, иначе ее оправданность выглядит сомнительной. Обо всем том, что признается важным в нашей совместной жизни, надо уметь вести уважительный диалог, искать пути достижения обоснованного согласия.

Происходящая в ходе исторического развития рационализация общественной жизни имеет не только инструментальные аспекты, связанные с практическим освоением достижений науки, техники и технологии. Она, как отмечает тот же автор, предполагает также растущую ориентацию на взаимопонимание, разумное и ответственное обсуждение возникающих проблем. Философия, если она стремится быть востребованной, призвана в этих условиях отказаться от характерных для прежней метафизики претензий на абсолютную истину и заменить ее тотализирующие дискурсы на процедурную рациональность. Философ здесь становится посредником в мировоззренческой дискуссии с участием представителей как повседневных практик, так и экспертных сообществ. При этом философия в целом не предопределяет содержания искомого консенсуса, но она выражает значимость рационального обсуждения выдвигаемых вопросов и, кстати говоря, свидетельствует против ложного согласия, навязанного извне, помимо разумной дискуссии.

Философское образование призвано вооружить учащихся методологией и дать убедительные образцы осуществления конструктивного мировоззренческого диалога. Для этого нужно, сообразуясь с современной социокультурной ситуацией, заново осмыслить историю философии и раскрывающуюся в ней “судьбу” теоретико-мировоззренческих идей, их связь не только с наукой, но и с жизнью в целом. Многие научные воззрения довольно быстро устаревают. Если бы философские учения опирались только на науку, их судьба была бы такой же. Но мы и сегодня, как и наши предшественники столетия тому назад, внимательно вчитываемся в философские тексты Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, как если бы они были нашими современниками. Видимо, корни философских идей весьма глубоки, и выражают они некие общие, универсальные структуры человеческого бытия, чем и обосновывается “вечность” философских идей и их условная, относительная строгость и неполная формализуемость. Например, даже дети интуитивно понимают, что такое время, но ни наука, ни философия не могут исчерпывающе определить и объяснить данное понятие.

Отправляясь от интуитивно ясных понятий бытия, субстанции, материи, духа, пространства, времени, человечности, истины и др., философская рефлексия не только выстраивает логически упорядоченные концептуальные системы, но и создает предпосылки для переосмысления на данной основе всей человеческой практики. Задача философского образования состоит в реализации этой возможности путем разъяснения и “приземления” абстрактных теоретико-мировоззренческих схем с учетом возрастных особенностей, реального жизненного опыта и специфических образовательных потребностей учащихся. На каждом из этапов становления человеческой личности мировоззренческое образование имеет отличительные черты. Общее же в нем состоит в интеграции разных форм зна-

ния и жизненного опыта, позволяющей ориентироваться и осмысленно действовать в меняющихся обстоятельствах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Полани, М.** Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – Москва : Прогресс, 1985. – 344 с.
2. **Хабермас, Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.

Поступила в редакцию 09.04.2015 г.

Контакты: philos-mogilev-msu@mail.ru (Вишневецкий Михаил Иванович)

Vishnevski M.I. INTEGRATIVE POTENTIAL OF PHILOSOPHY STUDIES.

The study of philosophy is associated with the implementation of the theoretical and worldview synthesis. This synthesis provides new ideas which guide various activities. The diversity of such ideas allows interpreting them in different ways, connecting dissimilar specifications. Worldview dialogue is the way to achieve mutual understanding and prevent conflicts.

Key words: Worldview education, philosophical synthesis, philosophical dialogue.

УДК 122/129

ГИБРИС В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРООТНОШЕНИЯ

В. В. Сурков

аспирант

Сумской государственный педагогический университет
им. А. С. Макаренко (Украина)

В статье высказывается мысль о том, что понятие “гибрис”, заимствованное современными авторами из древнегреческой культуры, характеризует особый тип мироотношения человека. Гибрис сопровождает человека на протяжении практически всей его истории, при этом в разные культурные эпохи он получает специфические формы проявления. Те из них, которые наблюдаются на современном этапе развития человечества, автор связывает с реализацией мировоззренческих установок модернизма, а также сменяющего его постмодернизма.

Ключевые слова: гибрис, модернизм, постмодернизм, позитивизм, релятивизм, отчуждение.

Введение

В античной культуре существовало понятие “хюбрис” (в русскоязычных источниках чаще встречается вариант “гибрис”), служившее для обозначения “крайней наглости и самодовольства, желания сравняться и даже превзойти богов, не имея на это никаких оснований” [1]. В современной философской и публицистической литературе это слово употребляется в схожем значении, но уже в других контекстах. Использование данного термина обусловлено, видимо, его особым смысловым потенциалом. На наш взгляд, наиболее важным здесь является вера древних греков в то, что гибрис неминуемо влечет за собой немезис – справедливую расплату. И, говоря о гибрисе, современные авторы, видимо, имеют в виду такие деструктивные проявления человеческого мировоззрения (или, точнее, мироотношения), которые не только не вписываются в наши этические или эстетические представления, но влекут за собой неминуемую расплату в виде катастроф и катаклизмов.

Следует отметить, что осознание наличия у человека такого сущностного качества, как гибрис, происходит и развивается уже на протяжении тысячелетий. Во всяком случае, в эпоху античности этот ментальный факт уже достаточно четко представлен в духовной культуре древних греков и римлян. Однако в XX–XXI вв. гибрис осознается уже в новых контекстах, вследствие чего эта категория получает несколько иное культурное преломление.

Для нас, живущих сейчас и планирующих свою жизнь в будущем, важно понять, является ли сегодняшний человек более гибристичным, чем, скажем, человек Нового времени, Возрождения, Средневековья или той же Античности? Если да, то в чем причина этого? Ограничение нашего гибриса, возможно, позволит умерить и тот “немезис”, который угрожает нам и нашим потомкам.

На подобные рассуждения наталкивает, в частности, тот факт, что в последние десятилетия слово “гибрис” (*hubris*) достаточно часто употребляется в са-

мых различных контекстах (чаще – в англоязычных источниках). Активисты экологического движения видят гибрис в отношении человека к природе, политики обвиняют в нем оппоненты, медики говорят о “гибрис-синдроме” как о профессиональном заболевании людей, длительное время находящихся у власти. Слово “гибрис” все чаще можно обнаружить в журналистских статьях и интернет-блогах.

В чем же заключается причина “второго дыхания” забытого было слова? Неужели человек конца XX – начала XXI вв. стал чаще демонстрировать гибрис, о котором уже было “забыли” после гибели античной цивилизации? Или же это современное общество стало “гибрисо-фобным” и, стараясь пресечь это явление на корню, выискивает его признаки повсюду (подобно тому, как в раннем СССР сторонники новой жизни выискивали и порицали проявления мещанства, порой впадая в параноидальную “мещанобоязнь”)? Говоря проще: гибристична или антигибристична современность?

Основная часть

С нашей точки зрения, гибрис как человеческое свойство не является чем-то абсолютным, он всегда определяется по отношению к исторически конкретным общественным нормам. В одной культуре те или иные проявления гордости считаются вполне нормальными (или даже обязательными), тогда как в другом – чрезмерными и расцениваются как гибрис. Например, гордость, присущая кавказцам, может показаться гибристичной украинцу или русскому. А представление китайского или японского императора о себе как о божестве на земле еще в начале XX в. не казалось гибристичным его подданным, тогда как для европейца, живущего в то же время, такое самомнение главы государства считалось немислимым. Не случайно высказывание германского императора Вильгельма II “Генеральный штаб – это я!” вошло в историю как исключительное, хотя монарх все еще имел высокий статус в обществе.

Общественный тип, господствующий в большинстве государств в начале XXI в., многие исследователи называют “массовым”. В отличие от некоторых авторов, употребляющих это понятие как синоним словосочетания “постиндустриальное общество”, мы понимаем его скорее как характеристику особенностей коммуникации и общественного сознания в обществе, т.е. это – понятие культурно-антропологического характера (тогда как “постиндустриальное общество” описывает переход от индустриального к какому-либо другому вектору в экономике). Таким образом, массовым, вслед за П. Гуревичем, мы называем общество, в котором производство и потребление приобретает стандартизированный характер, политика определяется стихийными реакциями населения, а культура утрачивает уникальность и тиражируется для всех [2].

Во второй половине XX в. в недрах индустриального общества начала формироваться постиндустриальная социально-экономическая формация. Массовое же общество как социо-культурный феномен начало складываться еще в ранне-индустриальных государствах, продолжая формироваться по сей день. Таким образом, “омассовление” – процесс, характерный как для индустриального, так и для постиндустриального обществ. Исследователи используют это понятие для обозначения процесса формирования массового общества и связывают его начало с реализацией уже вкратце описанной нами модернистской парадигмы, считая постмодернизм результатом культурной деятельности масс. Одними из первых о появлении нового типа человека – человека массы, а также об опасности, которую

он представляет для человечества писали такие философы, как Ф. Ницше, а также “Русский Ницше” К. Леонтьев, Х. Ортега-и-Гассет и др. Что касается массового общества в современном понимании этого понятия (массовое производство + массовое потребление + массовая коммуникация и информация), то оно стало формироваться уже после Второй мировой войны. Ему посвящены работы Г. Маркузе, Э. Фромма, С. Московичи, Э. Тоффлера, Д. Белла и др. Но отдельные его оставляющие (например, манипуляция сознанием масс) уже существовали в 1930–1940-е гг., о чем писали Х. Арндт, Э. Фромм и др.

Позволим себе высказать предположение о том, что в массовом обществе гибрис индивида уступает гибрису массы настолько, насколько личность растворяется в массе, становясь ее атомом. Именно масса, а не индивид отныне выступает в качестве главного субъекта общественно значимых действий. Гибрис массы маскируется демократическими формулировками, тогда как устремления индивида, не вписывающиеся в схему поведения массы, объявляются гибрисом и осуждаются.

В конечном счете, критерии гибриса как нарушения границ дозволенного человеку всегда устанавливаются обществом. Например, на ранних этапах становления античного общества порицание гибриса помогало людям выживать перед лицом опасностей, которые представляли для них силы природы (получившие мифическое воплощение в богах и других могущественных существах). Но в период становления полисной культуры гибрис обретает содержание, связанное уже с нарушением общественных норм (как “фарсос” – нечестно нажитое богатство, “мюфос” – сутяжничество и “крисис” – тяжба). Соответственно, и боги становятся воплощением уже не только стихий, но и пороков и добродетелей.

При этом рамки позволительных проявлений гордости устанавливает доминирующий в обществе институт власти, относя все, что не вписывается в них, к пороку (и/или гибрису). Например, христианская церковь объявляет страшнейшим грехом гордыню, таким образом понуждая паству к повиновению. В условиях средневековой монархии формируется специфическое понимание гордости, разная степень которой дозволена разным слоям общества: монарху – ограниченная только со стороны церкви, дворянам – достаточно высокая, но ограниченная со стороны и церкви, и монарха, и так далее, вплоть до полной недопустимости ее проявлений крепостным крестьянам, добродетелью которых считается кротость. Возрождение и Новое время порождают новый тип гордости, связанный с пафосом человека как носителя разума и творческого начала. Она осуждается носителями ставшей традиционной средневековой морали как нигилистическая, но воспевается представителями новой формации как прогрессивная. В этот период буржуазной и научно-технической революций зарождаются предпосылки “восстания масс” (термин, использованный Х. Ортега-и-Гассетом в одноименной работе). Далее рамки дозволенного будут устанавливать именно массы, господство которых на сегодняшний день осуществляется под демократическими лозунгами. Теперь уже они диктуют определенный стиль поведения индивида – в т.ч. наделенного властью, которая понимается как делегированная индивиду обществом и, следовательно, принадлежащая ему временно и не в полной мере. Таким образом, присвоение власти себе как личной (что является нормальным для феодальных обществ) считается теперь непозволительным. Отсюда концепция гибрис-синдрома политиков или управленческого гибриса топ-менеджеров.

С другой стороны, в настоящее время достаточно активно заявляет о себе оппозиция массовому обществу, объединяющая течения самой различной на-

правленности – как левые, так и правые политические объединения, экологические и феминистские организации, представители религиозных институтов и так далее. Эта оппозиция охотно использует понятие “гибрис” на свой лад, критикуя тенденции развития современной цивилизации, которые воспринимаются как такие, которые влекут за собой неминуемую расплату.

Итак, в каких же ситуациях гибрис обнаруживается сегодня как специфический тип мироотношения? Прежде чем ответить на этот вопрос, представим несколько тезисов, которые, по нашему мнению, являются важными для правильного понимания этого феномена.

1. Онтологический гибрис – явление мироотношенческого порядка, а не профессиональное заболевание (как, например, считает Д. Оуэн и его последователи).

2. Хотя существует закрепленное в словарях исторически сложившееся и общественно признанное семантическое ядро данного понятия, на практике оно применяется к явлениям реальности субъективно, а потому не может быть предметом исследования в рамках наук. Изучение гибриса является прерогативой философской антропологии.

3. В разные исторические эпохи и/или в разных культурах гибристичными считаются определенные проявления человеческого мироотношения, которые в другой ситуации могут не восприниматься как таковые.

4. Эти проявления связаны с “точками напряжения”, существующими в обществе, т.к. именно в этих точках нарушение меры человеческого, каковым является гибрис, носит угрожающий фатальными последствиями характер.

Первые три утверждения вытекают из уже сказанного нами выше, а к четвертому мы дадим отдельный комментарий. Если проанализировать тематику публикаций, где говорится о гибрисе, мы обнаруживаем в них такие “точки напряжения”, как экологические проблемы, вопрос о пределах власти и связанной с ней ответственности, задача определения сущности человека и перспектива ее утраты в связи с развитием новых технологий и другие. Это, как правило, глобальные проблемы человечества, от решения которых зависит его дальнейшая судьба. Таким образом, можно предположить, что гибрис коренится в тех парадигмах общественного развития, реализация которых и привела к появлению этих проблем. Попробуем проследить эту зависимость.

Характеризуя особенности духовной культуры индустриального и постиндустриального обществ, сошлемся на В. Ильина [3], который утверждает, что индустриальная эпоха проникнута духом модернизма, тогда как в постиндустриальном обществе, которое автор все-таки называет “массовым” (в чем мы с ним не согласны), торжествует постмодернизм.

Важными характеристиками модернизма являются, по мнению исследователя, следующие. Во-первых, это представление об однолинейности развития мира. Носителям модернистского менталитета кажется, что все культуры движутся в одном направлении и к одной генеральной цели. Такой взгляд дает основания для выделения в планетарном масштабе культур передовых, т.е. более преуспевших в этом движении, и культур отсталых. Отсталые культуры должны равняться на передовые в своем развитии, что порождает культурную универсализацию. Одним из ее проявлений является мода в качестве регулятора жизнедеятельности: все “новое” воспринимается в качестве прогрессивного и предпочтительного, а все “старое” – регрессивного и подлежащего забвению. Во-вторых, модернизм проникнут верой в познаваемость мира, он пропагандирует наукоцентризм, имеющий либо эмпирико-позитивистскую, либо рационалистическую

окрашенность. Модернист, по В. Ильину, считает, что человек, познавая мир, способен решить любые проблемы и найти способы сделать свою жизнь лучше. Модернизм устремлен в будущее и оптимистичен. Этим и объясняется потребительский аскетизм модернизма, призывающий материально ограничивать себя сегодня ради завтрашнего изобилия.

Что касается постмодернизма, то он является результатом разочарования человека в модернистской доктрине, а его проявления во многом противоположны проявлениям модернизма. Он, во-первых, отличается плюрализмом в восприятии различных культур, дроблением культуры на многочисленные субкультуры. При этом плюрализм часто принимает крайние формы, превращаясь в культурный релятивизм. Мода теряет свою жесткость, приметы различных эпох сосуществуют. Во-вторых, скепсис в отношении общественного прогресса и возможностей человека в познании мира порождают гедонизм, согласно которому жизнью следует наслаждаться сегодня, т.к. завтра такой возможности может не представиться. Отсюда и культ потребления. Причем это потребление охватывает не только реальные предметы и услуги, а и некие символы (например, торговые марки как символы высокого социального статуса).

Каковы же проявления гибриса, характерные для модернизма и постмодернизма, т.е. для современности? В рамках первой парадигмы этот “порок” проявляется в стремлении к достижению поставленных целей любой ценой путем наращивания темпов, перевыполнения планов, пренебрежения рисками и т.д. Модернист – это деятель, которому некогда созерцать или рефлексировать, он не сожалеет о принесенных им жертвах. Постмодернист, наоборот, утрачивает меру в своем отказе от объективного содержания действительности и смысла деятельности, скатываясь в релятивизм, который проявляется в равнодушии к другим людям и судьбам мира в целом.

Исходя из этого, мы считаем, что для модернистского сознания характерны такие типы гибриса:

- научный – вера в неограниченные возможности науки, ее превосходство над прочими сферами духовной жизни (“спор физиков и лириков” и пр.);
- управленческий (властный, политический) – вера в огромную важность контроля за всеми сферами не только общественной жизни, но и частной жизни граждан, включая интимные;
- генерационный (поколенческий) – вера в прогрессивность, а потому и превосходство новых поколений над предыдущими, презрение ко всему немодному;
- национал-шовинистический – вера в развитые и передовые нации, в необходимость наднациональной унификации первых по образцу последних;
- экологический (видовой) – вера в превосходства человека над живой и неживой природой, его надприродный статус (гео- и генная инженерия, трансгуманизм, NBICS-технологии).

Постмодернистскому же сознанию присущи свои формы самопроизводства и воспроизводства гибриса:

- потребительский – вера в свою высокую значимость на основании возможности потреблять больше, чем другие;
- гибрис индивидуальной успешности – возможность дорого и/или массово продавать продукты своего труда, независимо от их реальной общественной ценности;

- гібрыс торговоў маркі – гордыць за право прадставляць/потрэбляць прадукты тых ілі іншых брэндаў;
- гібрыс камьютні – гордыць за сваю прыналежнасьць к закрытаму камьютні;
- гібрыс эскейпізма – вера ў сваю спэцыяльнасьць быць вышэ масы ілі ствараць што-лібо вышэ яе панаіманьня.

Мы ўжэ гаворылі аб тым, што гібрыс могуць праявляць не толькі асобнасьці, но і масы (на ўзроўні груп ілі індывідаў калі “атомы” масы). Мы лічым, што гэтаму спэцыяльнасьць наступныя фактары.

Во-першых, масавая культура спэцыяльнасьць утрате індывідам адекватнасьці ў яго адношэньні к міру і к самаму сабе (“ідыотыі”). Многія ісьледаватэлі адзначаюць, што яна навязвае абразы і прадставленьня, якія маюць іськусствэную, віртуальную прыроду. Такое ўздэньне, адчуждаючэ чалавэка ад рэальнасьці і пагружаючэ яго ў мір віртуальных абразав, характэрызуеця калі “наркатызуючэ”. Утрата індывідам адекватнасьці являеця сітуацыяй, блэгопрыятнасьць гібрысу.

Во-вторых, масавая культура, будучы культурой патрэбленьня, парождае гібрыстичныя (а с тачкі зрэння права і моралі – прэступныя) мотывы дэятэльнасьці, навязвае індывідам адрэдэльныя ідэалы жызнэной самарэалізацыі (дэньгі, вэцы, ўласть т.п.), но не давая ім пры гэтым эфэктыўных і адначасна законных срдэств для іх дэсьціжэньня. К тэму жэ масавая культура не спэцыяльнасьць развіцью высокай духовнасьці, катэрая могла бы пэмачь індывіду прыняць сістэму цэньнасьцяў, катэрая адрэдэчыла бы навязваемыя яму ісьвнэ жэланьня і стрэмленьня. Как мы ўжэ адмэчалі, ўжэ ў дрэвнэгрэчэскай культурэ гібрыс ў рэды сваіх праявленьняў лічыўся прэступленьнем, прычэм не толькі пратыв багав, но і пратыв абшчэства.

Накэцэ, ў-трэтьях, масы абладаюць дэстачэно бэлышай ўластью, катэрой яны лэгка “опьяняюцься”. Прымэнітэльно к індывідам для апісьаньня гэтаго састэяньня частэ ісьпользуеця паньаньнэ “гібрыс-сіндром” (ГС), но мы лічым, што ім мажэно апісьваць і састэяньнэ мас (спэцыяльнасьць пэслэдніх “опьяняцься” ўластью адмэчал ящэ А. Адлэр). По нашэму мнэньню, масы дэжэ бэлышэ пэдрэжэны гэтой аномаліі, пэскэлько індывіды ў качэствэ “атомы” утрэчываюць сваю спэцыяльнасьць к рэфлэксіі і самоадрэдэчэньню, а іх разумнае “Я” лэгка уступэет коллэктывнаму бэссознатэльному. Пры адсутствэньні адрэдэчэньняў ісьвнэ пэвэдэньнэ масы частэ носіт іррацыанальнае характэры, хотэ пры гэтым кэждэый “атом” раздэляець ўвэрэньнасьць ў правільнасьці любых дэьствіяў абшчэнасьці, к катэрой ян прыналежыт.

Заклэчуцэньнэ

Пэдрэдыа ітог вышэ сказаннаму, выдэлім чэрты саврэманнасьці, спэцыяльнасьць пэвэцыянаваць “онтэлогічэскае самопрэызвэдствэ” гібрыса. К тэковым мажэно атнэсьці:

- ўвэлэчэньнэ сацыяльнаго нэрэвэнствэ, маскыруемаго інстытуалізаванымы тэзісамы аб раўных правах і възможнасьцях;
- вытэсьнэньнэ высокай культуры масавой;
- пэдрэмэна эстэствэнных патрэбнасьцяў чалавэка іськусствэннымы пэсьвэдопатрэбнасьцямы;
- ўнычэжэньнэ ў чалавэке творчэскаго нэчэла і прэвэрэцэньнэ яго ў ісьполнэтэля і патрэбнэтэля;

– нарастающее отчуждение человека от своей истинной сущности и от других людей.

В какой-то мере в каждом из рассмотренных типов мировоззрения присутствуют и компоненты, ограничивающие гибрис. Так, аскетизм модернизма в какой-то степени является “противоядием” против постмодернистского гедонизма. С другой стороны, постмодернизм проявляет скепсис по отношению к возможности представлять единственно правильную точку зрения как в науке, так и в искусстве, требует от человека плюрализма в их восприятии. И все же, как мы уже отмечали выше, эти противоречия существуют больше в теории, чем на практике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Справочник по Древней Греции, Риму и мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/ancient/Gibris-368.html>
2. **Гуревич, П. С.** Философия культуры. Массовая культура как феномен [Электронный ресурс] / П. С. Гуревич. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/gurevich_culturephilo/ch38_all.html
3. **Ильин, В. И.** Поведение потребителей [Электронный ресурс] / В. И. Ильин. – Режим доступа: <http://www.marketing.spb.ru/read/m7/2.htm>

Поступила в редакцию 04.03.2015 г.

Контакты: vokrus@ukr.net (Сурков Владимир Владимирович)

Surkov V.V. HUBRIS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY WORLDVIEW.

The article suggests that the concept of hubris borrowed by modern writers from the ancient Greek culture is characterized as a particular type of human attitude towards the world observed in different cultural epochs. In this case, each of them gives hubris its specific manifestations. Those that occur at the present stage of human development are related to modernism and post-modernism worldview implementation.

Key words: hubris, modernism, postmodernism, positivism, relativism, alienation.

УДК 811.111'367.632

WHAT A LANGUAGE STUDENT SHOULD KNOW ABOUT THE ENGLISH ARTICLE

И. Б. Бирюк

кандидат филологических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Данная статья освещает пять аспектов английского артикля, предлагая изложенный материал на заметку студентам, изучающим английский язык в профессиональных целях. Рассматриваются такие вопросы, как определение статуса артикля в иерархии языковых единиц, количество артиклей в английском языке, семантическая структура артиклей, их коммуникативная и прагматическая значимость.

Ключевые слова: определенный артикль, неопределенный артикль, детерминация, специфическая отнесенность, классифицирующая отнесенность, тематические маркеры, рематические маркеры, описательное определение, уточняющее определение.

Introduction

English articles have been the subject of hot discussions for many years. What has generally been recognized is that the use of articles often turns into stumbling blocks for students of English, especially for those whose first language is synthetic. Different language types represent different mentalities, including different comprehension of determination and its means. Therefore, teachers and learners have tried numerous techniques for integrating the system of English articles into their native language. There exist two basic ways of learning how to use articles correctly. The first one is developing the necessary communicative skills through countless usages, which can only be achieved in a corresponding language environment. Another way is creating a system of rules governing the use of articles in the language by understanding the basic principles of their functioning. Both methods (practical and theoretical) should complement one another.

The information herein is intended to sum up the most essential facts on the English articles. It may be offered to language students, providing that they have already fundamental acquirements in this field. There have been considered such problems as the identification of the article status in the hierarchy of language units, the number of articles in modern English, their semantic and communicative evaluation, as well as pragmatic estimation in the context.

Main Body

1. The identification of the status of the article. There exist two basic approaches to the problem of the article status. Some scholars (A. Smirnitsky, M. Ganshina, N. Vasilevskaya, M. Blokh) identify the article with the morpheme-like element, which builds up with the nounal stem a specific morpheme. Professor M. Blokh, for instance, considers the article in the light of the oppositional theory. The category of article determination of the noun is regarded as one which is based on two binary oppositions: one of them is upper, the other is lower. The opposition of the higher level operates in

the whole system of articles and contrasts the definite article with the noun against the two other forms of article determination of the noun – the indefinite article and the meaningful absence of the article. The opposition of the lower level operates within the sphere of realizing the categorical meaning of non-identification (the sphere of the weak member of the upper opposition) and contrasts the two types of generalization – the relative generalization and the absolute generalization [1, p. 72].

Others (B. Ilyish, B. Khaimovich, B. Rogovskaya) consider the article a structural part of speech, a self-sufficient word, which forms with the modified noun a syntactic syntagma. They contradict the oppositional theory, suggesting that the members of any opposition must belong to the same lexeme and have similar meanings. But *a* and *the* do not belong to the same lexeme and their meanings are not identical. The indefinite article *a* possesses the meaning of “oneness” in addition to the meaning of “indefiniteness”, which cannot be found in the meaning of the definite article *the*. Besides, the “demonstrative” meaning of *the* is alien to *a*. For similar reasons *a table* – *the table* are not analytical members of some noun opposition, and *a(an)*, *the* are not grammatical word-morphemes [2, p. 214].

In recent works on the problem of the article determination of English nouns an opinion is expressed that in the hierarchy of language units the article occupies a peculiar place – the place intermediary between the word and the morpheme [3, p. 113].

Taking into account all the arguments we are apt to regard the article as an independent word similar to other structural words of the English vocabulary. One more reason may be added to this consideration. Both articles, *a* and *the*, are related by conversion to other parts of speech. Thus, the indefinite article may convert into the numeral equal to one in such formations as *a hundred*, *a dozen* etc. Otherwise, we'll have to admit the fact of left-hand connection of numerals with articles (123 – *a hundred and twenty tree*, 1235 – *a thousand two hundred and thirty five* etc), which is impossible. The definite article in its turn may convert into the conjunction functioning as a part of a comparative construction *the more...the better*. In such constructions either adjectives (*the richer he gets*, *the more friends he has*), or adverbs (*the more we know*, *the more we forget*) may be used, the combinability of which excludes the article use. The article may hardly combine with the whole word-combination either. So, the parallel components *the ... the* of comparative constructions are conjunctions, not articles. As the property of combinability is proper to the word, not to the morpheme, the status of the article as a structural word is quite justified.

2. The number of articles. Accordingly opinions differ as to the number of articles. In the oppositional theory the system of articles in English is described as one consisting of three articles – the definite article, the indefinite article and the zero article. The zero article is found in the contexts where neither the definite nor the indefinite article is used. Many scholars believe it is better to speak of the zero article rather than of the absence of the article for the same reason that we ascribe the zero marker to the “unmarked” member of the opposition. We speak of zero units in situations where the grammatical meaning needs to be made explicit. So, the theory of the zero article is directly connected with the theory of the zero morpheme.

But if we assume, that the article is the word, the concept of “a zero word” seems hardly reasonable. We do not speak of zero prepositions or zero particles. Moreover, a grammatical zero morpheme is created in an opposition owing to the relative nature of grammatical meanings. As proved above, the articles are not grammatical morphemes and their meanings are not relative.

Consequently, it appears more feasible to stick to the theory of two articles.

3. The categorial function and semantic evaluation of the article. The English articles are multifunctional and polysemantic.

The invariant categorial function of all the articles (i.e. the function all of them are used in) is that of determination. Any human language has a system of means used to determine words as parts of speech. In analytical languages the article is the basic noun determiner. Determiners are words which have a distribution including the article position. The role of determiners is to specify the range of reference of the noun by making it definite or indefinite. Besides the article there are other determiners in English: possessive, demonstrative and indefinite pronouns *my, this, some*, cardinal numerals *one, two*, nouns in the possessive case *boy's, Ann's*. Most determiners can never go together, as their meanings are either identical, or exclusive: *the Ann's room**, *a his book**.

The semantic evaluation of the article presupposes the analysis of each determiner separately and taken in comparison to each other. With a slight divergence in terminology and interpretation it may be put in the following way.

3.1. The semantic structure of the indefinite article includes *classification, indefiniteness, introduction, quantification*. Each of the semantic properties is realized under specific contextual conditions.

1. The classifying semantics of the indefinite article is revealed in classifying utterances of the type: *A book is the best present. What a boring story! You look like a rose!*

2. The meaning of “indefiniteness” is realized when the referent of the noun is not a real thing, but it exists in the speaker’s imagination only. Those are sentences containing modal verbs or verbs with modal meaning, forms of the Subjunctive Mood, Future Tense forms, negative and interrogative sentences: *If only I were a bird! Have you ever seen a living tiger? I hope there will be a letter.*

3. Before sharing some information about the object, we are to introduce it to the hearer, thus revealing the introducing semantics of the article. *Yesterday I saw a film. Fairy tales can be used as ideal illustrations of this use: Once upon a time there lived an old man. He had a wife and a daughter. He lived in a small house.*

4. The semantics of *quantification* inherent in the indefinite article is preconditioned by its conversional relation to the numeral *one*. The meaning of “oneness” is still preserved when the article is used with nouns denoting measure, like *a minute, a year* or *a pound* [4].

3.2. The definite article may imply *identification, definition, individualization, generalization*.

1. Identification is revealed when the speaker points out something perceived with our organs of feeling. There are five different ways of getting the information about the thing existing in the objective reality. We can see it *Do you like the picture?*, hear it *I believe, the music is too loud*, feel it *The pillow is so soft!*, smell it *What is the name of the perfume?* or taste it *The soup tastes bitter*.

2. The defining semantics is connected with the so called framed perception of the reality. The frame is a structurally organized system of images. It means that the object or thing denoted by the noun is presented as a part of some complex. For example, the frame “classroom” includes a window, a blackboard and a door. So if both the speaker and the hearer know what classroom they are speaking of, the constituents of the classroom don’t need any special concretization, and the definite article will be used. *Come to the blackboard! Open the door, please!*

3. Individualization is realized in the contexts when the object is represented as a unique thing, singled out from the class it belongs to. The unique nature of the

object is usually marked with the help of a particularizing attribute. *This is the easiest way out. I need the book I bought yesterday* [4].

3.3. In most cases the meaningful absence of the article is treated equally to the use of the indefinite article. However, there are situations where the omission of the article has its specific meaning. With no article the noun loses its general lexicogrammatical meaning of *thingness* to a certain degree and acquires the meaning of *qualitativeness*. For example, the nouns *day* and *night* used without any article stand for *light* and *darkness* rather than for the indication of time. Moreover, a greater degree of generalization of such nouns may be proved by a substitution testing, in which generalizing word combinations *in the abstract, in general, in the broadest sense* may be used: *Home should be a safe and comfortable place > Home (in the abstract, in general) should be a safe and comfortable place* [4].

The semantic structure of the article designates its categorial function which implies that the article expresses the category of determination, or reference to definiteness or indefiniteness. The contrastive analysis of semantic properties of the articles shows that it is essential to distinguish between two main roles of the articles – specific, or particular, reference and generic, or generalizing, reference. This is proper to both articles, as well as to the meaningful absence of the article, compare: *The tiger is dying.* (specific reference) *The tiger is in danger of dying out.* (generic reference) *I saw a film.* (specific reference) *Only a film can amuse him.* (generic reference) *Cats were fighting.* (specific reference) *Cats like milk.* (generic reference).

The semantic distinctions, which are important for countable nouns with specific reference, disappear with generic reference, thus admitting of any article use: **A telephone is useful. The telephone is useful. Telephones are useful.** This peculiarity of countable nouns should be taken into close consideration in the process of teaching and learning. The ability to determine the type of nominal reference first will significantly simplify the choice of the article.

4. Communicative estimation of the article. Another important aspect of the article in English is its role in structuring information, in identifying the relative importance of utterance parts. The article is one of the means of distinguishing between facts already known (the theme) and new information (the rheme): *Yesterday I saw a dog. The dog was chasing after a cat. The cat was chasing after a mouse. The mouse disappeared in a hole.* Such sentences are known to have progressive structure (Theme + Rheme). It is the most popular way of conveying information in English. Only 6% of sentences have regressive structure (Rheme + Theme).

In modern Russian the rheme is also usually placed at the end and the main means of expressing actual sentence division is word order. The two Russian sentences *Доктор вышел из кабинета* and *Из кабинета вышел доктор* differ as to the communicative significance of their parts. They will correspond to the English sentences **The doctor went out** (*the doctor we previously mentioned about*) and **A doctor went out** (*a doctor, not a nurse*).

The definite article is known to be the marker of the theme in the utterance. The other thematic elements are loose parenthesis (*as for me, as it was mentioned* etc.), detached parts of the sentence, initial position of the object in the sentence. The indefinite article is usually used as the formal indicator of the rheme. The other rhematic elements include particles *even, only*, negation, emphatic constructions *It is he who...*, inverted subjects *There is a book. Here is a bus.* etc.

Thematic elements contribute little to the meaning of the utterance as they reflect what has already been communicated, in other words they have the lowest

degree of communicative dynamism. Rhematic elements contain new information, which advances the communicative process, and have the highest degree of communicative dynamism.

5. Pragmatic estimation of the article. In discussing the role of the articles it is important to highlight one more aspect – their pragmatic usage. Traditionally the use of articles in written and spoken English is closely connected with the type of attribute the noun is modified. Thus, we distinguish between non-defining, or descriptive, attributes and defining, or particularizing, ones. The former type gives extra information about the noun referent, which does not require identification. Such nouns are determined by the indefinite article: *A lady of considerable charm entered the room.* The latter attribute type gives information that helps to identify the noun referent and the corresponding noun is used with the definite article: *That was **the charm** never seen before.*

Actually the utterance meaning is derived from the meanings of lexical items and grammatical structure. But it may be interpreted differently depending on the context and background knowledge of the interlocutors. This means that each utterance is estimated in a particular speech situation, which is the sphere of pragmatics.

Different intentions or purposes of the speaker may turn to different interpretations of the attributes attached to nouns, thus leading to the alternative article usage. Cf: *I'd like to introduce **a fellow**, I used to work with (he appeared unexpectedly and this information about him is the first thing I could recollect) and *I'd like to introduce **the fellow**, I used to work with (we were just discussing the relationship with former colleagues). The communicative background should help to evaluate the information of the utterance from the necessary point of view, and therefore, influence the speaker and context in this or that particular way. In communication we expect the interlocutor to understand what we say and make relevant responses.**

Pragmatic estimation of the situation of speech should be applied to the methodology of article teaching, the essential stage of which is communicative approach. This defines the aim of language study as the use of appropriate language for particular situations.

Conclusion

So, we have outlined five aspects of the English articles essential for their effective learning. But a language student needs both theory and practice. Learning language successfully comes through real and meaningful communication. Greater emphasis on skills than systems, learner-centered teaching as well as the use of authentic materials is bound to develop in learners their natural strategies for language acquisition, to advance efficient communicative skills and language competencies.

REFERENCE

1. **Блох, М. Я.** Теоретическая грамматика английского языка : учебник для вузов / М. Я. Блох. – 3-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 2000. – 352 с.
2. **Блох, М. Я.** Практикум по теоретической грамматике английского языка : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки дипломированных специалистов “Лингвистика и межкультурная коммуникация” / М. Я. Блох, Т. Н. Семенова, С. В. Тимофеева. – 2-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 2007. – 471 с.
3. **Хаймович, Б. С.** Теоретическая грамматика английского языка : учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков / Б. С. Хаймович, Б. И. Роговская. – Москва : Высшая школа, 1987. – 298 с.

4. **Volkova, L. M.** Lectures in Theoretical Grammar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-lingvo.net/library_view_6419_1.html. – Дата доступа: 30.10.2014 г.
5. **Арутюнова, Н. Д.** Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. – Москва : Радуга, 1982. – С. 5–41.
6. **Чейф, У.** Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. II. – Москва, 1982. – 316 с.
7. **Чирко, Т. М.** Значения определенности/неопределенности и функции определенных / Т. М. Чирко // Коммуникативный аспект взаимодействия формы и содержания языковых единиц. – Воронеж, 1991. – С. 98–107.

Поступила в редакцию 05.01.2015 г.

Контакты: ffl-mogilev-msu@rambler.ru (Бирюк Ирина Борисовна)

Biryuk I.B. WHAT A LANGUAGE STUDENT SHOULD KNOW ABOUT THE ENGLISH ARTICLE.

The issue highlights five aspects of the English article offering the information to raise language students' awareness. The following items are considered: the identification of the article status in the hierarchy of language units, the number of articles in modern English, their semantic structure, as well as communicative and pragmatic evaluation.

Key words: the definite article, the indefinite article, determination, specific reference, generic reference, thematic elements, rhematic elements, descriptive attribute, particularizing attribute.

УДК 882.09

РОМАНТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ А.Ф. РЫПИНСКОГО И ИДЕЯ НАРОДНОСТИ Г.И. ГЕРДЕРА.

М. С. Чернова

кандидат филологических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются суждения А.Ф. Рыпинского о белорусской народности и белорусском языке. Прослеживается идейное влияние Г.И. Гердера и определяется значение теории нации и национальной культуры немецкого философа в формировании народоведческих устремлений Рыпинского. Предпринята попытка объективно оценить его роль в развитии белорусского народознания. Отмечаются сильные и слабые стороны народоведческих изысканий Рыпинского.

Ключевые слова: Александр Рыпинский, книга “Беларусь”, идея Гердера о народности, народность, белорусская литература, романтизм, этнография, белорусская культура, польское национально-освободительное движение.

Введение

Проблема национальной идентичности белорусского народа сегодня имеет не только историко-культурное, но и идеологическое значение. Первые шаги в решении этой проблемы были сделаны белорусскими этнографами, фольклористами, поэтами и писателями. Именно они еще в первой четверти XIX в. начали активный поиск и эстетическое освоение самобытной культуры нашего народа. В этой связи несомненную актуальность приобретает изучение деятельности тех, кто стоял у истоков белорусского народознания. Объективная оценка их вклада в его развитие дает возможность уяснить направление, которым мы идем в поисках “родных корней” и своей народности.

Известный российский этнограф и историк литературы А.Н. Пыпин писал, что “народно-романтическая струя” в белорусской литературе “послужила к появлению образовательного движения; умственная жизнь получила новую складку: возник интерес к народным массам” [1, с. 59].

Как подчеркивал Ю. Манн, “в развитии художественных направлений и методов у народов восточноевропейского региона наблюдается та же последовательность, что и в западном европейском литературном процессе” [2. Т. 6, с. 283]. Действительно, как и большинство европейских и русских писателей, белорусские романтики считали народную поэзию вернейшим источником национальной словесности. Поэтому они начинали свою деятельность с собирания и обработки фольклора, а художественность литературных произведений определяли по степени народности.

К началу XIX в. в Западной Европе широкое распространение получила концепция нации и национальной культуры Г.И. Гердера, который доказывал, что человеческая цивилизация существует не в универсальных и общих для всех, а в национально-своеобразных проявлениях. Противопоставив “безличным и безжизненным” имперским культурным системам народно-этническую самобытную культуру, философ обосновал самоценность национальных языков и фольклора как форму проявления духа нации [3].

Идеи Гердера о том, что каждый народ имеет свою историю, свою культуру и особую судьбу, получили горячий отклик среди патриотически настроенных белорусов, не имевших в то время собственной государственности. Однако эти общие положения теории Гердера они наполняли смыслом, соответствующим собственным идеологическим и политическим устремлениям. Свидетельством тому может служить деятельность польско-белорусского поэта и фольклориста Александра Феликсовича Рыпинского (1811–1909).

О его личности и деятельности нельзя судить однозначно. Например, Пыпин упрекал Рыпинского в польском национализме [1]. М. Богданович также считал, что этот “шляхетский стародум” “чисто случайно” назван белорусским поэтом и “народником” [4. Т. 2, с. 23]. В белорусском литературоведении советского периода его относили к идеологам реакционной шляхты. “Начав с чисто эстетского любования устным творчеством белорусского народа, Рыпинский дошел до отрицания его как нации. К белорусам он относился как ярый колонизатор, чужой и враждебный передовой польской демократии”, – писал С. Майхрович¹ [5, с. 61]. В публицистике же наших дней Рыпинский, напротив, назван в числе первых белорусских поэтов и представлен в качестве одного из основоположников белорусского народознания [6]. Однако реальное значение суждений Рыпинского о народности и его роль в становлении белорусского народознания и литературы возможно оценить, лишь учитывая его мировоззрение и те обстоятельства, в которых он оказывался в силу определенных объективных причин.

Уроженец д. Куковячино Витебской губернии, Рыпинский закончил Витебскую гимназию. Семья была небогатой, и рассчитывать на образование в университете Александру не приходилось. Но о том, что у него были интерес к литературе и природные поэтические способности, свидетельствует, например, перевод поэмы А.С. Пушкина “Русалка”, который Рыпинский сделал еще в гимназические годы. По-видимому, тогда же он заинтересовался фольклором и начал собирать и записывать народные песни своих земляков. Однако Рыпинскому не удалось сохранить эти записи, о чем он с сожалением и горечью напишет в своей книге “Беларусь”.

В 1829–1830 гг. Рыпинский учился в школе прапорщиков в Динабурге (современное название – Даугавпилс). Во время несения караульной службы Рыпинский и его друг Тадеуш Скушидлевский познакомились с узником камеры № 5 В.К. Кюхельбекером. Арестованный за участие в мятеже 14 декабря 1825 г., он отбывал наказание в Динабургской крепости, куда его привезли 16 октября 1827 г. В связи с этим необходимо уточнить, что знакомство Рыпинского с Кюхельбекером произошло в 1829 г., т.е. к концу второго года, а не “на пятом году его пребывания в этой крепости”, как ошибочно полагал Пыпин [1, с. 41].

Впоследствии Рыпинский с уважением отзывался о заключенном декабристе и рассказывал о том, какое серьезное интеллектуальное влияние оказывал он на молодых, романтически настроенных поляков. Не случайно Рыпинский называл Кюхельбекера “ученым”, а в своей книге “Беларусь” не раз вспоминал свои с ним встречи. Об их тесном и доверительном общении свидетельствует и тот факт, что Рыпинский помогал Кюхельбекеру переписывать трагедию “Шуйские” и переводить с польского языка произведения А. Мицкевича. В сохранившихся письмах Скушидлевского к Кюхельбекеру, например, говорится: “Посылаю кой-что новое из Мицкевича Рыпинскому, пусть он с Вами их прочтет” [7, с. 42].

¹ Здесь и далее перевод с белорусского и польского языков мой. – М.Ч.

До своего ареста Кюхельбекер был поэтом, литературным критиком, издателем поэтического сборника “Мнемозина”. Как и все приверженцы гражданского романтизма, в оценке художественных явлений он руководствовался критерием народности. Несомненно, Кюхельбекер был последователем учения Гердера, призывавшего описывать “исчезающие остатки обычаев, песен и сказаний славян, чтобы была создана целостная история этого племени, чего настоятельно требует общая картина человечества” [8, с. 176].

Очевидно, именно Кюхельбекер познакомил Рыпинского с основными положениями “Идей к философии истории человечества”, автора которых он называл “мудрецом-ясновидцем”, “великим Гердером” [8, с. 418]. Кюхельбекер и Рыпинский должны были обсуждать и теорию наций Гердера, и его концепцию народности, и проблему фольклора и художественного творчества, а также вопросы польского, белорусского и русского национального своеобразия. Именно через Кюхельбекера Рыпинский воспринял призывы немецкого философа изучать историю и культуру своего народа. И так же, как в свое время романтик-декабрист, Рыпинский будет искать в прошлом своей страны примеры твердости духа, презрения к опасности и смерти, нетерпимости своих соотечественников к чужому игу. И так же, как и Кюхельбекер, вышедший на Сенатскую площадь и тем самым воплотивший в жизнь свои романтические призывы отдать жизнь за героические идеалы, Рыпинский в 1831 г. примкнет к участникам восстания за независимость Польши.

После его подавления Рыпинскому удалось избежать ареста. Он эмигрировал за границу: сначала в Париж, где познакомился с Мицкевичем, затем в Лондон, где участвовал в создании Вольной польской типографии. Наконец в 1840 г. появилась книга Рыпинского “Беларусь”².

Впервые с докладами о Беларуси Рыпинский выступил на заседании “Польского литературного товарищества” осенью 1839 г. И хотя основная задача этого общества состояла в “собираании и публикации материалов, которые касаются давнего Польского королевства”, на самом деле его программа выходила за рамки историко-архивной работы: “Товарищество” представляло собой объединение сепаратистски и националистически настроенных польских эмигрантов. “Что мог преподнести Рыпинский на суд патриотически настроенных слушателей, сам проникнувшийся пропольской идеологией? Очевидно, своими “вершиками”, подобными тем, которые писали почти все, невозможно было тронуть публику и, что особенно важно, заслужить ее уважение и авторитет. Поэтому, рассказывая о Беларуси, которая “сколько есть и будет Польша, составляет неподдельную часть нашей дорогой Родины”, А. Рыпинский, как бывший житель этой самой Беларуси, оспаривал утверждения русской печати и политики, что Беларусь – это изначальная территория России”, – отмечал М. Хаустович [9, с. 276].

Следует подчеркнуть, что в рассуждениях о белорусах Рыпинский ориентировался на общепринятые принципы народности, сформулированные Гердером. Немецкий философ обуславливал это понятие географическим положением дан-

² Книга А. Рыпинского “Białorus. Kilka słów o poezii prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc.” (“Беларусь. Несколько слов о поэзии простого люда той нашей польской провинции; о его музыке, песнях, танцах и т.п.”) первого издания 1840 г. в единственном экземпляре хранится в Национальной библиотеке Республики Беларусь. Написанная на польском, она в полном объеме на русский язык не переводилась. На белорусский язык труд Рыпинского был переведен (Рыпинскі, А. Беларусь // АРЧЕ Пачатак. – 2009. – № 5. – С. 202–281).

ной страны, государственным устройством, а также традициями, религией, этикой, языком нации [3].

Рыпинский утверждал, что “Белая Русь есть та же Польша”: “Эта Русь, насколько она есть и будет польскою, составляет неделимую часть нашей дорогой родины. <...> Живет здесь простой народ славянского племени, издавна тесно породнившийся с семьей ляхов, честный, но убогий (*uboga*), и мало известный даже собственной отчизне его Польше, хотя он любит ее выше всего” [10, с. 204]. Автор этих строк, по сути, отказал Беларуси в праве на самостоятельное государственное образование. Белорусская земля представлялась ему лишь частью Великой Польши, территория которой когда-то простиралась “от Балтийского моря и до Черного и от Салы до ворот Смоленска”.

В силу своего государственного положения Беларусь всегда страдала от нападения соседей. При этом главную опасность для белорусов Рыпинский усматривал в “татарском наплыве москалей”. Он считал, что белорусский народ уцелел только благодаря тому, что “выбрал себе, наконец, матерью Польшу, бросился вместе с Литвой в ее заботливые объятия и прильнул к ней с сыновней любовью” [10, с. 24]. Автор книги объясняет этот факт отвращением белорусов “ко всему московскому”, в чем немаловажную роль сыграла разница в религии. Православие, или, как пишет Рыпинский, “схизма есть для него (белорусского народа. – *М.Ч.*) – синоним язычества” [10, с. 23]. Однако непредвзятый взгляд на историю дает основание утверждать, что далеко не все белорусы тяготели к католической Польше. Экономическое и социальное бесправие заставляло православное население белорусской земли с надеждой смотреть в сторону восточных соседей – единоверцев.

Как гердерьянец, Рыпинский не мог обойти вниманием вопрос о языке нации. Он утверждал, что язык, на котором говорят белорусы, связывает их с Польшей, а не с Россией. Этот язык “менее отатарен, чем у жителей Москвы или Казани” и “<...> имеет свою оригинальную народную печать, которая значительно отделяет от всех тех языков (русского и украинского. – *М.Ч.*) и тем самым, как мне кажется, сближает его с польским” [10, с. 37]. При этом Рыпинский ссылаясь на Кюхельбекера, который, по его словам, соглашался, что язык белорусский имеет больше польских слов и выражений, чем все другие, “так называемые”, русские наречия.

Рыпинский обращался к белорусской шляхте и мещанам с призывом изучать польский язык и нести его в крестьянскую среду. Польский язык, таким образом, он считал средством объединения белорусского народа с народом польским и создания единой польско-белорусской нации. Именно поэтому в знак “высокого почтения и похвалы” Рыпинский посвятил свой труд “Беларусь” “первому из белорусских мужичков, который сначала выучился читать, а потом говорить и думать по-польски” [10, с. 3].

По сути, книга Рыпинского имела своей целью доказать, что политически, исторически и культурно Беларусь представляет собой часть Польши. Поэтому и о белорусской народности он пишет только как о “ступени к народности польской”. Противоречие в суждениях Рыпинского отметил еще Пыпин: “Он (Рыпинский. – *М.Ч.*) с жаром говорит о необходимости изучения народности, – в данном случае белорусской, ждет здесь открытия национальной святыни, и в то же время признает эту народность только как польскую и, собственно говоря, желает ей исчезнуть” [3, с. 66].

Особый раздел книги “Беларусь” составляли тексты белорусских фольклорных песен, описание некоторых народных обрядов, игр, увеселений. Рыпинский, однако, представил белорусские песни в польской транскрипции, к тому же, по его собственному признанию, зачастую воспроизведенные по памяти. Тем не менее, нельзя не отметить, что он впервые в нашей фольклористике предпринял попытку систематизировать известные ему произведения устного народного творчества белорусов по жанрам и темам. Он выделил духовные и религиозные, свадебные, хуторские, исторические, трудовые, лирические, детские и танцевальные песни. В конце книги он дал описание обрядов, забав, игр, привел несколько пословиц и поговорок, а также опубликовал народные религиозные песни книжного происхождения: “Старый Осип бородатый”, “О, мой Боже, верю тебе” и историческую песню “Про рыцаря Байду”.

Главный недостаток книги Рыпинского – это идеологическая и политическая ангажированность его автора. Рассказывая о временах независимости Речи Посполитой и воинской славы поляков, он не сдерживал чувства злобы против главных, как он считал, ее врагов – москалей. В данном случае можно понять эмоции вынужденного покинуть родную страну участника польского восстания, подавленного русскими войсками.

В 1841 г. он еще раз выступил на заседании “Польского литературного товарищества” и прочитал свое стихотворение “К живому белому орлу, который находится в королевском зверинце в Париже”. Белый орел, посаженный в клетку, – это польская государственная символика, означающая положение государства Польша. Лирический герой готов сломать эту клетку и выпустить орла, чтобы тот полетел в край, где его с надеждой ждет весь народ. В 1840-х гг. Рыпинский написал несколько подобных произведений, в которых использовал ту же аллегорию. Так, например, в стихотворении “Орел в ловушке” он призывает орла к расправе над русским царем. Вдохновившись такой идеей, Рыпинский натуралистично рисует кровавые картины. К сожалению, в данном случае приходится признать правоту В.П. Боткина, который предупреждал, что “политическая идея – это могила искусства”.

Позднее Рыпинский напишет “белорусскую балладу” “Нечистик”. Фольклорная основа, картины крестьянского быта, сказочные, религиозные и мистические мотивы, присутствующие в тексте баллады, – все свидетельствовало о том, что ее автор вернулся к романтической идее народности.

В эмигрантских журналах баллада “Нечистик” была несколько раз переиздана, но в России она интереса уже не вызвала и опубликована не была. Объяснялось это не столько происками русского правительства, не желавшего “распространения грамоты латинской” (баллада была написана на белорусском языке, но латинскими буквами). В 1853 г., когда это произведение вторым изданием появилось в эмигрантской печати, этика и эстетика романтизма себя уже изжили. Реалистические тенденции, характерные для всей европейской литературы того времени, не допускали идеализации ни отдельного человека, ни нации.

В 1859 г. Рыпинский вернулся на родину и предпринял попытку составить историю белорусской литературы, продолжая обуславливать свое понимание белорусской народности идеями Гердера о национальной самобытности. Однако умонастроение эпохи уже изменилось. Его определяли идеи И. Тэна, и складывалось культурно-историческое литературоведение, которое национальную культуру рассматривало как часть общеевропейского культурного развития и ориентировалось на поиск общих закономерностей, связей и взаимосвязей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пыпин, А. Н.** Белоруссия и Сибирь / А. Н. Пыпин // История русской этнографии : в 4 т. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1892. – Т. 4. – 488 с.
2. История всемирной литературы в 9 томах. АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1983–1989.
3. **Гердер, Г. И.** Идеи к философии истории человечества. (Памятники исторической мысли) / Г. И. Гердер. – Москва : Наука, 1997. – 705 с.
4. **Багдановіч, М.** Творы ў 2 т. / М. Багдановіч. – Мінск, 1927–1928.
5. **Майхровіч, С.** Нарысы беларускай літаратуры XIX стагоддзя / С. Майхровіч. – Мінск : Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства асветы БССР, 1959. – 323 с.
6. **Рублевская, Л.** Создатель буквы ў / Л. Рублевская / Беларусь сегодня. – 2011. – 2 ноября.
7. Декабристы и их время. Материалы и сообщения : [сборник] / под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. – Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1951. – 381 с.
8. **Кюхельбекер, В. К.** Сочинения / В. К. Кюхельбекер. – Ленинград : Художественная литература, 1989. – 576 с.
9. **Хаўстовіч, М.** Аляксандр Рыпінскі: знаёмы і незнаёмы // АРСНЕ Пачатак. – 2009. – № 5. – С. 281–396.
10. **Рыпінскі, А.** Białoruś. Kilka słów o poezii prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewe, tańcach etc.; Czytano na posiedzeniu towarzystwa literackiego polskiego w Paryżu r. 1839, m-ca listopada 21 dnia / A. Rypinski. – Paryz, 1840. – 228 s.

Поступила в редакцию 18.02.2015 г.

Контакты: masha.70@mail.ru (Чернова Мария Станиславовна)

Chernova M.S. ROMANTIC ASPIRATIONS OF A.F. RYPINSKY AND G.I. HERDER'S IDEA OF NATIONALITY

The article analyzes Rypinsky's judgment of the Belarusian nationality and language. There is ideological influence G.I. Herder, his theory of the nation and national culture traced in Rypinsky's aspirations. An attempt have been made to assess the significance of Rypinsky's collecting activity in the history of Belarusian ethnography and folklore. The strengths and weaknesses of Rypinsky's research have been observed.

Key words: Alexander Rypinsky, book "Belarus", Herder's idea of nation, Nationality, Belarusian literature, romanticism, ethnography, Belarusian culture, the Polish national liberation movement.

УДК 37.026+37.046.14+81.42+811.161.2

УСВОЕНИЕ УЧАЩИМИСЯ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА УРОКАХ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

Е. П. Божко

аспирант

Херсонский государственный университет (Украина)

Статья посвящена проблеме выявления текстообразующих возможностей сложных предложений. Автор рассматривает усвоение учащимися сведений о текстообразующих потенциях сложных конструкций (практически) как надежную лингвистическую основу для формирования у них текстообразующих умений и навыков на уроках украинского языка по изучению синтаксиса сложных предложений. Дано определение текстообразованию, детально проанализированы и охарактеризованы текстообразующие возможности сложных предложений в украинском языке с позиций их текстовой реализации, текстовой зоны и текстообразующих функций.

Ключевые слова: текстообразование, сложное предложение, текстообразующие возможности, текстообразующие умения.

Введение

Постановка проблемы. На современном этапе в общеобразовательных заведениях обучение украинскому языку, согласно программным требованиям, должно обеспечивать достижение основной цели: “Формирование национально осознанной, духовно богатой языковой личности, которая владеет умениями и навыками свободно, коммуникативно целесообразно использовать средства украинского языка – его стили, типы, жанры во всех видах языковой деятельности (аудировании, чтении, говорении, письме), т.е. обеспечивает должный уровень коммуникативной компетентности” [1, с. 2]. В связи с этим процесс изучения языковых тем на аспектных уроках в 5–9 классах требует от учителя серьезной переориентации: отхода от приоритета формирования языковых умений и навыков к осознанию необходимости полноценного усвоения всех содержательных линий в комплексе (языковой, речевой, социокультурной и деятельностной) как составляющих коммуникативной компетентности, причем с обязательным признанием доминирующей роли речевой линии. Вышесказанное в полной мере относится и к усвоению учащимися теоретических знаний о сложном предложении (далее – СП), что при проведении лингводидактических исследований в направлении формирования текстообразующих умений и навыков учащихся обуславливает необходимость серьезно учитывать выводы ученых о текстообразующих потенциях этих синтаксических единиц.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросу текстообразования (выявлению его сущности, составляющих, закономерностей и наиболее существенных факторов) посвящены исследования Н. Валгиной, И. Гальперина, М. Дымарского, Ю. Земской, Г. Золотовой, С. Ильенко, Л. Лосевой, М. Ляпон, В. Мещерякова, И. Моисеевой, О. Москальской, Т. Николаевой, Н. Панченко, Т. Радзиевской и др.

Отдельные аспекты выявления особенностей функционирования СП как структурных компонентов текста с определенными текстообразующими возможностями отражены в работах лингвистов (Е. Белой, Н. Болотновой, С. Ильенко, А. Загнитко, Н. Купиной, Н. Николиной, Э. Осиповой, Н. Перцова, И. Пильщикова) и психолингвистов (В. Беянина, В. Глухова, Н. Жинкина, И. Зимней, В. Ковшикова и др.).

Лингводидакты А. Глазочая, Е. Горошкина, Т. Донченко, Т. Ладыженская, Л. Мамчур, В. Мельничайко, Г. Михайловская, С. Омелчук, Э. Осипова, М. Пентилук, В. Стативка, С. Цинько, Г. Шелехова и др. обращают внимание на необходимость постоянного наблюдения над приспособлением языковых единиц в тексте, на соответствующую систематическую практическую работу (выполнение упражнений и заданий на выяснение текстообразующей роли языковых единиц). При этом отмечаем, что в отечественном языкознании, психолингвистике, методике обучения украинскому языку отсутствуют исследования, посвященные вопросу текстообразующих возможностей СП, особенностей усвоения этих знаний на уроках изучения синтаксиса СП, что и обуславливает **актуальность** данной статьи.

Целью статьи является определение спектра текстообразующих возможностей сложных предложений как лингвистической основы для успешного формирования текстообразующих умений и навыков учащихся на уроках украинского языка.

Основная часть

Основным назначением каждой единицы языка является ее вклад в создание текста. Под **текстообразованием** мы подразумеваем последовательное развертывание текста, переход от одной текстовой единицы к другой, “способность принимать участие в создании текста, свойство строить текст, соединяя в одно целое все его части и отдельные предложения с учетом коммуникативной установки, целостного смысла, общего замысла – всех факторов, обуславливающих его создание или интерпретацию” [2, с. 2]. Textoобразование характеризуется динамичностью и процессуальностью. Оно охватывает ряд операций, взаимодействующих сложным образом: создание отдельных высказываний (реализованных предложений), их взаимосвязь, порядок их сцепления.

По мнению профессора С. Ильенко, адаптация синтаксических единиц к условиям текста связана не только с их умением подчиняться этим условиям, но и со способностью формировать их [3, с. 444]. У каждой из них есть свои текстообразующие задания. Проанализируем **текстообразующие возможности СП** в контексте трех аспектов: 1) текстовой реализации, 2) текстовой зоны, 3) текстообразующей функции, беря во внимание работы [3; 4].

В соответствии с **текстовой реализацией** в предикативной части СП могут появляться **дополнительные глубинные смыслы**, если воспринимать ее не столько на фоне отдельного СП, сколько с учетом текстового фрагмента или текста в целом. Работа по выявлению дополнительных глубинных смыслов требует от учителя организации методически грамотного контекстного прочтения, концептуального анализа текста и семантико-стилистического анализа СП.

Текстовое окружение обуславливает **семантический синкретизм** между частями СП. Так, в сложноподчиненных предложениях (далее – СПП) с придаточным места, которые строятся по модели “там., де”, проявляется, кроме типичного пространственного значения, еще и условно-временное, например: *А де*

нема любові і страждання, Там не живе, не б'ється і життя... (О. Олесь “Не нам, не нам, осміяним, сміятись”).

В СПП с моделью “така., що..” на атрибутивное значение зависимой части наслідвається значення меры и степени или даже следствия: *Він такий, що в неозорім полі уночі обійде хуртовину* (А. Малишко).

СПП временные также способны выявлять дополнительную семантику: условную (*Мати тоді сита, коли діти не голодні* (К. Гордієнко)) или следственную (*І тільки ти в кімнату підеш з ганку, Погасне тихо й журно свято скрізь, А хмарна ніч проплаче аж до ранку Дощем рясним невтішних сліз* (О. Олесь “Любов”)). В стихотворении А. Олесья “Любов” эти значения СПП особенно выразительны, поскольку обусловлены конечной позицией в тексте.

В СПП, части которого соединены союзом *когда* (по-укр. – *коли*), кроме обозначения временного фона, может быть выражено и обобщение: *Коли ти вийдеш за поріг, лишивши рідний клас, немало сонячних доріг тобі розкрилить час* (М. Упеник).

Степень текстообразующих возможностей СП определяет и **текстовая зона**. Текстовая зона – это целостный фрагмент текста, в котором проявляются единые со СП содержательные, концептуально-функциональные и стилистические начала [3, с. 446]. То есть речь идет о сложном синтаксическом целом или еще большей единице – фрагменте. Радиус действия СП различен: от одного-двух следующих предложений до текста в целом. Зависит он от структуры СП и его семантического наполнения. Например, в глубоко философском стихотворении М. Рыльского “Коли копають картоплю”, подчинительная часть СП, одноименная заголовку, благодаря синтаксической анафоре, “держит” на себе композиционную организацию всего текста. Тем самым она способствует созданию целостной картины осени и психологического состояния лирического героя, в котором внимательный читатель улавливает и легкую счастливую грусть человека, достигшего зрелого возраста, и умиротворение, и тихую радость от торжества жизни, и нежность к тем, кто пока стоит на пороге своей весны (образы детей, идущих в школу, а также парней и девушек, создающих семью):

*Коли копають картоплю, – стелеться дим над землею,
Листя летить воскувате, ніби метеликів рій,
Пахне грибами і медом, вогкістю пахне тією,
Що, опріч назви осінь, немає імені їй.
Коли копають картоплю, ключ угорі журавлиний
Рідною мовою кличе у невідомі краї;
Смутком тоді щасливим повниться серце людини,
Вітер, як старості повів, навкруг обвіває її.
Коли копають картоплю, тихо співають дівчата,
Озимина витикає свіжо-зелені голки,
В гості запрошує всіх біла над річкою хата,
Діти несуть у школу завиті в хустини книжки.
Коли копають картоплю, стигне вода в криниці,
Рівно їй спокійно дише натомлена з праці земля.
Хлопцям пора і дівчатам сваритися і мириться,
Час музикам ладнати скрипки на весілля.*

Теперь рассмотрим текстообразующие возможности СП в аспекте его **текстообразующих функций**. Текстообразующая функция не является следствием самодостаточности появления СП в тексте, а выступает средством текстообразо-

вания лишь в определенной соотнесенности с другими синтаксическими единицами.

Наиболее ярко такое явление проявляется, во-первых, в факте **синтаксического параллелизма**. СП демонстрируют мощные потенции в создании названной стилистической фигуры в тексте, например: *А ти десь там, за даллю вечоровою, А ти десь там, за морем тишини, – Так владно так повільно вичаровуєш Мене із ночі, з тиші, з далини...* (Л. Костенко “У присмеркові доброї дібровості”).

Во-вторых, СП – “стимулятор **текстовых категорий**” [4, с. 363]. Так, СП имеет широкие возможности в продуцировании текстов с различной степенью информативности и с различной модальностью (как объективной, так и субъективно-оценочной): *Мені дано вижити серед пекельних мук, в самотності, яка або ж знищує людину, або підносить дух її на вершини* (П. Загребельний) – субъективная модальность.

СП принимает участие в организации такой текстовой категории, как членность (содержательная и композиционная). Психолингвисты В. Глухов, В. Ковшиков [5] проводят аналогию установления смысловых связей между предикативными частями СП и между абзацами: противительные, сопоставительные, причинно-следственные, условные и др. При этом, по выводам Н. Белуновой [6], тип семантических отношений между абзацами задают, как правило, бессоюзные сложные предложения, содержащиеся в них.

Использование СП, подчиненных логике содержания, способствует смысловой целостности текста, а с помощью видо-временного соответствия глаголов-сказуемых достигается структурная целостность связного высказывания.

В процессе работы учеников над анализом и составлением вступлений, концовок к текстам различных типов обращаем их внимание, что в этих структурных частях могут активно функционировать и СП в инициальной позиции. По данным В. Мещерякова (цит. по [7, с. 125]), составляя зачины к текстам, ученики чаще всего используют предложения, которые содержат указания на время, место, обстоятельства, при которых происходит изображаемое, короткую характеристику героя или определение места предмета речи среди других и т.п. Все это многообразие смыслов можно удачно передать с помощью СП, прежде всего, СПП определительных, изъяснительных и обстоятельственных (места, времени, условия).

СП принимают участие также в организации такой текстовой категории, как связность. Текст считается связным при условии наличия в нем завершённой последовательности высказываний (предложений), связанных между собой в пределах авторского замысла по смыслу и грамматически. Смысловые связи обязательно организуют структуру отдельного СП и объединяют его с другими, интегрируя их в текст. По мнению ученых [8, с. 88], *содержательная связность* может осуществляться без использования внешне выраженных средств связи. Воспринимая текст, реципиент такую связь воссоздает уверенно, исходя из того, что отображенные в тексте объекты-денотаты (предметы, явления, события) размещаются в пространственно-временном континууме рядом, а также благодаря наличию у продуцента и реципиента, общих пресуппозиций (знаний о предмете речи).

Формальная же связность предусматривает обязательное наличие соответствующих элементов во внешней языковой структуре текста. В соответствии со сферой применения выделяют две группы средств: 1) общие для соединения как частей СП, так и отдельных предложений (союзы, частицы, некоторые вставные

слова, соотношенность видовременных форм глагола, средства эквивалентной замены слов, неполные предложения); 2) собственно межфразовые средства – для связи отдельных предложений (лексический повтор, члены и части СП, относящиеся и к последующим синтаксическим единицам; отдельные типы простого предложения) [5, с. 90; 9, с. 71; 10; 11].

Наиболее полно свой текстообразующий потенциал раскрывает группа **собственно межфразовых средств связи**.

Члены предложения предикативных частей различных СП, а также *части СП* с временным, пространственным, предметным и процессуальным значениями исполняют свои текстосвязывающие функции в том случае, если они касаются и последующих предложений, т.к. их семантика не раскрывается в пределах одного СП. В тексте они служат “своеобразными организаторами единства предложений, основным средством связи в этих единствах” [5, с. 93]. Например, хронологическую последовательность описываемых событий передают подчинительные времени, пространственное значение – места.

Поскольку в организации СП принимают участие лексические средства языка, то *лексический повтор*, оформленный СП с подчинительным изъяснительным и определительным, усиливает связность изложения. На уровне СП повтор передается с помощью объединения указательных местоимений *тот* (по-укр. – *той*), *этот* (по-укр. – *цей*) с абстрактными существительными *факт*, *обстоятельство* (по-укр. – *обставина*), *случай* (по-укр. – *випадок*), *позиция* (по-укр. – *позиція*), *взгляд* (по-укр. – *погляд*) и т.п.:

Той факт, що...; Ці обставини, які... и др.

В текстах научного стиля конструкции связи создаются на базе СПИ изъяснительных, в главной части которых есть специфичные сочетания: соответствующие глаголы или указательные местоимения, сочетающиеся с глаголами (*це свідчить про те, що; це говорить про те, що; це означає, що; необхідно наголосити, що; зазначимо, що; відомо, що* и т.п.). Они оптимально предназначены для того, чтобы выделять логические отношения между элементами информационно-познавательной стороны научной речи, а также логику мысли автора, ход его размышлений, то есть особенную логико-связывающую сторону научной речи.

Заключение

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, текстообразующие возможности СП обусловлены сложным взаимодействием его конструктивных характеристик с разнообразным информационным наполнением предикативных частей. В результате СП реализует следующие текстообразующие функции: 1) текстоформирующую – обеспечивает формальное сцепление текста и выступает текстоформирующей единицей; 2) тексторазвивающую – обеспечивает смысловую динамику текста контактно и дистантно (части СП могут “двигать” ремю в пределах одного предложения, а могут расширять новую информацию, содержащуюся в предыдущем предложении, или задавать ее для последующего/последующих предложений). СП интенсифицируют информационную насыщенность текста, расширяют смысловые значения на внешнем и глубинном уровнях.

На уроках украинского языка усвоение теории синтаксиса СП должно быть подчинено заданию формирования у учащихся умений и навыков текстообразования. Именно поэтому главным объектом для анализа СП в тексте становятся не его грамматические характеристики, а текстообразующая роль СП во всей его

многоаспектності. С целью определения текстообразующих функций определенного СП ученики могут провести его смысловую, концептуальную, стилистическую, интонационную, пунктуационную анализ; осуществить наблюдение над его грамматическим строением и установить наличие формальных средств связи и связей данного СП с другими предложениями в пределах сложного синтаксического целого или даже со всем последующим текстом; рассмотреть функционально-стилистические особенности СП.

Лишь при таком подходе усвоение теоретических сведений из синтаксиса СП становится осознанным, а каждый из видов СП, изучаемых на уроке украинского языка, ученики будут воспринимать как эффективное речевое средство, а не абстрактный сухой материал из раздела “Синтаксис СП”. Детям раскроется сущность СП в различных аспектах: богатство их семантики, стилистическая, коммуникативная, текстообразующая роли, что, при усвоении теоретических сведений о языке, будет способствовать формированию у учеников коммуникативной компетентности.

Перспективным направлением в изучении данного вопроса является разработка современных методов анализа текста с позиций учета их текстообразующих функций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Навчальні програми для загальноосвітніх навчальних закладів. Українська мова; Українська література. 5–9 класи. – К. : Видавничий дім “Освіта”, 2013. – С. 1–96.
2. **Конопленко, Н. А.** Текстотвірний потенціал парцельованих конструкцій : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 “Українська мова” / Н. А. Конопленко. – Запоріжжя : Б. в., 2007. – 20 с.
3. **Ильенко, С. Г.** Синтаксические единицы в тексте / С. Г. Ильенко // С. Г. Ильенко. Русистика : избранные труды / вступ. статья М. Я. Дымарского, И. Н. Левиной. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – С. 389–460.
4. **Ильенко, С. Г.** Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц / С. Г. Ильенко // С. Г. Ильенко. Русистика : избранные труды / вступ. статья М. Я. Дымарского, И. Н. Левиной. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – С. 359–375.
5. **Глухов, В.** Психолингвистика. Теория речевой деятельности / Вадим Глухов, Валерий Ковшиков. – Москва : Изд-во: АСТ, 2007. – 318 с.
6. **Белунова, Н. И.** Бессоюзные сложные предложения и соположенные самостоятельные предложения с лексико-синтаксическим повтором в текстовом аспекте : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Н.И. Белунова. – Л., 1987. – 16 с.
7. **Стативка, В. И.** Взаимосвязанное обучение умениями речевой деятельности : монография / В. И. Стативка. – Сумы : Редакционно-издательский отдел СумГПУ им. А.С. Макаренка, 2004. – 332 с.
8. **Белянин, В. П.** Психолингвистика : учебник / В. П. Белянин. – 2-е изд. – Москва : Флинта : Московский психолого-социальный институт, 2004. – 232 с.
9. **Должикова, Т. І.** Практикум з лінгвістики тексту : навч.-метод. посіб. / Т. І. Должикова, І. В. Мілева, А. В. Нікітіна. – Київ, 2011. – 142 с.
10. **Лосева, Л. И.** Как строится текст : пособие для учителей / Л. И. Лосева ; под ред. Г. Я. Солганика, 1980.
11. Синтаксис текста : [сб. статей] / АН СССР, Институт русского языка ; [отв. ред. Г. А. Золотова]. – Москва : Наука, 1979. – 368 с.

Поступила в редакцию 27.10.2014 г.

Контакты: bozhkoolena@mail.ru (Божко Елена Петровна)

Bozhko Y.P. LEARNING TEXT FORMATION POTENCIES OF COMPOUND SENTENCES AT LESSONS OF UKRAINIAN LANGUAGE.

The article deals with the study of the potential of compound sentences in text formation. The author considers pupils' acquisition of text formation potencies of compound sentences as a linguistic basis for forming their text creation skills during the Ukrainian language lessons aimed at the study of compound sentence syntax. The definition of text formation as well as text formation potencies of compound sentences in the Ukrainian language with the regard to their textual implementation, text area and text creation functions are provided.

Key words: text-creation, complex sentence, text-creation the opportunities, text-creation skills.

РЭЦЭНЗІІ

О МЕНТАЛЬНОСТИ ИСТОРИКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ ОДНОЙ СТАТЬИ

Я. Г. Риер

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В рецензии анализируется статья философа В.Ю. Даренского “Константы русского социального идеала и их исторические основания” (История и современность. 2015. № 1. С. 63–80). Обращено внимание на то, что вместо анализа истоков русского социального идеала, основное внимание в статье уделено формулировкам сущности этого явления. А рассмотрение исторических корней русской “особости” подменено уже ставшим трюизмом сопоставлениями с усредненным и упрощенно понимаемым человеком Запада.

Речь пойдет о статье кандидата философских наук, доцента, соискателя Института философии Национальной академии наук Украины В.Ю. Даренского об исторических корнях русского социального идеала, недавно опубликованной в высокорейтинговом российском журнале [1]¹.

Проблема, рассмотренная автором статьи, в последнее время по понятным причинам приобрела злободневность, причем не только в российской литературе. Луганский ученый задался целью рассмотреть формирования *русского социального идеала*. Под ним автор понимает “*опыт самой исторической реальности, только очищенный от его случайных и привходящих элементов, лишь затемняющих суть. В основе этого идеала, таким образом, лежит особый архетип социальности, воспроизводящийся в различных формах в разные исторические эпохи и обеспечивающий успешное жизнетворчество народа. Таким архетипом для России было и остается выживание в условиях перманентной внешней агрессии и скудной природы благодаря особой культуре взаимопомощи (“общинности”) и культуре нестяжательства (приоритет духовного над материальным), которые, в свою очередь, вместе с историческим опытом определяли и особое отношение народа к Российскому государству*” [1, с. 64]. С этим суждением вполне можно согласиться. Особенно, учитывая континентальность климата и бедность почв российского Нечерноземья.

И далее автор приводит литературные примеры из путевых заметок, записок, диалогов, суждений некоторых посетивших Россию иностранцев, а также отдельных российских философов о ментальности русского социума, которыми подтверждает и дополняет выше приведенную формулировку. Не буду злоупотреблять цитатами и отсылаю заинтересовавшего читателя к самой статье, доступной и в электронном виде на сайте Института социологии РАН (страница журнала “История и современность”) [2].

¹ По утверждению основателя и редактора журнала “История и современность”, профессора Э.С. Кульпина, в 2013 г. он занял третье место по цитируемости среди исторических журналов в России.

В принципе, эти суждения “о русском характере и миропонимании” известны. Однако мои комментарии вызваны тем, что подбором соответствующих цитат Виталий Юрьевич вступил в противоречие с провозглашенной им же задачей рассматриваемой статьи, в которой “предпринята попытка реконструкции ключевых компонентов русского социального идеала в историческом контексте”. И далее: “Исследование специфики любого национального социального идеала может идти двумя путями: либо исходя из отражения этого идеала в национальной культуре – в философии и художественной литературе; либо исходя из анализа реальных исторических форм национальной жизни, их характерных особенностей... Первый подход более распространен, но второй более ценен, поскольку позволяет обнаружить те «секреты» национального опыта, которые сейчас особо востребованы, поскольку и ныне выживание и историческое творчество народа очень трудны. В данной статье автор идет вторым путем...” [1, с. 64].

Но на деле автор пошел именно первым путем – набором литературных примеров, а не анализом историко-географических условий, сформировавших именно русский генотип и характер. Лишь упомянув о сложных природных особенностях, он переходит к описанию уже сложившихся черт русского характера, комментируя их сопоставлением с человеком Запада, в чем автор, заметим, далеко не оригинален.

Он пишет: “На основе русского социального идеала вырабатывалась и четкая модель личностного развития: личность здесь – это способность человека к служению людям и душевной открытости. Для сравнения, на Западе личность – это способность человека к самоутверждению за счет других (стяжательство и эгоцентризм). Соответственно развитие государства на Западе – это экспансия, колонизация как эксплуатация других народов. Наоборот, Российское государство росло за счет мирного заселения земель и взаимовыгодного симбиоза с другими народами, ни один из которых не только не погиб (как это стало с аборигенами Америки и Австралии), но лишь получил новые, максимально благоприятные условия для развития” [1, с. 65].

Вспоминается приведенное кем-то из журналистов замечание китайского таможенника, что для него все европейцы – на одно лицо. Так и здесь автор не выходит за рамки примитивных стереотипов об усредненном западном человеке. Спорить с этим не имеет смысла. Прокомментируем лишь исторические неточности. Рост российского государства также не всегда был мирным и дружелюбным симбиозом с соседями. Вспомним захват Казани (откуда и выражение “сирота казанская” – взрослых вырезали), кавказские войны... Примеров pro и contra можно надергать массу. Анализировать надо бы контекст. Россия росла, прежде всего, в иную среду – в слабо заселенные соседние земли на севере, востоке и юге. Западноевропейские страны в силу своего расположения, навоевавшись с равными по силе соседями, открыли для себя дальние земли. В итоге те оставались именно обособленными колониями, а Россия колонизованными территориями прирастала, присоединяла и создавала единое социополитическое пространство. Отсюда и иные формы эксплуатации. Тему можно развивать, однако автор ограничился лишь внешними, причем, как видно, неточными признаками, без анализа причин возникавших различий.

Такой же подход проявлен и при рассмотрении национального самосознания. “Важно понимать, что «родовое» сознание и восприятие социума как «большой семьи» было у всех народов, но только в догосударственный период их жизни, а затем быстро вытеснялось гражданско-правовыми отношениями и структурами. В России же, в силу особо суровых условий исторической жизни и

глубокой христианизации нравственного сознания народа, возможного только в лоне православия, новые государственные отношения не только не разрушали «семейное» самосознание народа, но наоборот, усиливали его... Сфера формально-правовых отношений в России развивается уже много веков, но она всегда имела лишь «надстроечный» характер и не подменяла собой подлинные человеческие отношения, как это происходило на Западе» [1, с. 67].

Напрашивается естественный для историка вопрос: а почему так получилось, что в отличие от всех народов, особенно от западных соседей, именно в российском социуме сохранились патриархальные отношения? Ссылка на наличие «особо суровых условий исторической жизни» явно недостаточна, ибо практически любой народ может найти в своей истории *особо суровые условия*. Действительно, географический фактор сыграл, пожалуй, решающую роль в русской самобытности. Но в него надо включать не только упомянутые климат и почвы, а также соседство степи – Дикое Поле с особым кочевым миром. А отсюда – длинная цепочка социо-экономических и природно-демографических факторов [Подробнее см.: 3–5].

Понятно, такой анализ изменил бы структуру статьи. Но тогда бы она и соответствовала той цели, которую для нее определил сам автор. Без указанного анализа последующие рассуждения лишь в очередной раз констатируют известное: «*Рецепция западных норм права, начиная с эпохи Петра I, поэтому всегда имела двойственный результат: с одной стороны, она отвечала объективным потребностям модернизации российского социума, но с другой – часто вступала в противоречие с его внутренними органическими традициями. Вследствие этого на уровне массового сознания вырабатывался определенный скепсис относительно эффективности и справедливости правовых норм как таковых, что явно выразилось, например, в известной русской поговорке: «Закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло»*» [1, с. 67–68].

Автор объясняет такое неприятие формально-правовых норм западного атомизированного общества сохранением у русских *самосознания народа-семьи*. Но опять возникает вопрос, в чем причина различий, причем у соседей по континенту, даже у этнически родственных западных славян? Виталий Юрьевич, как и вообще сторонники «особости» России, подчеркивает роль православия. Но и тут вопрос: в чем причина восприятия восточными славянами именно греческого варианта христианства? Напомню, что при Кирилле и Мефодии византийское духовенство имело влияние и у западных славян – в первом у них государстве – Великоморавском княжестве и некоторое время в IX в. успешно соперничало с римским. Но потом все же было им вытеснено. Почему? Не в анализе ли этих коллизий внутри славянского мира лежат ответы на вопрос об особенностях восточнославянского психотипа и соответствующих поведенческих норм?

Без ответа все остальное в статье представляется недосказанным, как бы повисшим в воздухе. Хотя в констатациях особого характера русского социума с автором вполне можно согласиться: «*Это самосознание народа-семьи, сформированное особо суровыми условиями жизни, с одной стороны, и православным воспитанием народа – с другой, определяет и совершенно особое отношение народа к государству – именно как общему защитнику народа-семьи, без которого просто не выжить. Если западноевропейский обыватель не видел ничего страшного в смене своего подданства и гражданства, лишь подсчитывая свои выгоды или невыгоды от перехода в другое государство, то для русского человека все было совершенно иначе*» [1, с. 68–69]. Но в этой формулировке нет новизны. В русской публицистике это стало общим местом уже с XIX в. (некоторых авторов для подкрепления своих рассуждений упоминает и В.Д.).

Автор добавил, пожалуй, лишь опыт современных реалий: *“мобилизационный характер власти в России всегда делает российскую власть «монархичной» независимо от ее частной формально-юридической формы”* [1, с. 70]. Это – бесспорно! Из чего Виталий Юрьевич делает вполне злободневный вывод: *“Этой имманентной «монархичности» российской власти, в свою очередь, соответствует народная культура предельного доверия к власти, которая всегда оказывалась полностью оправданной и эффективной, поскольку привела русский народ к колоссальным успехам в строительстве государства, защите от внешних и внутренних врагов и способствовала созданию великой культуры. Катастрофы начались в XX в. именно потому, что сначала сам народ не проявил достаточной культуры доверия власти, поверив «революционерам»* [1, с. 71].

Сопоставляя русское правовое сознание с западным, автор пишет: *“Западный социум отличается юридически четкой регламентированной деятельностью без крайностей «вольности» и мобилизации. Западный стиль власти построен по модели рынка: здесь власть – посредник в борьбе интересов, а политика – рынок оплаченных услуг. Для этого типа русский тип власти кажется “деспотичным”, так как к власти применяется не русский принцип доверия, а рыночный принцип найма и контроля”* [1, с. 73]. Согласен².

Но почему так разошлись пути развития средневекового восточнославянского социума и его западных соседей? Точнее, почему у русских сохранились патриархальные черты общественных отношений, а западные “варвары”, вышедшие из той же первобытной среды, изменили свои поведенческие установки? На мой взгляд, это связано, опять-таки, с географической средой, в которой формировался русский социум [Подробнее: 3, с. 65–97; 4; 6; 7]. Возможны и другие объяснения...

Но продекларированного в начале статьи исторического анализа и здесь нет! Как нет и в последующих рассуждениях автора о деспотизме и крепостничестве. Читаем: *“...тезис о «русском деспотизме» в сопоставлении с историей Западной Европы оказывается совершенно мифологическим”* [1, с. 73]. Обоснование этого мнения приведу целиком, ибо оно характеризует уровень исторических представлений автора. *“...пресловутое крепостное право – это европейский институт, пришедший в Россию в ходе ее вестернизации (в особо жесткой форме – с эпохи Петра I); в Западной Европе он возник намного раньше и существовал намного дольше, охватывая гораздо большую часть населения, чем в России, – и поэтому именно там, а отнюдь не в России, мог оказать намного более существенное влияние на национальный характер. Более того, сам этот институт в России сохранил свой изначальный нравственно-религиозный смысл – смысл службы государству, Отечеству, а значит, исполнения долга перед Богом, а не людьми. Кроме того, сам термин «крепостное право» крайне мифологизирован. Что за ним стояло в реальности? Только то, что из 40–50 рабочих дней в году 10–15 крестьянин работал на «барина», а весь остальной год (а это 300 дней!) был фактически предоставлен самому себе и обычно занимался частным промыслом. Для современного человека такое «крепостное право», скорее всего, показалось бы круглогодичным отпуском с небольшим перерывом”* [1, с. 74].

Здесь почти всё, кроме того, что действительно, крепостничество на Западе возникло раньше, мягко говоря, неточно. Во-первых, в странах Западной Европы крепо-

² Более того, к слову, считаю, что часто применяемый, особенно в чиновной среде рыночный термин *“образовательные услуги”* в корне неверен. Ибо *знания* – это не вещь с конкретными физическими параметрами, а интеллектуальный продукт нематериального характера, который впитывается в сознание человека, определяя его мировоззрение и поведение.

стничество исчезло к XV в. Во-вторых, крепостной, в отличие от подданного, служил не государству, а непосредственно своему господину, что на Западе, что в России. А то, что автор написал о службах русского крепостного, и есть та самая мифологизация, но с другим знаком. А о продаже крепостных “девок” и “парубков”, о холопстве, вытекавшем из крепостного состояния, автор забыл? Уход крестьян на промысел стал массовым именно после отмены крепостного права в России, т.е. лишь после 1861 г., а до того мог состояться только с дозволения помещика. Особенно, замечу, умилило сопоставление крепостничества с круглогодичным отпуском!

Наконец, после нескольких частных наблюдений автор переходит к причинам формирования русской специфики. Но ограничивается лишь указанием на тяжелые природно-климатические условия Восточной Европы, которые делали крестьянский труд малопродуктивным, что затрудняло функционирование государства, усиливало его роль в социуме и создало, в итоге, мобилизационную экономику. Впрочем, об этом уже писалось не раз, а недавно было обобщено в трудах российского историка, акад. Л.В. Милова, цитаты из которых привел автор на полутора страницах своего текста [1, с. 75–76].

А далее – вновь литературные рассуждения о русском характере. Здесь с автором вполне можно соглашаться. Но, опять, пока он не вспоминает о сравнении с Западом: в России были “бунты нравственного чувства справедливости, а не прагматические бунты собственников или нищих, как в Европе” [1, с. 77]. Не будем цепляться, хотя это и существенно, что автор отделяет Россию от Европы. Нельзя забывать, что формировалась Россия именно на европейском континенте, до Азии добралась лишь ближе к концу XVI в.

Но утверждать, что на западе Европы восстания возникали не из-за попираемой властью имущими справедливости (в понимании восставших) – грешить против истории. Вспомним, в Англии и в XIV, и в XVI вв. крестьяне выдвигали целые программы справедливого переустройства мира. И знаменитая французская Жакерия во второй половине XIV в. также была спровоцирована несправедливыми требованиями дворян к их крестьянам. А программы выступлений немецких крестьян в начале XVI в.? Приходится констатировать, что плохое знание истории так поверхностно критикуемого Запада лишь дискредитирует и другие, в том числе и вполне приемлемые аргументы Виталия Юрьевича.

Наконец, сомнительно выглядят и заключительные положения статьи. К ее теме, историческому анализу истоков русского социального идеала, они не имеют никакого отношения. Наоборот, уже без опоры на историю автор постулирует преимущества традиционного русского социума, провозглашая: “Высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности. В этом отношении Россия как раз остается мировым лидером и является намного более развитой страной, чем страны Запада и быстро вестернизирующиеся страны Востока” [1, с. 79].

То есть, резюмируя: Россия – это особый социум, для которого духовность выше современных мировых тенденций к обезличенной техногенной цивилизации, основанной на западной модели. И в этом ее преимущество. Такое мнение, естественно, имеет полное право на существование.

Но почему духовность должна противостоять естественному стремлению человека к достатку и комфорту, которые обеспечивает, все-таки, западное общество, раскрепощающее и поддерживающее творческие способности людей? Духовность, к сожалению, не подкреплена развитой экономикой и налаженным бытом, не развивает креативность, а сводит всех людей к единым нормам

поведения, к общине, к единой морали и – в итоге – к прокрустову ложу однообразия, где главное – не высываться. А известное эмоциональное отношение к праву – путь к произволу, о котором у нас хорошо известно. Ибо, если нет общего для всех права, то защитить индивида могут только свои, но тогда и выделяться среди них нельзя. Кстати, это представление о мире господствовало и на Западе в средние века, до распространения предпринимательства, рыночных отношений и гуманистической философии.

И потом, почему-то не отдается отчет в том, что при всей обоснованности и привлекательности русского отношения к жизни, все то, что делает эту жизнь легче, удобнее, здоровее и дольше, приходило и приходит к нам все с того презренного, плохого Запада, в том числе и технологии, позволившие подготовить и рецензируемую статью, набранную на изобретенных вст там же клавиатуре и операционной системе, и высланной, вероятно, тоже через “ихнее” изобретение – интернет? Я уже не вспоминаю о мобильниках... И ведь не секрет, что многие россияне лучше проявляли и проявляют свои таланты **там**: вспомни хотя бы Зворыкина с телевидением, Сикорского с вертолетами, Сергея Брина с Гуглом, недавних нобелевских лауреатов по физике, бывших москвичей, а теперь жителей Англии и Нидерландов, где они и завершили свои разработки...

Вот бы и задаться вопросом: отчего *высокая духовность* не продуцирует соответствующий уровень материальной и интеллектуальной жизни? Именно в таком контексте, полагаю, имеет смысл сопоставление цивилизаций востока и запада нашего континента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Даренский, В. Ю.** Константы русского социального идеала и их исторические основания / В. Ю. Даренский // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 63–80 (http://www.isras.ru/History&Modernity_2015_01.html).
2. http://www.isras.ru/History&Modernity_2013_02.html
3. **Риер, Я. Г.** Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа / Я. Г. Риер. – Могилев, 2003. – 154 с.
4. **Риер, Я. Г.** Цивилизации средневековой Европы / Я. Г. Риер // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX–XX. – С. 165–187.
5. **Кульпин, Э. С.** Социоестественная история / Э. С. Кульпин. – Волгоград, 2014. – 336 с.
6. **Риер, Я. Г.** Климат и исторические процессы: по поводу исторических представлений проф. В.В. Клименко / Я. Г. Риер // Человек и природа в пространстве и времени / Серия Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXVI. – Москва : ИАЦ-Энергия, 2012. – С. 261–298.
7. **Риер, Я. Г.** В поисках исторических закономерностей / Я. Г. Риер // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 42–62.

Поступила в редакцию 07.04.2015 г.

Контакты: rier@mogilev.by (Риер Яков Григорьевич)

Riyer Y.G. CONCERNING HISTORIAN'S MENTALITY: REFLECTIONS ON THE MARGINS OF AN ARTICLE.

The review examines the article “Constants of Russian Social Ideal and Their Historical Grounds” by the philosopher V.Y. Darensky (Istoriya i Sovremennost (History and the Present). 2015. № 1. P. 63–80). Attention is drawn to the fact that instead of analysing the origins of the Russian social ideal, the article focuses on the definition of this phenomenon. The examination of the historical roots of the Russian “uniqueness” is substituted by its comparison with the average and simplistic understanding of a Western man which has already become a truism.